

УНИВЕРСИТЕТСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Годъ XXIX. № 3.—МАРТЪ. 1889 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

Часть II—неофициальная.		СТРАН.
I. О свободѣ международной торговли и протекціонизмѣ. Рѣчь, читанная на торжественномъ актѣ Императорскаго Университета Св. Владимира, 8 января 1889 года, ордин. проф. Д. Пшхо . . .	1—26	VI. Уставныя земскія грамоты Литовско-русскаго государства.—Стипендіата М. Ясимскаго . . . . . VI+99-154
II. Налогъ на освобожденныхъ отъ воинской повинности въ теоріи и въ практическомъ примѣненіи. Сочин. удост. юридическимъ факультетомъ золотой медали.— Студента Б. Брандта	1—34	Бритика и библиографія.
III. Историческій очеркъ развитія позитивной школы о преступникѣхъ и преступленіи.— Вступительная лекція, чит. 15 февраля 1889 г.—Проф. Н. Оболонскаго	1—19	V. Древнегреческія росписныя вазы. — Привать - доцента Г. Павлуцкаго . . . . . 41—112
		Прибавленіе.
		Объявленіе о конкурсѣ на соисканіе Кирилло-Меодіевской преміи и преміи имени А. Ѳ. Гильфердинга.

КІЕВЪ.
1889.

УНИВЕРСИТЕТСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ.

№ 3.-МАРТЪ.

Типографія ИМПЕРАТОРСКАГО Университета Св. Владимира.
Кіевское отдѣленіе ВЫСОЧАЙШЕ утвержд. Т-ва печ. дѣла и торг. И. Н. Кушнеревъ и К^о въ Москвѣ.
1889.

Digitized by Google

Печатано по опредѣленію Совѣта Университета Св. Владимира.
Ректоръ *Н. Ренненкампфъ.*

СОДЕРЖАНІЕ.

Часть II—неофициальная.

	СТРАН.
I. О свободѣ международной торговли и протекціонизмѣ. Рѣчь, читанная на торжественномъ актѣ Императорскаго Университета Св. Владимира, 8 января 1889 года, ордин. проф. Д. Пихно	1—26
II. Налогъ на освобожденныхъ отъ воинской повинности въ теоріи и въ практическомъ примѣненіи. Сочин., удостоен. юридическимъ факультетомъ золотой медали. — Студента Б. Брандта	1—34
III. Историческій очеркъ развитія позитивной школы о преступникѣхъ и преступленіи. — Вступительная лекція, чит. 15 февраля 1889 г.—Профессора Н. Оболонскаго	1—19
IV. Уставныя земскія грамоты Литовско-русскаго государства.—Стипендіата М. Ясинскаго	VI—99—154

Критика и библиографія.

V. Древнегреческія росписныя вазы. — Приватъ доцента Г. Павлуцкаго	41—112
--	--------

Прибавленіе.

Объявленіе о конкурсѣ на соисканіе Кирилло-Мееодіевской преміи и преміи имени А. Θ. Гильфердинга.

О СВОБОДѢ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛИ и ПРОТЕКЦИОНИЗМѢ.

(Рѣчь, читанная на торжественномъ актѣ Императорскаго Университета Св. Владимира 8-го января 1889 г. ординарнымъ профессоромъ Д. М. Лихно).

Однимъ изъ труднѣйшихъ вопросовъ въ теоріи и практикѣ, въ государствѣдвѣніи и экономической наукѣ представляется вопросъ о предѣлахъ и степени вмѣшательства государства въ экономическую дѣятельность народа. Эта трудность обусловливается, съ одной стороны, различіемъ возрѣній на задачи государства, какъ блюстителя общественныхъ интересовъ, а съ другой—тѣсною связью между интересами частными и общественными. По мнѣнію однихъ, экономическая дѣятельность составляетъ ту область, относительно которой воздѣйствіе государственной власти должно ограничиваться установленіемъ соотвѣтственнаго законодательства и осуществленіемъ судебной и полицейской защиты, обезпечивающей безопасность гражданъ, неприкосновенность ихъ правъ, прочность договоровъ и свободу экономической дѣятельности. По мнѣнію другихъ, государство, кромѣ этихъ отрицательныхъ функцій, должно содѣйствовать развитію экономической дѣятельности многоразличными положительными мѣрами, приходя на помощь частной предприимчивости, поддерживая и укрѣпляя ея силы и направляя ходъ экономической жизни по пути, наиболѣе согласному съ общественнымъ благомъ. Это послѣднее возрѣніе представляетъ много отгѣнковъ. Одни полагаютъ, что государство должно быть внимательнымъ и зоркимъ, но мягкимъ и осторожнымъ попечителемъ, постоянно воздѣйствующимъ на экономическую жизнь, но предоставляющимъ частной дѣятельности инициативу и широкую

свободу. Другіе утверждаютъ, что государство должно стать въ положеніе опекуна съ обширными правами разрѣшать, воспрепятствовать и руководить. Существуютъ, наконецъ, крайнія воззрѣнія, въ которыхъ государству предоставляется роль полновластнаго распорядителя всею экономическою жизнью, при чемъ всѣ частныя хозяйства, съ дѣйствующими въ нихъ силами, поглощаются государственнымъ хозяйствомъ, и, теряя свою самостоятельность, становятся исполнительными органами послѣдняго.

Первое изъ приведенныхъ воззрѣній исходитъ изъ того принципа, что экономическая дѣятельность представляетъ собою сферу частныхъ интересовъ, въ которыхъ наилучшій судья — частное лицо, наиболѣе сильный двигатель — личная польза, наилучшій распорядитель — частная предпріимчивость. Совокупныя усилія частныхъ лицъ, развивающихъ экономическую дѣятельность подъ могущественнымъ стимуломъ собственной пользы и подъ режимомъ свободы и личной отвѣтственности, достигаютъ высшей суммы частныхъ польвъ, а это равносильно и высшей суммѣ общественнаго блага, такъ какъ общество слагается изъ тѣхъ же частныхъ лицъ, а государство черпаетъ свои средства изъ частныхъ доходовъ.

Второе воззрѣніе, указывая на тѣсную связь и зависимость между частными и общественными интересами, не признаетъ во многихъ случаяхъ частнаго интереса и частной предпріимчивости наилучшимъ распорядителемъ какъ отдѣльныхъ частныхъ хозяйствъ, такъ и народнаго хозяйства въ его совокупности. Оно указываетъ на противорѣчія, возникающія между различными частными интересами, а также между частною пользою и требованіями общественнаго блага; указываетъ на ошибки частныхъ хозяйствъ, которыя могутъ вызывать не только частныя потери, но и общественныя бѣдствія; на односторонность и ограниченность кругозора частной предпріимчивости; наконецъ, на ея случайность и измѣнчивость. Частное хозяйство представляетъ временный и личный интересъ, измѣнчивый и преходящій; совокупность частныхъ хозяйствъ также представляетъ только совокупность временныхъ интересовъ, а не долговѣчные интересы народа. Между тѣмъ народное хозяйство, какъ и самъ народъ, составляетъ многовѣковое историческое дерево, корни котораго глубоко вросли въ историческія нѣдра, а вершина скрывается въ безпредѣльной высотѣ будущаго. Это дерево возвращено трудами многихъ прежде

жившихъ поколѣній, питаетъ своими плодами поколѣнія живущія и должно быть сохранено и передано по наслѣдству поколѣніямъ грядущимъ. Грядущія поколѣнія путемъ экономическаго учета будущаго также привлекаются къ созидающей исторической работѣ нынѣ живущими поколѣніями и принимаютъ отъ послѣднихъ не только активъ, но и пассивъ хозяйства, не только накопленные блага и права, но долги и обязательства. Для охраны и дальнѣйшаго произрастанія этого дерева требуются постоянныя заботы и участіе такой силы, которая представляетъ собою интересы народа, какъ цѣлаго, т. е. участіе и заботы государства, его многообразное воздѣйствіе на экономическую дѣятельность.

Изъ сопоставленія изложенныхъ воззрѣній видно, что въ народномъ хозяйствѣ, въ виду двойственности его характера и тѣсной связи между частными и общественными интересами, требуется совмѣстная работа обѣихъ категорій силъ—частныхъ и общественныхъ, слѣдовательно, требуется найти такое соотношеніе между ними, которое наиболѣе обезпечивало бы возможно полный просторъ частной дѣятельности, наиболѣе содѣйствовало бы ея успѣхамъ и, въ то же время, охраняло бы интересы общественныя. Рѣшеніе этой задачи проще на нисшихъ ступеняхъ хозяйственнаго развитія, когда частное лицо не получаетъ для своей хозяйственной дѣятельности почти ничего отъ общества, кромѣ виѣшней защиты, а связь между частными хозяйствами ничтожна. Въ это время каждое частное хозяйство представляетъ самобытную единицу, живущую, при слабомъ раздѣленіи труда, болѣе или менѣе уединенною жизнью; народное же хозяйство является простою совокупностью частныхъ хозяйствъ, лишь съ весьма слабыми зачатками органической между ними связи. Но чѣмъ длиннѣ культурно-историческій путь народа, тѣмъ большее наслѣдство получаетъ народное хозяйство даннаго времени отъ предъидущихъ поколѣній и тѣмъ сильнѣе оно влѣетъ на поколѣнія послѣдующія. Съ другой стороны, — чѣмъ болѣе развивается народное хозяйство, тѣмъ крѣпче становятся связи между частными хозяйствами, зависимость ихъ отъ хозяйства народнаго, а народнаго хозяйства отъ правильной дѣятельности составныхъ частей его. Въ развитомъ современномъ хозяйствѣ, построенномъ на раздѣленіи труда, опирающемся на многоразличныя общественно-хозяйственныя учрежденія и связанномъ узами кредита, частное хозяйство есть лишь частица хозяйства

общенародного, одинъ изъ безчисленныхъ специальныхъ органовъ послѣдняго. Существованіе этихъ органовъ мыслимо только въ общей жизни съ цѣлымъ; всѣ эти частицы соединены одна съ другой и съ цѣлымъ множествомъ связей, не безъ основанія уподобляющихся связямъ органическимъ. При такой организаціи хозяйства, каждое частное лицо въ своей дѣятельности получаетъ столь много отъ окружающихъ условій, созданныхъ прошлымъ и создающихся общею народно-хозяйственной жизнью, что въ частной хозяйственной дѣятельности невозможно даже разграничить, что составляетъ результатъ этой дѣятельности и что получено ею извнѣ.

Преимственность и органическій характеръ народного хозяйства чрезвычайно усложняютъ задачи государства, и потому вопросъ можетъ быть не о томъ, умѣстно ли вмѣшательство государства въ хозяйственную дѣятельность, а о цѣлесообразныхъ границахъ такого вмѣшательства. Этотъ общій вопросъ не можетъ быть рѣшенъ по одному какому либо принципу разъ навсегда и для всѣхъ случаевъ; онъ рѣшается по совокупности данныхъ обстоятельствъ и условій историческихъ.

Нѣкоторыя области государственнаго воедѣйствія давно уже вполне опредѣлились; но развивающаяся хозяйственная жизнь намѣчаетъ новые вопросы, а нѣкоторые изъ старыхъ остаются спорными. Къ числу такихъ спорныхъ вопросовъ принадлежитъ вопросъ объ отношеніи государства къ международной торговлѣ.

Относительно международной торговли въ наукѣ и государственной практикѣ борются тѣ же два противоположныхъ воззрѣнія, основныя черты которыхъ указаны выше.

Первое изъ нихъ отстаиваетъ свободу международной торговли, т. е. теорію государственнаго невмѣшательства. Международнѣй обмѣнъ, учить эта теорія, основанъ на томъ же принципѣ какъ и обмѣнъ между частными хозяйствами, т. е. на принципѣ раздѣленія и специализаціи производства. Частныя хозяйства не въ состояніи съ успѣхомъ заниматься каждое всѣми производствами, необходимыми для удовлетворенія ихъ потребностей и вслѣдствіе этого между ними устанавливается широко развѣтвленная специализація занятій, при чемъ каждое хозяйство въ своей специальности достигаетъ высокаго совершенства, а совокупная дѣятельность всѣхъ хозяйствъ становится несравненно производительнѣе. Точно также полезно и международное

раздѣленіе занятій. Вслѣдствіе особенностей почвы, климата, географическаго положенія страны, историческихъ условій народной жизни и проч., не всѣ отрасли промышленности могутъ развиваться у каждаго народа съ равнымъ успѣхомъ. Но если народъ можетъ обмѣниваться своими произведеніями съ сосѣдями, то представляется, очевидно, выгоднымъ для народа сосредоточить свою дѣятельность на промыслахъ наиболѣе производительныхъ и получать въ обмѣнъ изъ другихъ странъ тѣ продукты, которые болѣе успѣшно производятся иностранцами. Такимъ образомъ вслѣдствіе международнаго раздѣленія труда, являющагося завершеніемъ раздѣленія труда между отдѣльными частными хозяйствами, хозяйственная дѣятельность каждаго народа становится наиболѣе производительною, и получаютъ огромныя выгоды, какъ для каждой отдѣльной страны, такъ и для всего человѣчества.

Международное раздѣленіе труда, стремящееся направить каждый народъ на наиболѣе производительныя для него отрасли производства, не требуетъ, какъ и частно-хозяйственная спеціализація промысловъ, какой-либо искусственной организаціи и внѣшней руководящей силы. Самымъ совершеннымъ регуляторомъ является здѣсь коммерческій интересъ и конкуренція, подъ вліяніемъ которыхъ народъ по указаніямъ опыта избираетъ тѣ отрасли производства, въ которыхъ онъ имѣетъ наибольшія преимущества, а потому получаетъ наибольшія выгоды въ формѣ высокой оплаты труда, капитала и производительныхъ силъ природы; наоборотъ, онъ оставляетъ тѣ промыслы, которые съ большимъ успѣхомъ развиваются въ другихъ странахъ. Искусственныя препятствія, которыя ставятъ естественному ходу международной торговли государственная власть, съ цѣлью покровительства тѣмъ или инымъ отраслямъ національной промышленности, не способнымъ существовать и развиваться безъ такой поддержки, наносятъ ущербъ не только міровому хозяйству, но и тому народному хозяйству, въ которомъ практикуется покровительство. Покровительство отвлекаетъ силы народа отъ болѣе производительныхъ занятій къ менѣе производительнымъ, т. е. дѣлаетъ народный трудъ менѣе успѣшнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ заставляетъ потребителей оплачивать высокою цѣною этотъ малопродуктивный трудъ т. е. платить дороже за тѣ туземныя произведенія, которыя могли бы быть получены дешевле изъ-заграницы. Такимъ образомъ мало-

производительныя отрасли промышленности живутъ паразитами и поглощаютъ результаты болѣе производительныхъ занятій. Чѣмъ большее число государствъ держатся подобной системы и чѣмъ больше отраслей промышленности поддерживаются искусственнымъ покровительствомъ, тѣмъ значительнѣе ущербъ, наносимый каждому народу и всему человѣчеству. Такова въ общихъ чертахъ теорія свободы международной торговли.

Доктрина протекціонизма или покровительства національной промышленности исходитъ отъ того основного положенія, что въ международномъ раздѣленіи труда и международной торговлѣ народъ долженъ прежде всего заботиться о своихъ національныхъ интересахъ. Международная торговля безъ вмѣшательства государства не только приноситъ меньше пользы странѣ, нежели сколько она могла бы приносить при правительственномъ воздѣйствіи, но можетъ причинить значительный вредъ и представлять серьезную опасность въ политическомъ, финансовомъ, экономическомъ и соціальномъ отношеніяхъ. Для усиленія полезности международной торговли и устраненія связанныхъ съ нею опасностей для національныхъ интересовъ, правительство должно регулировать эту торговлю системою таможенныхъ пошлинъ.

Въ разныя эпохи покровительственная система опиралась на различные доводы; главнѣйшіе между ними слѣдующіе:

1) Ученіе о международномъ торговомъ балансѣ. Въ международной торговлѣ привозъ товаровъ оплачивается вывозомъ товаровъ, а разница счетовъ покрывается наличными деньгами или денежными обязательствами. Страна, которая получаетъ по международной торговлѣ денежную приплату, имѣетъ выгодный торговый международный балансъ, а производящая такую приплату невыгодный. Въ невыгодномъ балансѣ сторонники покровительственной системы усматриваютъ потерю для страны. Старая школа меркантилистовъ считала, что вывозъ золота и серебра производитъ обѣдненіе страны, а привозъ благородныхъ металловъ обогащаетъ ее. По ученію меркантилистовъ, даже худшія туземныя произведенія должны имѣть одинаковую цѣну съ иностранными, а равнокачественныя должны быть дороже, ибо лучше заплатить за товаръ два талера, которые останутся въ странѣ, нежели одинъ талеръ, который уйдетъ за границу. Въ позднѣйшее время теорія торговаго баланса получила иное основаніе: невыгодный между-

народный торговый баланс создаетъ невыгодный вексельный курсъ для денежныхъ расчетовъ. Колебанія вексельныхъ курсовъ при металлическомъ денежномъ обращеніи ограничиваются извѣстными предѣлами (стоимостью пересылки наличныхъ денегъ изъ одной страны въ другую); но при бумажно-денежномъ обращеніи невыгодный торговый балансъ можетъ значительно понижать курсъ бумажныхъ денегъ на международномъ денежномъ рынкѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ значительный отливъ денегъ изъ страны можетъ вызвать недостатокъ орудій обращенія, дороговизну денегъ и даже острый денежный кризисъ. Съ этой точки зрѣнія, дѣйствительно, нельзя отрицать извѣстнаго значенія торговаго баланса, хотя необходимо имѣть въ виду, что платежный международный балансъ составляется не только изъ платежей по международной торговлѣ, но также изъ многихъ другихъ суммъ: изъ суммъ проживаемыхъ подданными государства за границей и иностранцами въ странѣ, изъ суммъ получаемыхъ по внѣшнимъ займамъ и по уплатѣ процентовъ на нихъ и проч.

2) Въ старой протекціонной политикѣ немаловажную роль играло стремленіе правительства обезпечить дешевизну важнѣйшихъ предметовъ потребленія, въ особенности предметовъ продовольствія. Съ этой цѣлью ограничивался или воспрещался вывозъ хлѣба, шерсти и др. предметовъ.*) При слабости международной торговли, первобытныхъ путяхъ сообщенія, частыхъ и продолжительныхъ войнахъ и внутреннихъ смутахъ обезпеченіе народнаго продовольствія достаточными запасами и по умѣреннымъ цѣнамъ составляло одну изъ трудныхъ задачъ правительства, вслѣдствіе чего и таможенные мѣры, направленные къ этой цѣли, не лишены были въ то время извѣстнаго значенія. Нынѣ онѣ совершенно утратили это значеніе и болѣе не практикуются: вывозъ предметовъ продовольствія не только нигдѣ не воспрещается, а напротивъ поощряется.

3) Дальнѣйшимъ доводомъ въ пользу протекціонизма является теорія экономической независимости страны, какъ одного изъ условій политической независимости и безопасности народа. Эта теорія въ

*) Lexis указываетъ, напр. что этия мотивы оправдывались воспрещенія вывоза по французскимъ ордоннансамъ 13 и 14 вв. Въ ордоннансѣ Карла IV отъ 13 Декабря 1824 г. говорится, что вывозъ предметовъ продовольствія воспрещается „regardant la grande necessité de notre royaume et des personnes religieuses et nobles et autres“.

наиболѣе ограниченной формѣ требуетъ, въ интересахъ политической безопасности, производства въ странѣ, хотя бы и убыточнаго, предметовъ вооруженія и боевыхъ припасовъ (напр. оружія, пороха), развитія флота и проч. Само собою разумѣется, что тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о политической безопасности государства, соображенія экономическія отходятъ на второй планъ, и потому вопросъ о покровительствѣ производствамъ, имѣющимъ цѣлью обезпечить защиту страны отъ внѣшнихъ враговъ, долженъ разрѣшаться не по экономическимъ, а по политическимъ и въ частности по военнымъ соображеніямъ.

Но нѣкоторые протекціонисты понимаютъ экономическую независимость гораздо шире. Государство, по ихъ мнѣнію, должно обезпечить себя не только относительно предметовъ, имѣющихъ военное значеніе, но относительно всѣхъ продуктовъ, служащихъ для удовлетворенія важнѣйшихъ народныхъ потребностей. Несоблюденіе этого условія, напр. недостатокъ предметовъ продовольствія, сырья для обрабатывающей промышленности, орудій и машинъ и т. п., создаетъ экономическую зависимость страны отъ другихъ странъ и иностранныхъ рынковъ, которая въ особенности чувствительно проявляется во время войнъ, торговыхъ кризисовъ и неурожаевъ. При такой зависимости отъ иностранцевъ производство и торговля регулируются не интересами страны, а чужими интересами и чужимъ законодательствомъ. Покровительственная система должна освободить страну отъ давленія иностранной торговой политики и иностраннаго капитала.

Главнѣйшія возраженія на эти соображенія слѣдующія: международная экономическая зависимость хотя дѣйствительно существуетъ, но она взаимна, а потому и не представляетъ серьезной опасности; потери во время войнъ, кризисовъ и проч. съ лихвою окулаются *постоянными* выгодами, извлекаемыми изъ международной торговли; экономическая зависимость каждой страны отъ международного рынка не создаетъ еще зависимости отъ того или другого иностраннаго государства, такъ какъ на международномъ рынкѣ многія страны выступаютъ въ качествѣ производителей—продавцовъ и потребителей-покупщиковъ. Наконецъ, указываютъ на то, что, при обиліи капиталовъ и личныхъ производительныхъ силъ, страна даже съ односторонней промышленностью не будетъ чувствовать экономической зависимости; тогда какъ при бѣдности капиталовъ и при отсутствіи искусныхъ рабочихъ и техниковъ туземныя производства могутъ на-

ходиться въ сильной зависимости отъ иностранныхъ капиталовъ, иностранныхъ предпринимателей и мастеровъ.

4) Главнымъ основаніемъ современнаго протекціонизма служить теорія охраны и воспитанія производительныхъ національныхъ силъ. Эта теорія, многіе аргументы которой извѣстны и примѣнялись съ давнихъ временъ, въ 30 годовъ была формулирована болѣе всесторонне Фр. Листомъ, а затѣмъ пополнена въ трудахъ нѣмецкихъ и американскихъ экономистовъ и въ практическихъ работахъ протекціонистовъ разныхъ странъ. Не отрицая выгодъ междунаrodnаго раздѣленія труда, признавая его даже безусловно полезнымъ между странами разныхъ климатическихъ поясовъ, рѣзко различающимися своими производительными силами, эта теорія утверждаетъ однако, что гораздо большее значеніе имѣетъ широкое раздѣленіе занятій и многосторонность промышленности въ предѣлахъ каждаго государства, т. е. національное раздѣленіе труда и національное соединеніе (конфедерация) силъ. Развитие въ странѣ, параллельно съ земледѣліемъ, разныхъ отраслей обрабатывающей промышленности и торговли и возникновеніе значительныхъ торгово-промышленныхъ центровъ даютъ народу возможность утилизировать разнообразныя силы природы, вызываютъ богатство и разнообразіе личныхъ силъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ живой обмѣнъ и взаимодѣйствіе этихъ силъ, въ которыхъ заключается богатый источникъ матеріальнаго благосостоянія и культурнаго прогресса народа*). Сверхъ того, по мнѣнію нѣкоторыхъ предста-

*) Внутренній живой обмѣнъ въ странѣ, соединяющійся при разнообразіи производства, вызываетъ, говорятъ протекціонисты, такое благоприятное взаимодѣйствіе производительныхъ силъ, которое едва ли даже можно оцѣнить на деньги. Чѣмъ разнообразнѣе дѣятельность народа, тѣмъ богаче общая духовная жизнь, тѣмъ болѣе производительныя силы взаимно себя поддерживаютъ и оплодотворяютъ. Націи исключительно земледѣльческія стоятъ на нижней ступени развитія, нежели націи промышленно-торговыя. При исключительномъ господствѣ земледѣлія, говоритъ Листъ, господствуетъ невѣжество, обнаруживается недостатокъ культуръ и средствъ сообщенія, царитъ застой въ понятіяхъ и обычаяхъ, а вълѣдствіе этого отсутствуютъ благосостояніе и свобода. Это объясняется тѣмъ, что земледѣльческое населеніе, разбѣнное по всей странѣ, имѣетъ мало сношеній, жизнь его однообразна, каждый дѣлаетъ то же, что и его сосѣди, производство ведется рутинно и не требуетъ напряженія духовныхъ силъ; существованіе человека заключено въ узкомъ семейномъ кругу, и земледѣльцу рѣдко приходитъ даже мысль, что можно дѣлать что-нибудь иначе и лучше. Не только владѣніе землею, но и бѣдность переходятъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, а соревнованіе силъ почти совершенно замираетъ. Обрабатывающая промышленность, вызывая энергію, предприимчивость и живой обмѣнъ, является главной носителницей образованности; изъ нея преимущественно идутъ изобрѣтенія и улучшенія, она служитъ сильнѣйшимъ рычагомъ общаго благосостоянія. Эта промышленность дѣйствуетъ возбуждающимъ образомъ и на

вителей покровительственной системы, разносторонность национальной промышленности и живой внутренней обмѣнъ избавляютъ страну отъ огромныхъ непроизводительныхъ расходовъ по передвиженію товаровъ на иностранные рынки *) и предотвращаютъ истощеніе производительныхъ силъ почвы, наступающее вслѣдствіе вывоза земледѣльческихъ продуктовъ за границу**).

Но развитіе обрабатывающей промышленности, доставляющей всѣ эти выгоды, по мнѣнію протекціонистовъ, не возможно при свободѣ международной торговли. Народу, желающему водворить у себя фабрично-заводскую промышленность, приходится не только преодолевать препятствія, неизбежныя при каждомъ новомъ дѣлѣ, но и выдерживать борьбу съ иноземнымъ производствомъ, — съ промышленностью, сдѣлавшею уже значительные успѣхи, обладающею обильными капиталами, усовершенствованными орудіями и подготовленными рабочими силами, съ промышленностью, приобрѣвшею и репутацію, и

земледѣліе, а вмѣстѣ съ тѣмъ поддерживаетъ его вспомогательными источниками, безъ которыхъ сельское хозяйство остается всегда несовершеннымъ, а сельскій хозяинъ бѣднымъ и слабосильнымъ.

Но и обрабатывающая промышленность, прибавляютъ нѣкоторые протекціонисты, хромаетъ, если странѣ недостаетъ земледѣлія, и приходится пользоваться привозными сырыми матеріалами. Обрабатывающая промышленность служитъ оживляющимъ ферментомъ народнаго хозяйства, а земледѣліе его прочнымъ основаніемъ. Хозяйство, основанное на переработкѣ чужихъ матеріаловъ, неконкретно на шаткомъ фундаментѣ, который можетъ оказаться негоднымъ въ трудное время. По этому «гармоническая конфедерація силъ» достигается лишь соединеніемъ земледѣлія и обрабатывающей промышленности; только такое соединеніе обезпечиваетъ здоровье націи и даетъ прочный базисъ ея благосостоянію (Stöpel, Jefferson).

*) Наиболее тяжелый налогъ лежащій на землѣ и трудѣ—это издержки перевозки продуктовъ. (Кери). Эти издержки значительно сокращаются, если страна не получаетъ изъ-заграницы сырыхъ продуктовъ, которые можетъ сама производить, и не отправляетъ своего сырья за границу, а перерабатываетъ его дома. Страна несетъ огромные непроизводительные расходы, если она отправляетъ свои сырые продукты за границу за тысячи верстъ и получаетъ ихъ обратно въ переработанномъ видѣ. (Кери). Многосторонне развитая промышленность дѣлаетъ значительныя сбереженія какъ на издержкахъ провоза, такъ и на торговой прибыли посредниковъ. (Листъ). Вообще наибольшія выгоды отъ раздѣленія труда достигаются въ томъ случаѣ, когда оно практикуется въ узкихъ территориальныхъ границахъ. (Дюрингъ).

***) Вывозъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ за границу приводитъ постепенно къ истощенію земли, такъ какъ земля не получаетъ въ обмѣнъ матеріаловъ, необходимыхъ для поддержанія плодородія. Между тѣмъ земледѣлецъ долженъ смотрѣть на землю, какъ на большой банкъ, который, открывая кредитъ, ожидаетъ такой же уплаты долга, какъ банкъ Англій или Франціи. Только въ томъ случаѣ, когда потребитель живетъ вблизи производителя, возможно быстрое возвращеніе землѣ взятыхъ у нея производительныхъ силъ и открытіе ей дальнѣйшаго кредита человѣку (Кери). Покровительственная система, развивающая внутреннее потребленіе фабричнаго и ремесленнаго населенія и устраняющая вывозъ земледѣльческихъ продуктовъ за границу, сохраняетъ силы почвы и обезпечиваетъ дальнѣйшее благосостояніе націи.

рынокъ. Соперничество молодой промышленности съ произражденствомъ, развившимся и окрѣпшимъ—борьба младенца съ великаномъ, всегда непосильная для перваго, хотя бы младенецъ обладалъ всѣми задатками роста и будущей силы. Государство должно оказать промышленности, находящейся въ младенческомъ періодѣ, но способной къ развитію, свое покровительство и воспитать ее подъ своимъ покровительствомъ. Эта цѣль достигается посредствомъ высокихъ таможенныхъ пошлинъ, которыя, обеспечивая туземной промышленности внутренній рынокъ и высокое вознагражденіе за трудъ и капиталъ, привлекаютъ предпринимателей. Высокія пошлины могутъ быть уподоблены, по своей цѣли и результатамъ, привилегіямъ на изобрѣтенія и открытія. Воспитаніе промышленныхъ сихъ требуетъ временныхъ жертвъ; но въ послѣдствіи эти жертвы вполнѣ окупаются, и передъ ними не должно останавливаться. По мѣрѣ развитія промышленности, она все менѣе нуждается въ покровительствѣ, а усиливающаяся конкуренція производителей понижаетъ цѣны до того уровня, до какаго ихъ могла бы довести заграничная конкуренція.

Фридр. Листъ считалъ необходимымъ таможенное покровительство только для насажденія обрабатывающей промышленности. Народы, находящіеся на низкихъ ступеняхъ хозяйственной жизни, по его мнѣнію, выигрываютъ отъ свободнаго общенія съ болѣе образованными народами; а таможенное покровительство земледѣлію онъ называлъ несообразностью. Другіе протекціонисты распространяютъ покровительственную систему на всѣ отрасли народнаго хозяйства, слѣдуя „принципу солидарности всѣхъ покровительствуемыхъ интересовъ“, который осуществляется, если покровительствуемая система распространяется на сельское хозяйство, фабрично-заводскую промышленность, судоходство, колониальную морскую торговлю и вообще на колоніи *).

Въ частности относительно земледѣлія они говорятъ, что сельское хозяйство имѣетъ въ народной экономіи не меньшее значеніе, нежели обрабатывающая промышленность. Въ старыхъ культурныхъ странахъ въ землю вложены огромные капиталы; поземельная соб-

*) Доктрина этого болѣе послѣдовательнаго протекціонизма была формулирована уже въ 20-хъ годахъ во Франціи, гдѣ въ то время коалиція поземельныхъ собственниковъ и заводчиковъ стремилась къ усиленію покровительственныхъ пошлинъ.

ственность составляет едва ли не самую крупную часть народного богатства; съ земледѣліемъ связаны интересы огромной массы лицъ. Между тѣмъ земледѣльческая промышленность также может встрѣтить опасную конкуренцію. Насколько обрабатывающей промышленности молодыхъ странъ трудно бороться съ западною Европою, настолько западно-европейскому земледѣлію трудно выдержать соперничество такихъ странъ, какъ Россія, Соединенные Штаты, Индія, гдѣ дешевизна неистощенной земли, а въ нѣкоторыхъ и дешевизна труда, даютъ земледѣльческой промышленности огромныя преимущества, несмотря на относительную дороговизну капитала. Этими соображеніями протекціонисты оправдываютъ покровительственныя таможенныя пошлины на хлѣбъ.

5) Кромѣ защиты и воспитанія промышленности вообще, протекціонисты указываютъ въ частности на необходимость защиты таможенными мѣрами интересовъ рабочихъ. Тяжелая международная конкуренція заставляетъ предпринимателей понижать заработную плату, удлинять рабочій день, злоупотреблять женскою и дѣтскою работою. Тамъ, гдѣ существуютъ законы относительно рабочаго дня, женской и дѣтской работы и проч., говорятъ протекціонисты, таможенная защита представляется необходимымъ регуляторомъ для уравненія условій конкуренціи съ государствами, не знающими такихъ ограниченій.

Таковы главнѣйшіе доводы протекціонизма. Кромѣ того, какъ протекціонисты, такъ и сторонники свободы торговли ссылаются на историческіе и статистическіе факты, но ссылки эти не имѣютъ серьезнаго научнаго значенія, такъ какъ въ экономической исторіи можно набрать много фактовъ за и противъ протекціонизма, и одни и тѣже факты истолковываются различно. Если мы обратимся къ исторіи торговой и финансовой политики различныхъ государствъ, то увидимъ, что относительно внѣшней торговли правительства долго не слѣдовали опредѣленной системѣ: они покровительствовали международнымъ торговымъ сношеніямъ или ограничивали и воспрещали ихъ, руководясь частными и нерѣдко противоположными мотивами въ каждомъ данномъ случаѣ. Большую роль здѣсь играли политическіе и фискальные мотивы, при чемъ международныя отношенія регулировались частными разрѣшеніями и привилегіями. Въ XVII и XVIII вв. выработалось постепенно въ государственной практикѣ

болѣе или менѣе цѣльное государственное воззрѣніе, получившее и нѣкоторую теоретическую обработку подъ именемъ меркантилизма и камеральнаго направленія. Меркантилизмъ требовалъ дѣятельнаго вмѣшательства государства въ экономическія отношенія вообще и покровительственной таможенной политики въ частности.

Во второй половинѣ XVIII в. является противоположное ученіе, основаніе которому было положено фисіократами, а дальнѣйшая разработка блистательно довершена А. Смитомъ. Это ученіе, провозгласившее свободу международной торговли, начало оказывать рѣшительное вліяніе на экономическую политику государствъ лишь съ 30-хъ годовъ текущаго столѣтія. Сначала оно восторжествовало въ Англіи, послѣ трудной и продолжительной борьбы за отміну хлѣбныхъ пошлинъ, а затѣмъ въ 40-хъ, 50-хъ и 60-хъ годахъ фриттердерская доктрина одержала рядъ побѣдъ и на континентѣ Европы, въ чемъ легко убѣдиться, рассмотрѣвъ таможенные реформы этого періода. Но торжество теоріи свободы торговли въ практикѣ было непродолжительно. Въ 70-хъ годахъ началась дѣятельная агитація противъ свободной торговли, которая завершилась въ 80-хъ годахъ рѣзкимъ поворотомъ въ пользу протекціонизма. Протекціонизмъ, въ этомъ новѣйшемъ фазисѣ, параллельно съ покровительствомъ обрабатывающей промышленности, проявилъ себя пошлинами на сырые продукты горнаго производства (каменный уголь, чугунъ) и хлѣбными пошлинами. Такимъ образомъ, протекціонизмъ 80-хъ годовъ пошелъ значительно далѣе требованій Фр. Листа.

Этотъ рѣзкій поворотъ объясняется двумя главными причинами.

1) Измѣненіемъ воззрѣній на задачи государства. Многочисленная школа представителей такъ называемаго государственнаго социализма, имѣющая вліятельныхъ послѣдователей во многихъ странахъ и въ особенности въ Германіи, значительно расширила ученіе о функціяхъ государства и признаетъ необходимымъ многостороннее вмѣшательство государственной власти въ экономическія отношенія и воздѣйствіе ея на экономическую жизнь. Государственный социализмъ въ вопросѣ о международной торговлѣ долженъ былъ послѣдовательно прийти къ болѣе или менѣе яркому протекціонизму.

2) Но измѣненіе теоретическихъ воззрѣній на задачи государства лишь расчистило почву для протекціонизма; непосредственной при-

чиной, вызвавшей рѣзкій поворотъ въ таможенной политикѣ нѣсколькихъ европейскихъ государствъ, было измѣненіе условій международной торговли и международной конкуренціи вслѣдствіе значительныхъ техническихъ усовершенствованій въ различныхъ производствахъ и въ особенности въ транспортѣ. При колоссальныхъ механическихъ силахъ, которыми располагаетъ современная промышленность, производство можетъ быть доведено до огромныхъ размѣровъ, а технические усовершенствованія идутъ чрезвычайно быстро. Параллельно съ этимъ, сооруженіе исполинской сѣти рельсовыхъ путей въ Старомъ и Новомъ свѣтѣ и развитіе парового флота дали возможность перематывать громадныя массы грузовъ, чрезвычайно понизили издержки перевозки товаровъ и привлекли на міровой рынокъ много новыхъ областей, остававшихся прежде изолированными дальностью разстояній. Понятно, что эти причины чрезвычайно обострили международную конкуренцію и значительно ослабили ту естественную защиту, которую находила промышленность каждой страны на внутреннихъ рынкахъ въ близости этихъ рынковъ къ производителямъ туземнымъ и въ отдаленности ихъ отъ производителей иностранныхъ. Съ положеніемъ рельсовыхъ путей и значительнымъ удешевленіемъ морскихъ фрактовъ, значеніе разстояній вообще сильно ослабло, а во многихъ случаяхъ, вслѣдствіе игры желѣзнодорожными тарифами, вовсе утратилось. Желѣзныя дороги, поддерживая дѣятельную конкуренцію въ перевозкѣ иностранныхъ товаровъ, имѣющихъ возможность слѣдовать по нѣсколькимъ направленіямъ, до крайности понижали тарифы, такъ что доставка иностранныхъ продуктовъ на далекія разстоянія нерѣдко обходится дешевле, нежели передвиженіе туземныхъ товаровъ на разстоянія болѣе близкія.

Быстрое развитіе промышленной техники и радикальная реформа въ условіяхъ транспорта, вызвавшія огромный приростъ производства и крайнее напряженіе конкуренціи, должны были вести къ глубокому перевороту въ международномъ раздѣленіи труда, т. е. къ новому распредѣленію различныхъ отраслей производства между странами, принимающими участіе въ международной торговлѣ. Такой переворотъ, при всякихъ условіяхъ сопряженный съ значительными потрясеніями хозяйствъ и потерями, въ послѣдніе годы осложнился загроможденіемъ рынковъ массою продуктовъ и паденіемъ цѣнъ на произведенія важнѣйшихъ отраслей промышленности. Опасность, возник-

шая вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ въ однихъ странахъ—для сельскаго хозяйства, въ другихъ—для фабрично-заводской промышленности, побудила правительства прибѣгнуть къ таможенной защитѣ существующихъ уже производствъ и къ развитію новыхъ.

Въ предыдущемъ изложеніи указаны главные доводы покровительственной доктрины, а также причины, вызвавшія оживленіе этого ученія и развитіе покровительственной таможенной политики въ послѣднее десятилѣтіе. Обратимся къ оснѣвнѣ этой доктрины и ея практическаго осуществленія.

Въ ученіи протекціонистовъ весьма видное мѣсто занимаютъ доказательства полезности многосторонняго развитія національной промышленности. Это положеніе можно признать безспорнымъ, хотя протекціонисты и впадаютъ въ преувеличенія, увѣряя, что народное благосостояніе и культурный прогрессъ не возможны безъ значительнаго развитія обрабатывающей промышленности. Ни теоретически, ни исторически не доказано еще, что преобладаніе сельскаго хозяйства и слабое развитіе фабрично-заводской промышленности препятствуютъ достиженію высокаго уровня народнаго благосостоянія и образованія. Съ другой стороны, фабрично-заводской промышленности, имѣющей весьма серьезное значеніе въ народномъ хозяйствѣ, свойственны и немаловажныя темныя стороны. Вліяніе фабрикъ и заводовъ на рабочій классъ, на его умственное и моральное развитіе и на народное здоровье представляетъ вопросъ спорный; городскіе центры хотя служатъ очагами общественной жизни и образованности, но такое вліяніе ихъ не зависитъ исключительно отъ фабрично-заводской промышленности. Города—прежде всего торговые и ремесленные центры, и процвѣтаніе ихъ возможно также въ странахъ земледѣльческихъ, ведущихъ значительную международную торговлю. Но оставляя въ сторонѣ эти преувеличенія и признавая въ полной мѣрѣ значеніе многосторонняго развитія промышленныхъ силъ, необходимо рѣшить, насколько умѣстно усиленное покровительство государства тѣмъ или инымъ отраслямъ промышленности и при томъ тѣми мѣрами, которыя рекомендуетъ протекціонизмъ.

Протекціонизмъ требуетъ сильной таможенной охраны національной промышленности, хотя бы такая охрана была сопряжена съ временными потерями.

Въ принципахъ извѣстныхъ жертвы ради будущаго могутъ быть.

оправданы, если намѣченная цѣль достигается, а избранный путь представляется наиболее надежнымъ и наиболее экономнымъ. Рассматривая вопросъ съ этой точки зрѣнія, необходимо имѣть въ виду:

А) что протекціонизмъ стремится достигнуть своихъ цѣлей посредствомъ мѣръ, направленныхъ противъ промышленности другихъ государствъ и имѣющихъ въ виду ограничить международныя торговыя сношенія, притомъ ограничить односторонне;

Б) что покровительственная система создаетъ преміи въ пользу извѣстныхъ производствъ, и эти преміи падаютъ бременемъ на другія отрасли промышленности, а также на потребителей, не принадлежащихъ къ промышленному сословію;

В) что таможенное покровительство возлагаетъ на государство воспитательныя задачи.

Разсмотримъ эти цѣли и средства протекціонизма.

А) 1. Покровительственныя пошлины въ качествѣ налога, имѣющаго цѣлью ограниченіе международныхъ сношеній, находятся въ противорѣчій съ условіями экономическаго прогресса и важнѣйшими мѣропріятіями современной государственной экономической политики. Выше было указано, что рѣзкій поворотъ къ протекціонизму, обнаружившійся въ 70-хъ и 80-хъ годахъ, явился прежде всего послѣдствіемъ великихъ усовершенствованій въ перевозочной промышленности. Но нельзя не видѣть роковаго противорѣчія въ дѣятельности народовъ и правительствъ, которые, съ одной стороны, облегчаютъ сношенія и дѣлаютъ колоссальныя затраты труда и капитала на устройство желѣзныхъ дорогъ, каналовъ, портовъ, и пр., а съ другой—воздвигаютъ высокіе таможенные барьеры съ цѣлью затруднить международную торговлю. Это противорѣчіе доказываетъ, что таможенный протекціонизмъ, если и можетъ имѣть оправданіе, то лишь какъ временный и исключительный порядокъ для достиженія извѣстныхъ временныхъ цѣлей.

2. Стремясь оказать воздѣйствіе на иностранную промышленность, т. е. ограничить приливъ иностранныхъ произведеній въ страну, покровительственная таможенная политика одного государства можетъ встрѣтить противоѣйствіе другихъ государствъ. Это противоѣйствіе или парализуетъ принятыя мѣры, или отразится весьма невыгодно на другихъ отрасляхъ промышленности. На высокія та-

моженныя пошлины ввозящаго извѣстные продукты государства государство вывозящее можетъ отвѣчать вывозными преміями на тѣ же продукты, или установленіемъ у себя общей охранительной системы, или спеціальными таможенными репрессаліями, направленными на экспортные продукты страны, прибѣгнувшей къ покровительственной системѣ. Вслѣдствіе возгорѣвшейся таможенной войны, покровительственная политика нерѣдко не достигаетъ предполагаемыхъ цѣлей, а между тѣмъ каждой изъ борющихся странъ наносятся тяжелые экономическіе удары. Напр., Россія высокими таможенными пошлинами причиняетъ ущербъ германской желѣзной промышленности, а Германія хлѣбными пошлинами поражаетъ русское земледѣліе. Степень вреда, причиняемаго таможенною войною борющимся государствамъ, зависитъ отъ значенія въ народномъ хозяйствѣ покровительствуемыхъ и подвергаемыхъ репрессаліямъ производствъ; но такъ какъ весьма часто покровительствуются второстепенныя отрасли производства, а подвергаются репрессаліямъ со стороны противниковъ особенно важныя производства, которыя снабжаютъ внутренній рынокъ и даютъ значительные остатки для экспорта, то таможенная война нерѣдко причиняетъ огромныя потери обѣимъ борющимся сторонамъ по главнымъ отраслямъ народнаго хозяйства. Эти потери далеко не всегда окупаются выгодами покровительства, если даже оно достигаетъ цѣли.

3. Если покровительственная таможенная политика не вызываетъ репрессалій со стороны сосѣдей, то и въ этомъ случаѣ ограниченіе привоза почти неизбѣжно вызываетъ сокращеніе вывоза, такъ какъ каждое государство стремится получать нужные ему продукты изъ тѣхъ странъ, въ которыхъ оно находитъ рынокъ для сбыта своихъ произведеній *).

---

*) Зависимость между ввозомъ и вывозомъ не всегда обнаруживается немедленно, такъ какъ для проявленія ея требуется нерѣдко развитіе производства на новыхъ мѣстахъ, что требуетъ времени; но по прошествіи извѣстнаго періода наступаетъ стѣсненіе вывоза изъ государствъ, прибѣгнувшихъ къ запретительной системѣ, за исключеніемъ продуктовъ, составляющихъ естественную монополию извѣстныхъ странъ. Можно опасаться, что выскій покровительственный тарифъ, затрудняющій ввозъ въ Россію издѣлій западно-европейской обрабатывающей промышленности, побудитъ нѣкоторыя западно-европейскія страны сократить потребленіе русскаго хлѣба и стремиться замѣнить его хлѣбомъ колониальнымъ изъ тѣхъ колоній, въ которыхъ эти страны найдутъ рынокъ для сбыта своихъ фабричныхъ продуктовъ.

Протекціонисты утверждаютъ, что естественное международное раздѣленіе труда всегда сохранится между странами умѣреннаго и жаркаго пояса; но въ такомъ случаѣ, замѣчаетъ Lehr,

Изъ изложенныхъ соображеній вытекаетъ слѣдующій выводъ: покровительственная таможенная политика, воздѣйствуя на международныя отношенія государства и имѣя агрессивный характеръ, вызываетъ противодѣйствіе другихъ государствъ, вслѣдствіе чего успѣхъ ея и вообще результаты не могутъ быть расчитаны впередъ, какъ и результаты войны.

Б) Покровительственныя таможенныя пошлины создаютъ въ пользу извѣстныхъ производствъ преміи, которыя оплачиваются другими отраслями промышленности и непромышленными потребителями. Насколько удобно и справедливо обремененіе непромышленныхъ потребителей налогомъ въ пользу тѣхъ или иныхъ производствъ—это вопросъ, рѣшеніе котораго находится въ зависимости отъ характера всей податной системы страны и тяжести налогового обложенія. Что касается обремененія непокровительствуемыхъ производствъ въ пользу покровительствуемыхъ, то здѣсь могутъ быть два случая:

1) Первый случай, когда покровительственная система создаетъ новыя или развиваетъ существующія незначительныя производства, привлекая къ нимъ свободные капиталы и незанятый трудъ. Въ этомъ случаѣ новое производство даетъ новый источникъ дохода, и на другія отрасли промышленности падаетъ лишь оплата, въ высокой цѣнѣ изготовляемыхъ продуктовъ, покровительственной преміи малодоходнымъ покровительствуемымъ производствамъ.

Это случай наиболѣе благоприятный, но вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе рѣдкій, такъ какъ при обиліи свободныхъ рукъ и капиталовъ промышленность обыкновенно не нуждается въ покровительствѣ.

2) Второй случай—когда покровительство привлекаетъ трудъ и капиталъ изъ другихъ отраслей промышленности. При такихъ условіяхъ непокровительствуемыя отрасли производства должны не только оплатить премію въ пользу покровительствуемыхъ, но вмѣстѣ съ

при послѣдовательномъ осуществленіи покровительной системы, вся Европа будетъ имѣть торговыя сношенія лишь съ Арабами, Индусами, Кафрамаи и пр., а между европейскими народами останутся только сношенія дипломатическія, войны, путешествія туристовъ для удовольствія и ничтожный обмѣнъ нѣкоторыхъ второстепенныхъ продуктовъ. Но надежды Листа на сбытъ мануфактурныхъ европейскихъ товаровъ въ страны жаркаго пояса также не основательны. Мануфактурная промышленность можетъ развиваться и въ тропическихъ странахъ, напр. въ Индіи; потребление же кочевниковъ и дикарей до крайности ничтожно.

тѣмъ онѣ ослабляются отвлеченіемъ отъ нихъ производительныхъ силъ, а все народное хозяйство несетъ потери вслѣдствіе затраты этихъ силъ на менѣе прибыльную дѣятельность. Чѣмъ бѣднѣе страна трудомъ и капиталомъ, тѣмъ желательнѣе дать этимъ силамъ наиболѣе производительное назначеніе и тѣмъ тягостнѣе отзываются на народномъ хозяйствѣ воспитательные опыты, которые задерживаютъ ростъ народнаго благосостоянія, а не усиливаютъ его. Широко примѣняемая покровительственная система, искусственно привлекая производительныя силы къ производствамъ, плохо оплачивающимся и поддерживаемымъ высокими таможенными пошлинами, можетъ повлечь за собою упадокъ главныхъ отраслей производства, на которыя падаетъ непосильное бремя покровительства. Въ странахъ съ развитою фабрично-заводскою промышленностью, составляющею главный источникъ народнаго богатства, покровительство земледѣлю, создающее дороговизну хлѣба, падаетъ на обрабатывающую промышленность; въ странахъ съ преобладаніемъ земледѣлія покровительство обрабатывающей промышленности обременяетъ тяжелымъ налогомъ сельское хозяйство, заставляя послѣднее дорого оплачивать орудія производства и разные предметы потребленія земледѣльческаго класса. При современной напряженной международной конкуренціи возникаетъ серьезная опасность, что покровительственная система, растрачивая народныя силы на поддержку новыхъ и второстепенныхъ производствъ, въ тоже время приводитъ въ разстройство главныя отрасли народнаго хозяйства и поражаетъ наиболѣе надежныя и обильныя источники народнаго дохода *).

В. Покровительственная таможенная система возлагаетъ на государство руководство народнымъ хозяйствомъ и воспитательныя задачи, при чемъ правительство воздѣйствуетъ не на общіе экономическіе факторы, служащіе всѣмъ видамъ производства, а на отдѣльныя отрасли промышленности.

---

*) Lehr (Schutzzoll und Freihandel, s. 185), говоря о притязаніяхъ представителей фабрично заводской промышленности, замѣчаетъ, что, требуя покровительства для себя, они въ тоже время примѣняютъ принципъ *laissez faire* къ сельскому хозяйству, въ какомъ бы онъ положеніи не находился. Къ этому замѣчанію слѣдуетъ прибавить, что представители покровительствуемыхъ отраслей промышленности прилагаютъ къ непокровительствуемымъ производствамъ не простой принципъ *laissez faire*, но отягощенный всѣмъ бременемъ покровительства.

Такое цѣлесообразное покровительство представляет на практикѣ чрезвычайныя трудности, а неудачныя покровительственныя мѣры вызываютъ плачевныя послѣдствія.

Во 1-хъ, самый выборъ покровительствуемыхъ отраслей производства для правительства весьма не легокъ. Если дѣло идетъ о старей промышленности, то ее нѣтъ надобности воспитывать таможенными покровительствомъ; если же имѣется въ виду промышленность новая или только зарождающаяся, то предположенія объ ея будущности всегда оказываются болѣе или менѣе шаткими. Такимъ образомъ удачный выборъ покровительствуемыхъ производствъ зависитъ нерѣдко отъ случая, и исторія таможеннаго покровительства даетъ множество примѣровъ грубыхъ ошибокъ.

Во 2-хъ, если даже покровительствуемыя производства выбраны удачно, то еще больше трудностей представляетъ опредѣленіе степени покровительства. Покровительство, чтобы быть цѣлесообразнымъ, должно соразмѣряться съ измѣненіями техники и многообразными экономическими условіями, опредѣляющими издержки производства. Между тѣмъ правительство не располагаетъ надежными данными для рѣшенія вопроса; оно черпаетъ свои свѣдѣнія отъ заинтересованныхъ лицъ, представляющихъ ихъ въ одностороннемъ, а нерѣдко и въ извращенномъ видѣ. Ненадежность матеріаловъ, некомпетентность органовъ правительства въ спеціальныхъ вопросахъ промышленной техники и экономіи, наконецъ, настойчивость и энергія представителей частныхъ интересовъ, добивающихся таможеннаго покровительства,—всѣ эти условія въ совокупности служатъ причиной многочисленныхъ ошибокъ со стороны правительства въ области таможенныхъ покровительственныхъ мѣръ. Покровительствуя отдѣльнымъ отраслямъ производства и частнымъ предпріятіямъ, правительство имѣетъ дѣло съ частными и личными интересами, а между тѣмъ оно должно такъ регулировать свои мѣропріятія, чтобы служить не этимъ интересамъ, а интересу общегосударственному посредствомъ частныхъ лицъ и ихъ интересовъ. Вслѣдствіе невозможности найти прочную почву для рѣшенія этихъ вопросовъ, сплошь и рядомъ подъ именемъ интересовъ государственныхъ покровительствуются интересы частныя, и цѣль покровительства извращается.

3) Въ покровительственныхъ мѣрахъ государству крайне трудно соблюсти равновѣсіе и справедливость, которая должна быть основ-

вой государственной дѣятельности. Къ правительству, развѣ вступившему на путь покровительственной политики, предъявляются все новыя и новыя требованія, которыя могутъ имѣть не меньше оснований, чѣмъ раньше удовлетворенныя, и нерѣдко вытекаютъ принятыми ранѣе мѣрами. Обложеніе пошлинами ввознаго хлопка вызываетъ требованіе повышенія пошлинъ на пряжу и хлопчато-бумажныя ткани; пошлины на химическіе продукты вызываютъ требованія новыхъ пошлинъ на всѣ издѣлія, при изготовленіи которыхъ употребляются химическіе продукты; пошлины на каменный уголь, желѣзо, орудія и машины вызываютъ пошлины на издѣлія множества производствъ, употребляющихъ эти матеріалы и орудія производства, и т. д. Если правительство удовлетворяетъ всѣ эти требованія, то покровительство не только практикуется безъ разбора, но въ значительной степени утрачиваетъ свое значеніе. Высое таможенное обложеніе распространяется на массу продуктовъ, и производитель, выигрывая на цѣнѣ своего продукта, теряетъ, какъ потребитель множества другихъ продуктовъ, на которые онъ обмѣниваетъ свое произведеніе. Но такъ какъ покровительство не можетъ распространиться на всѣ производства, то непокровительствуемыя отрасли промышленности должны, какъ указано выше, выносить чувствительное и несправедливое бремя, которое становится тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ шире распространяется покровительственная система.

4) Изъ сказаннаго видно, что удачное осуществленіе покровительственной системы представляетъ чрезвычайныя трудности, а между тѣмъ ошибки влекутъ за собою въ высшей степени тягостныя послѣдствія, какъ для частныхъ лицъ, такъ и для всего народнаго хозяйства. Если покровительствуемыя отрасли промышленности выбраны неудачно, то протекціонныя мѣры создаютъ предпріятія, которыя никогда не въ состояніи существовать самостоятельно, живутъ паразитами на народномъ хозяйствѣ, истощая его силы, и погибаютъ при ослабленіи покровительства. Если покровительствуемое производство обладаетъ естественными условіями для развитія, то покровительство, перешедшее предѣлы необходимости, хотя ускоряетъ ростъ промышленности, но вмѣстѣ съ тѣмъ является помѣхой здоровому ея развитію. Подъ покровомъ высокихъ таможенныхъ пошлинъ вырастаютъ худосочныя предпріятія, рассчитанныя на покровительство и безъ него не возникшія бы, а во всей промышленности ослабляются

енергія, стремленіе къ усовершенствованіямъ и къ бережливости и эти качества замѣняются небрежностью, отсталостью и нехозяйственностью. Прекращеніе или ослабленіе покровительства ведетъ къ гибели множества слабыхъ предпріятій и вызываетъ острый кризисъ, а удержаніе высокихъ таможенныхъ пошлинъ поддерживаетъ непроизводительную растрату труда и капитала. При такомъ нездоровомъ режимѣ и внутренняя конкуренція дѣйствуетъ неправильно. Если щедрое покровительство вызываетъ быстрое развитіе промышленности, то по истеченіи извѣстнаго времени обнаруживается перепроизводство, за которымъ слѣдуетъ кризисъ. Но кризисъ, благодаря общей неэкономности производства и существованію многихъ слабыхъ предпріятій, вызванныхъ искусственнымъ покровительствомъ, наступаетъ при относительно высокихъ цѣнахъ, поражаетъ промышленность значительно сильнѣе и не всегда ведетъ къ очисткѣ ея отъ худосочныхъ предпріятій и къ ослабленію покровительственныхъ мѣръ. И промышленность, и правительство такъ привыкаютъ къ покровительству, что кризисъ нерѣдко вызываетъ новыя покровительственныя мѣры, напр. вывозныя преміи (исторія свеклосахарной промышленности)*).

Таковы практическія трудности удачнаго осуществленія покровительственной системы. Эти трудности, опасность непроизводительной растраты и угнетенія хозяйственныхъ силъ при ложномъ направленіи таможенной политики и вытекающая отсюда тяжелая отвѣтственность правительства дають-ли основаніе требовать, чтобы государственная власть совершенно отказалась отъ покровительства народной промышленности?

Такой выводъ мы считаемъ крайнимъ и недоказаннымъ. Государственная организація и власть составляютъ одну изъ могущест-

---

*) Мы ограничиваемся разборомъ лишь главнѣйшихъ доводовъ протекціонизма, не останавливаясь на нѣкоторыхъ второстепенныхъ соображеніяхъ. Умѣсто однако будетъ упомянуть объ оригинальныхъ тезисахъ Кери. Его опасенія, что вывозъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ за границу истощаетъ производительныя силы почвы, не имѣетъ серьезнаго значенія уже потому, что сбытъ тѣхъ же продуктовъ во внутренніе города не гарантируетъ возврата ихъ почвѣ въ видѣ удобреній. Возвращается самая ничтожная часть и за рѣдкими исключеніями не той почвѣ, изъ которой взяты продукты. Другой его доводъ относительно сбереженія издержекъ перевозки болѣе основателенъ, такъ какъ въ замѣчаніи Кери, что издержки перевозки одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ налоговъ (расходовъ), обременяющихъ хозяйство, много правды; но этотъ расходъ служитъ защитой туземной промышленности противъ отдаленной иностранной. Если такая защита недостаточна, и преимущества иностраннаго производства превышаютъ издержки транспорта, то эти издержки не ложатся новымъ бременемъ на народное хозяйство.

венныхъ силъ народа, отъ приложенія которой нѣтъ необходимости отказываться для достиженія полезныхъ экономическихъ цѣлей; но эта сила должна быть пригнѣяема съ большою осторожностью, и для нея должны быть избраны надлежащая сфера и способы дѣйствія. Наиболѣе правильными, по нашему мнѣнію, можно считать слѣдующіе руководящіе принципы.

1) Таможенная политика правительства остается на твердой почвѣ, если она руководится не покровительственными, а фискальными цѣлями, соображаясь съ общей системою налоговъ и пошлинъ. Фискальныя пошлины также оказываютъ покровительство отечественной промышленности; но пока ввозъ иностранныхъ продуктовъ не убываетъ въ значительной прогрессіи, и таможенный доходъ не уменьшается, есть основаніе предполагать, что конкуренція иностранной промышленности не ослаблена чрезмерно, а покровительство не перешло благоразумныхъ границъ.

2) Требованіе отъ государства воспитанія различныхъ отраслей промышленности можетъ быть оправдано лишь въ томъ случаѣ, когда страна находится на весьма низкомъ уровнѣ, и при апатіи народа необходимо сильными средствами разбудить его спящія силы. Но и въ этомъ случаѣ протекціонизмъ приноситъ пользу, если онъ соединенъ съ положительными правительственными мѣрами для оживленія промышленности (мѣры Кольбера, Петра Великаго). Но когда хозяйство народа достигло уже извѣстной степени развитія, воспитательная роль государства становится все труднѣе и все чаще и чаще оказывается неудачной. Такое хозяйство само найдетъ себѣ пути, и если извѣстныя отрасли промышленности слабо развиваются, то это доказываетъ, что для нихъ или вообще нѣтъ въ странѣ благоприятныхъ условій, или что не наступило еще время для обнаруженія и развитія нѣкоторыхъ силъ. Напр., земледѣльческое государство можетъ обладать большими горными богатствами и тѣмъ не менѣе не разрабатывать ихъ, а пользоваться привознымъ желѣзомъ и каменнымъ углемъ. Это доказываетъ, что для разработки нѣтъ людей и капиталовъ, или что капиталъ и трудъ находятъ болѣе прибыльное помѣщеніе въ другихъ производствахъ. Но и для горнаго дѣла въ странѣ болѣе или менѣе образованной придетъ свое время. Явятся люди, и капиталы, а если своихъ силъ окажется недостаточно, то придутъ на помощь иностранныя техники и капиталисты, чтобы по-

ложить начало выгодному дѣлу. Какъ ни желательно ускореніе роста промышленности, но ускореніе искусственное, при недостаткѣ силъ, даетъ болѣзненный ростъ. Въ настоящее время вся Европа, а въ томъ числѣ и Россія достигли уже той ступени хозяйственнаго развитія, когда воспитаніе правительствомъ отдѣльныхъ отраслей промышленности представляется излишнимъ и приноситъ болѣе вреда, нежели пользы.

3) Но на правительствѣ, если оно откажется отъ воспитательной роли, остается другая важная обязанность: охрана и защита отечественной промышленности отъ непосильной иностранной конкуренціи. Промышленность каждой страны сложилась исторически подъ влияніемъ многообразныхъ условий. Эти условия съ теченіемъ времени измѣняются, вслѣдствіе чего производства, раньше процвѣтавшія, могутъ подъ гнетомъ усиленной иностранной конкуренціи разрушиться. Въ однихъ случаяхъ промышленности угрожаютъ временныя опасности; въ другихъ—постоянныя, возникшія изъ неблагоприятныхъ условий, коренящихся въ основныхъ факторахъ производства. Но каждая промышленность, обладаетъ ли она жизнеспособностью или отживаетъ свой вѣкъ, создала крупныя интересы: она вызвала затрату капиталовъ и воспитала специальныя рабочія силы. Разрушеніе промышленности влечетъ за собою гибель капиталовъ и лишеніе рабочихъ тѣхъ занятій, къ которымъ они подготовлены. Если промышленность, подвергшаяся невзгодамъ, обладаетъ способностью къ жизни, то задача правительства состоитъ въ томъ, чтобы оказать ей временную защиту и дать возможность приспособиться къ новымъ условиямъ. Въ такомъ положеніи оказалось въ однѣхъ странахъ сельское хозяйство, въ другихъ нѣкоторыя отрасли обрабатывающей промышленности вслѣдствіе быстрыхъ усовершенствованій путей сообщеній и радикальнаго измѣненія условий перевозки товаровъ.

Если даже промышленность при новыхъ условияхъ лишается способности къ жизни и обречена на ликвидацію, то государство должно облегчить эту ликвидацію посредствомъ временной и осторожной защиты, такъ какъ постепенное сокращеніе производства даетъ возможность съ гораздо меньшими потерями перемѣстить трудъ и капиталъ въ другія области хозяйственной дѣятельности.

Ограничивая задачи таможенной политики охраною существующихъ хозяйственныхъ интересовъ, а не воспитаніемъ новыхъ стра-

стей промышленности, которыя должны вырастать не въ тепличной атмосферѣ, а на просторѣ, укрѣпляться въ борьбѣ современной конкуренціи и рассчитывать на свои силы, а не на вѣншнюю поддержку, необходимо однако помнить, что практическія мѣропріятія правительства по необходимости сообразуются съ политикою другихъ государствъ. Правительство, не желающее слѣдовать покровительственной системѣ, можетъ быть однако вынуждено установить высокій таможенный тарифъ, если сосѣднія государства практикуютъ систему вывозныхъ премій, вводятъ особые вывозные желѣзнодорожные тарифы (сильно пониженные), выдаютъ субсидіи судоходнымъ компаніямъ за вывозъ, если за границей образуются синдикаты для вывоза нѣкоторыхъ продуктовъ по цѣнамъ ниже среднихъ издержекъ производства, и т. п. Таможенная покровительственная политика однихъ государствъ вынуждаетъ другія государства принимать оборонительныя мѣры подобнаго же характера, вслѣдствіе чего протекціонизмъ столь же заразителенъ, какъ и милитаризмъ. Въ настоящее время Европа переживаетъ эпоху общаго милитаризма и быстро идетъ по пути къ общему протекціонизму, который также разъединяетъ народы, налагаетъ на нихъ тяжелое бремя и вызываетъ огромную трату народныхъ силъ. Необходимо считаться съ этимъ направленіемъ въ практическихъ мѣропріятіяхъ, но задача науки и просвѣщенной государственной политики заключается въ томъ, чтобы выяснить опасность этихъ явленій и стремиться къ устраненію ихъ общими усилиями.

Заканчивая этимъ пожеланіемъ бѣглое обзорѣніе экономическаго вопроса, столь важнаго и столь труднаго, вѣчно стараго и вѣчно новаго, мы должны сказать, что вовсе не исключаемъ покровительства государства и его воспитательнаго вліянія. Напротивъ, государство, какъ мощная и благодѣтельная сила, можетъ оказывать могущественную поддержку національной промышленности и имѣть огромное воспитательное вліяніе. Но это вліяніе будетъ безошибочно и благодѣтельно, если государство дѣйствуетъ не таможенными мѣрами, не предоставленіемъ льготъ и привилегій отдѣльнымъ отраслямъ промышленности, а направляетъ свои усилія и заботы на созданіе общихъ благопріятныхъ для народнаго хозяйства условий и на воспитаніе и укрѣпленіе производительныхъ силъ народа общими положительными мѣрами, служащими всѣмъ отраслямъ промышленности.

Между этими мѣрами, къ которымъ принадлежатъ улучшение путей сообщенія, правильная организація денежнаго обращенія и кредита, разумная система налоговъ, и т. п., весьма видное мѣсто должно быть отведено мѣропріятіямъ, о которыхъ въ особенности умѣстно вспомнить на сегодняшнемъ мирномъ праздникѣ. Мы имѣемъ въ виду развитіе науки и народнаго просвѣщенія во всѣхъ его степеняхъ и отрасляхъ. Народный трудъ, окрыленный теоретическимъ и практическимъ знаніемъ и облагороженный высшими идеалами христіанской нравственности, представляетъ ту мощную силу, которая побѣждаетъ всѣ препятствія, даетъ народу и матеріальное благосостояніе, и политическую мощь, и высшія духовныя блага.

ПОСВЯЩАЕТСЯ
НЕЗАВВЕННОЙ ПАМЯТИ УЧИТЕЛЯ

Профессора

Юрія Дмитрієвича

Сидоренко.

Налогъ на освобожденныхъ отъ воинской повинности въ теоріи и въ практическомъ примѣненіи.

ВВЕДЕНІЕ.

I. Краткій очеркъ литературы о воинскомъ налогѣ.

Мысль о налогѣ на освобожденныхъ отъ воинской повинности не нова. Въ теченіе послѣдняго столѣтія мысль эта не разъ привлекала къ себѣ вниманіе представителей науки и законодательныхъ дѣятелей. Если въ первую половину нынѣшняго столѣтія мысль эта встрѣчается еще только вскользь въ ученыхъ трактатахъ, и ученые экономисты и государствовѣды затрогиваютъ ее только мимоходомъ*), то за послѣднія 30—40 лѣтъ можно насчитать цѣлый рядъ специальныхъ изслѣдованій, посвященныхъ этой мысли. Еще въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія французскій публицистъ Жоффресъ, въ рядѣ брошюръ, выпущенныхъ имъ подъ однимъ общимъ заглавіемъ: „Etudes sur le recrutement de l'armée“ (Paris 1843, 1845 и 1850 г.), выступилъ съ обширнымъ проектомъ преобразованія французской арміи, сущность котораго состояла въ томъ, что воинская повинность должна отбываться всѣми гражданами одинаково, при чемъ немогущіе или не желающіе отбывать ее натурой, должны отбывать ее въ денежной формѣ, для чего они должны платить извѣстный налогъ, въ видѣ классной подати, сборъ съ котораго назначается въ пользу тѣхъ, которые будутъ отбывать воинскую повинность натурой. Проектъ Жоффреса нашелъ сочувственный откликъ среди знаменитѣй-

*) Такъ напримѣръ: Zachariä, 40 Bücher vom Staate, Bd. VI, S. 283; Rotteck въ изданномъ имъ видѣтѣ съ Walcker'омъ Staatslexikon'ѣ подъ словомъ Konskription; Chevalier, Cours d'économie polit. 1842 г. t. II, p. 335; Rau, Grundsätze der Finanzwissenschaft, 6 auflage, § 74 а. (въ переработкѣ Вагнера: Bearbeitung des Rau'schen Lehrbuchs, Finanzwissenschaft, I theil, S. 247); Parisu, Traité des impôts. t. IV, p. 72.

шихъ государственныхъ дѣятелей тогдашней Франціи, которые въ письмахъ, адресованныхъ къ автору и впоследствии имъ обнародованныхъ (въ предисловіи къ своей послѣдней брошюрѣ отъ 1850 г.), посѣщили выразить свое живѣйшее сочувствіе его основной мысли. Изъ множества выдающихся и вліятельныхъ лицъ, одобрительно отзывавшихся о проектѣ Жоффреса, достаточно указать на имена Наполеона-Луи Бонапарта, короля Луи Филиппа, его военного министра, генерала Поляя, генераловъ Бодрана и де-Тарлѣ, депутатовъ Вивьена, Бремье (впоследствии министра юстиціи), писателей Луи Блана, Ламартина и тому под., чтобы понять то воодушевленіе, которое проектъ Жоффреса вызвалъ въ свое время въ высшихъ слояхъ французскаго общества. Въ 1860 году, нѣмецкій экономистъ Книсъ, профессоръ государственныхъ наукъ въ фрейбургскомъ университетѣ (въ Баденѣ) и впоследствии директоръ высшаго училищнаго совѣта при баденскомъ министерствѣ народнаго просвѣщенія, издалъ брошюру подъ заглавіемъ: „Die Dienstleistung des Soldaten und die Mängel der Konstriktionspraxis“, въ которой подробно развивается та же идея, что и въ трудахъ Жоффреса, но только болѣе съ принципиальной, чѣмъ съ практической точки зрѣнія. Исходя изъ той мысли, что воинская повинность есть такая же подать на населеніе, какъ и всякая другая подать, и можетъ быть легко выражена въ денежной формѣ, авторъ требуетъ равномернаго распредѣленія этой подати на все мужское населеніе страны, находящееся въ извѣстномъ возрастѣ, причемъ тѣ, которые, по какимъ либо причинамъ, не могутъ нести эту подать въ натуральной ея формѣ, должны нести ее, какъ всякую другую подать, въ денежной формѣ. Въ 1864 году, директоръ прусскаго королевскаго статистическаго бюро и редакторъ статистическаго журнала, издаваемого тѣмъ же бюро, подъ названіемъ: „Zeitschrift des königlich preussischen statistischen Bureau“, д-ръ Энгель, выступаетъ горячимъ защитникомъ той же идеи въ двухъ статьяхъ, помѣщенныхъ имъ въ упомянутомъ журналѣ (№№ 3 и 7, за Мартъ и Іюль), подъ заглавіемъ: „Resultate des Ersatz-Aushebungsgeschäfts im preussischen Staate in den Jahren von 1855 bis mit 1862“; свои доводы въ пользу введенія этого налога Энгель главнымъ образомъ поддѣрживаетъ статистическими данными и примѣромъ многихъ швейцарскихъ кантоновъ, которые успѣли ввести у себя этотъ налогъ. Въ 1869 году, въ томъ же журналѣ помѣ-

ценъ этуодъ д-ра Жолли подъ заглавіемъ: „Die Militärsteuer oder das Wehrgeld“, посвященный тому же предмету и разработывающій этотъ вопросъ съ еще большей послѣдовательностью и энергичностью, чѣмъ его предшественники. Въ томъ же 1869 году профессоръ кievскаго университета св. Владиміра Г. Д. Сидоренко, издалъ въ Россіи изслѣдованіе о различныхъ системахъ рекрутской повинности („Рекрутская повинность, значеніе ея въ ряду системъ формировапія и комплектованія войскъ и историческое развитіе ея въ Россіи“, Кіевъ, 1869 г.; диссертация на степень доктора политической экономіи), въ которомъ авторъ, стоя исключительно на почвѣ народно-хозяйственныхъ интересовъ, приходитъ къ тѣмъ же выводамъ, къ какимъ пришли Жоффресь и Книсъ, рекомендуя введеніе предложеннаго ими налога, какъ одну изъ главнѣйшихъ мѣръ къ устраненію недостатковъ современной автору системы рекрутской повинности. Въ 1874 году, по поводу введенія въ нашемъ отечествѣ всеобщей воинской повинности, упомянутый авторъ продолжаетъ отстаивать свою прежнюю идею, но уже по другимъ основаніямъ, преимущественно примѣняясь къ специальнымъ условіямъ русской жизни. Статья его, посвященная этому вопросу, помѣщена въ 1-мъ томѣ „Сборника государственныхъ знаній“ и носитъ заглавіе: „О сокращенныхъ срокахъ воинской повинности и обязательномъ обученіи“. Исходя изъ той мысли, что сокращенные сроки службы, установленные новымъ уставомъ о воинской повинности, главнымъ образомъ слѣдуетъ мотивировать тѣмъ, что общее образованіе даетъ людямъ подготовку для усвоенія военнаго образованія и тѣмъ замѣняетъ, въ известной мѣрѣ, дѣйствительное прохожденіе службы, авторъ находитъ, что наиболѣе простой способъ облегченія воинской повинности для народа представляло бы распространеніе среди послѣдняго образованія, которое давало бы возможность каждому новобранцу отбывать воинскую повинность въ болѣе короткій срокъ. Но такъ какъ распространеніе образованія требуетъ большихъ средствъ, то авторъ и предлагаетъ установить особый воинскій налогъ съ лицъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ освобождаемымъ отъ воинской повинности, который служилъ бы для цѣлей образованія, чѣмъ было бы достигнуто сокращеніе сроковъ службы для многихъ, отбывающихъ ее въ дѣйствительности. Такое сокращеніе сроковъ представляло бы значительное облегченіе воинской повинности для многихъ отбывающихъ

ее, и этимъ было бы достигнуто, по мнѣнію автора, хоть нѣкоторое уравненіе воинской повинности, въ дѣйствительности распредѣляющей весьма неравномѣрно.

Въ 1879 году, появляется специальное изслѣдованіе д-ра Лесиганга о воинскомъ налогѣ, сперва въ „Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik“ (Bd. XXXIII), а затѣмъ отдѣльнымъ изданіемъ, подъ заглавіемъ: „Das Wehrgeld oder die Ausgleichungsbelastung der nichtdienenden Wehrpflichtigen“ (Jena, 1879). Мысль объ обложеніи уравнительнымъ налогомъ всѣхъ освобожденныхъ, по какимъ либо причинамъ, отъ воинской повинности авторъ доводитъ въ этомъ изслѣдованіи до крайности, требуя, чтобы размѣръ налога вполне соответствовалъ тяжести военной службы, для каковой цѣли авторъ рекомендуетъ установить денежную оцѣнку не только имущественныхъ потерь, которыя несутъ военнoслужащіе различныхъ классовъ общества во время прохожденія военной службы, но и моральныхъ стѣсненій и неудобствъ, которымъ они подвергаются. Послѣ Лесиганга слѣдуетъ упомянуть о нѣмецкомъ экономистѣ Густавѣ Конѣ, который въ двухъ монографіяхъ, помѣщенныхъ имъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ („Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft“, XXXV, 1879 г. и „Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik“, XXXVII, 1881 года), подвергаетъ подробному критическому разбору всѣ предшествующіе труды, посвященные этому вопросу. Въ этихъ двухъ монографіяхъ авторъ отвергаетъ предшествующія теоріи, приписывавшія воинской повинности значеніе простой подати и въ этомъ ея значеніи находившія основаніе для введенія требуемаго ими воинскаго налога; справедливость и цѣлесообразность введенія воинскаго налога авторъ выводитъ изъ другихъ принциповъ — отчасти государственнаго права, отчасти новыхъ политическихъ ученій. Въ 1882 году, обѣ эти монографіи были переработаны авторомъ и, слитыя въ одинъ этюдъ, подъ заглавіемъ: „Die Wehrsteuer“, помѣщены въ сборникѣ его экономическихъ этюдовъ, вышедшемъ въ томъ же 1882 году, подъ заглавіемъ: „Volkswirthschaftliche Aufsätze“ (Stuttgart, Cotta). Къ этому же предмету относится другой этюдъ автора, подъ названіемъ: „Ehre und Last in der Volkswirtschaft“, помѣщенный въ томъ же сборникѣ. Въ 1882 году, по поводу обсуждавшагося въ германскомъ рейхстагѣ законопроекта о введеніи воинскаго налога въ Германіи, законопроекта, отвергнутаго рейхстагомъ, одинъ изъ

выдающихся чиновниковъ прусскаго финансоваго вѣдомства издалъ книгу подъ заглавіемъ: „Die Wehrsteuer im deutschen Reiche“ (Berlin, 1881), въ которой помѣщенъ обширный законодательный матеріалъ, относящійся къ нашему вопросу, равнымъ образомъ помѣщены значительныя выдержки изъ дебатовъ, происходившихъ въ германскомъ рейхстагѣ при обсужденіи упомянутаго законопроекта. По поводу этого же законопроекта помѣщена въ декабрьской книжкѣ журнала „Preussische Jahrbücher“ за 1880 г. критическая статья профессора Трейтчке, горячо возстающаго противъ воинскаго налога, какъ противъ нововведенія, способнаго поколебать принципъ всеобщей воинской повинности и вообще уронить значеніе послѣдней въ глазахъ народа. Въ 1881 и 1882 гг. въ итальянскій парламентъ внесены аналогичные законопроекты, имѣвшіе такую же несчастную судьбу, какъ и германскій законопроектъ. Въ изданномъ, въ 1883 году, отчетѣ о дебатахъ, происходившихъ по этому поводу въ итальянскомъ парламентѣ, находимъ, въ видѣ приложенія, научное изслѣдованіе С. Фергарисъ подъ заглавіемъ: „L'imposta militare“ (Roma, 1883), посвященное тому же предмету. Затѣмъ слѣдуетъ упомянуть о статьѣ Альберта Боршторфа подъ заглавіемъ: „Die Wehrsteuer“, помѣщенной въ „Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft“ (Tübingen, 1886, 2 Heft), сжато излагающей сущность занимающаго насъ вопроса. Наконецъ, послѣднимъ произведеніемъ въ этой области слѣдуетъ считать изслѣдованіе геттингскаго профессора, д-ра Нейманна, помѣщенное въ первомъ томѣ издаваемаго д-ромъ Шанцомъ Finanz-Archiv'a за 1887 г. Хотя авторъ этого сочиненія смотритъ на воинскій налогъ, какъ на налогъ уже существующій, болѣе или менѣе признанный, и потому не нуждающійся въ принципиальномъ обоснованіи, тѣмъ не менѣе въ его изслѣдованіи нѣтъ недостатка и въ принципиальныхъ доказательствахъ необходимости воинскаго налога. По глубинѣ же анализа отдѣльныхъ составныхъ частей этого вопроса, по строгой научности опредѣленія существа воинскаго налога и мѣста, которое онъ долженъ занимать въ системѣ налоговъ, трудъ этотъ должно признать самымъ капитальнымъ въ литературѣ нашего вопроса. Съ другой стороны, хотя авторъ свое сочиненіе скромно озаглавливаетъ: „Die Wehrsteuer, Beiträge zur Erkenntniss und Beurtheilung dieser Steuer“, имѣя въ виду исключительно изслѣдовать теоретическую часть дѣла и обѣщая посвятить специальное изслѣ-

дованіе тѣмъ мѣрамъ, которыя необходимы для практическаго проведенія воинскаго налога, тѣмъ не менѣе мы смѣло можемъ считать его трудъ вполне законченнымъ, исчерпывающимъ настоящій вопросъ не только въ теоретической его части, но и во многихъ пунктахъ практическаго его проведенія въ дѣйствительной жизни.

Сверхъ указанныхъ специальныхъ изслѣдованій, воинскому налогу удѣляютъ особое мѣсто: А. Вагнеръ въ своемъ общемъ ученіи о прямыхъ налогахъ (*Handbuch der politischen Ökonomie, herausgegeben von G. Schönberg, 2 Auflage, Bd III, S. 318 и слѣд.*) и Шеффле въ своей „*Steuerpolitik*“ (Tübingen, 1880, стр. 497 и слѣд.). Последний, впрочемъ, рассматривающій воинскій налогъ не по его внутреннимъ мотивамъ и основаніямъ, а исключительно съ финансово-технической его стороны, приходитъ въ концѣ концовъ къ отрицанію этого налога. Изъ другихъ писателей, затрогивавшихъ вопросъ о воинскомъ налогѣ только мимоходомъ, заслуживаетъ особеннаго вниманія, по оригинальности своихъ воззрѣній, профессоръ Fick, своей статьей: „О вліяніи естествознанія на право“, помѣщенной въ „*Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik*“ за 1872 г. Bd. XVIII. Основываясь на теоріи Дарвина о естественномъ подборѣ и борьбѣ за существованіе, авторъ доказываетъ, что при господствующемъ въ современныхъ европейскихъ государствахъ милитаризмѣ одна часть населенія (военнослужащіе) физически развивается на счетъ мирной его части, такъ какъ въ войска поступаютъ, главнымъ образомъ, отборные здоровые люди, а дома преимущественно остаются слабосильные и нездоровые. Между тѣмъ экономическое и юридическое равенство обѣихъ частей населенія, въ связи съ нѣкоторыми благоприятствующими условіями для мирной части, ведетъ къ тому, что послѣдняя болѣе размножается, чѣмъ первая, послѣдствіемъ чего бываетъ большее возрастаніе числа слабосильнаго населенія. Поэтому каждое государство, желающее выдержать борьбу за существованіе съ другими государствами и занять высокое положеніе въ будущей конфедераціи европейскихъ государствъ, должно стремиться къ тому, чтобы, путемъ законодательныхъ мѣръ, препятствовать естественному росту мирной части населенія. Одной изъ такихъ мѣръ, по мнѣнію автора, долженъ служить воинскій налогъ, который, будучи установленъ въ высокомъ размѣрѣ, будетъ препятствовать неспособнымъ къ военной службѣ и, слѣд., физически-слабымъ—вступать въ бракъ

и обзаводиться семействомъ.—Очевидно, что подобное обоснованіе цѣлесообразности воинскаго налога едва ли можетъ служить для послѣдняго особенно лестной рекомендаціей въ глазахъ трезвыхъ политиковъ, считающихся съ дѣйствительными фактами и потребностями, а не съ гадательными теоріями о будущей судьбѣ человѣчества, а потому и мы не будемъ касаться теоріи Fick'a въ нашемъ дальнѣйшемъ изложеніи.

Изъ военныхъ писателей, высказавшихъ свои мнѣнія о воинскомъ налогѣ, слѣдуетъ упомянуть С. Rönitz'a, автора надѣлавшихъ въ свое время много шума въ Германіи „Писемъ умершаго“, который еще въ 1885 году рекомендовалъ введеніе воинскаго налога, какъ одну изъ мѣръ къ устраненію недостатковъ современной ему конскрипціонной системы; затѣмъ прусскаго генерала фонъ-Гартмана, горячо отстаивающаго необходимость упомянутаго налога въ „Zeitfragen des christlichen Volkslebens“ (Bd. I, Heft 4, 2 auflage, 1879), и, наконецъ, австрійскаго начальника генеральнаго штаба, Ратценгофера, который въ своемъ сочиненіи „Die Staatswehr“ (Stuttgart, 1881) посвящаетъ особый отдѣлъ защитѣ воинскаго налога.

II. Краткій очеркъ исторіи законодательства о воинскомъ налогѣ.

Какъ всегда почти бываетъ въ финансовыхъ вопросахъ, такъ и въ настоящемъ случаѣ, законодательная практика значительно опередила теорію. Въ литературѣ еще не было помину о воинскомъ налогѣ, какъ послѣдній успѣлъ уже завоевать себѣ прочное положеніе въ дѣйствительной жизни. Исторія постепеннаго развитія идеи о воинскомъ налогѣ и тѣхъ формъ, въ которыхъ она осуществлялась въ практической жизни, съ древнихъ временъ до настоящаго времени, чрезвычайно поучительна, и мы удѣлимъ ей особое мѣсто въ нашемъ изслѣдованіи. Здѣсь же мы укажемъ только на важнѣйшіе моменты въ этой исторіи, имѣя въ виду исключительно европейское законодательство послѣдняго столѣтія.

Изъ современныхъ европейскихъ государствъ впервые воинскій налогъ былъ осуществленъ во Франціи, во время первой французской революціи. Изданный въ 1800 году законъ объявляетъ, что всѣ французскіе граждане одинаково подлежатъ воинской повинности, и опре-

дѣлаетъ, что тѣ лица, которыя по какимъ либо причинамъ будутъ освобождены отъ воинской повинности, должны платить казнѣ известную сумму денегъ, соотвѣтствующую ихъ податной способности. Вышедшіе въ 1802 и 1805 гг. новые законы о рекрутской повинности оставили существованіе воинскаго налога нетронутымъ, пока, наконецъ, онъ не былъ уничтоженъ въ 1818 году, по примѣру многихъ другихъ плодовъ французской революціи. Въ 1833 году, наследный принцъ (впослѣдствіи король) саксонскій, Іоганнъ, внесъ въ саксонскую первую камеру проектъ, по которому лица, освобождаемые отъ воинской повинности вслѣдствіе негодности или вынутаго высокаго жребія, должны платить известную сумму денегъ для составленія особаго фонда, который распредѣлялся бы потомъ между окончившими службу солдатами. Проектъ этотъ не нашелъ сочувствія и остался безъ послѣдствій. Подобная же судьба постигла другой законопроектъ, внесенный въ 1848 г. во Франціи въ Національное Собраніе и преслѣдовавшій ту же цѣль. Частичное примѣненіе воинскаго налога находимъ въ одномъ прусскомъ указѣ 1830 г., освобождающемъ меннонитовъ и квакеровъ отъ воинской повинности и взамѣнъ того обязывающемъ ихъ къ уплатѣ въ казну ежегодной подати, въ размѣрѣ 3%, годоваго дохода каждаго. Подобный же частичный характеръ имѣетъ опредѣленіе баварскаго закона 1826 г., по которому лица, освобожденные или исключенныя изъ состава гражданской милиціи (Bürgerwehr), вносятъ особый налогъ (Relutionsbetrag), высшій размѣръ котораго—30 флориновъ и сборъ съ котораго предназначается для покрытія издержекъ по той же гражданской милиціи. Полное осуществленіе нашелъ воинскій налогъ въ Швейцаріи, гдѣ, начиная съ 1846 года, одинъ кантонъ за другимъ стали вводить у себя этотъ налогъ, пока эти партикулярныя постановленія различныхъ кантоновъ не были, наконецъ, соединены въ одинъ общій законъ для всего швейцарскаго союза, изданный въ 1878 году. Согласно съ этимъ закономъ, всѣ швейцарскіе подданные, освобожденные отъ воинской повинности, платятъ: въ 1-хъ, личный налогъ, въ размѣрѣ 6 франковъ съ каждаго освобождаемаго лица (лица, неспособныя къ труду и не владѣющія имуществомъ, освобождаются отъ этого налога), и во 2-хъ, налогъ съ имущества и дохода, въ суммѣ 1½ франковъ съ каждой тысячи фр. чистаго имущества и 1½% съ годоваго дохода. Имущество ниже 1000 фр. и годовою

доходъ ниже 600 фр. освобождены отъ налога, при чемъ лица, неспособныя къ труду, но владѣющія имуществомъ выше указаннаго размѣра, не освобождаются отъ налога. Налогъ взимается (въ различныхъ впрочемъ количествахъ), начиная съ 20-ти до 44-лѣтняго возраста, т. е., въ теченіе обыкновеннаго срока военной службы, который въ Швейцаріи простирается до 25 лѣтъ, считая вмѣстѣ уже дѣйствительную службу въ арміи, запасъ, резервъ и ополченіе. Въ Германіи, кромѣ упомянутаго выше частичнаго осуществленія, воинскій налогъ нашелъ полное примѣненіе особенно въ Вюртембергѣ и Баваріи. Въ Вюртембергѣ закономъ 12 Марта 1868 г. установлена единовременная пошлина въ 20 гульденовъ съ каждаго лица, освобождаемаго отъ воинской повинности, уплачиваемая при полученіи свидѣтельства объ освобожденіи. Въ Баваріи закономъ 29 Апрѣля 1868 г. введенъ воинскій налогъ въ видѣ прогрессивной подоходной подати, раздѣленной на 8 классовъ, при чемъ низшій классъ, въ размѣрѣ 200 гульденовъ чистаго дохода, обложенъ тремя гульденами подати, а высшій классъ, опредѣляемый суммой 1600 и болѣе гульденовъ дохода, обложенъ податью въ размѣрѣ 100 гульденовъ. Такъ какъ въ Баваріи срокъ военной службы былъ шестилѣтній, то и плата воинскаго налога установлена шестилѣтняя. Съ объединеніемъ Германіи въ 1871 году и распространіемъ на всѣ государства, вошедшія въ составъ единой Германской имперіи, одного общаго закона о воинской повинности, означенные партикулярные законы Вюртемберга и Баваріи утратили свою силу. Въ Австріи закономъ 30 Юля 1880 г. введенъ воинскій налогъ, съ подраздѣленіемъ на 14 классовъ, при чемъ первые четыре класса обложены налогомъ въ 1, 2, 3 и 5 гульденовъ, а слѣдующіе 10 классовъ обложены налогомъ въ 10, 20, 30 и т. д., такъ что четырнадцатый классъ обложенъ налогомъ въ 100 гульденовъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ составляетъ и максимумъ воинскаго налога въ Австріи. Доходъ съ означеннаго налога поступаетъ въ особый фондъ, который предназначается для поддержанія инвалидовъ учреждений, а также для оказанія необходимой поддержки вдовамъ и сиротамъ падшихъ воиновъ. Подобный законъ, съ нѣкоторыми небольшими измѣненіями, установленъ и для Венгріи. Въ 1882 году, какъ уже упомянуто выше, былъ внесенъ въ германскій рейхстагъ законопроектъ о введеніи воинскаго налога въ Германіи. Законопроектъ этотъ вызвалъ оживлен-

до того, что швейцарцы, по мѣткому выраженію одного швейцарскаго дѣателя, Stämpfli, скорѣе согласились бы на введеніе новыхъ налоговъ, чѣмъ на отмѣну воинскаго налога.

Такимъ образомъ, *практическое значеніе* введенія воинскаго налога очевидно. Оно заключается въ удовлетвореніи одного изъ существеннѣйшихъ требованій, которое граждане могутъ предъявлять современному государству, требованія равномернаго] распределенія повинностей между всѣми гражданами. Но это практическое значеніе воинскаго налога, какъ способа осуществленія принципа равенства по отношенію къ воинской повинности, еще недостаточно для *теоретическаго обоснованія* необходимости этого налога. Дѣло въ томъ, что принципъ равенства представляетъ собою обоюдоострое оружіе. Масса, руководящая больше чувствомъ, чѣмъ разсудкомъ, весьма часто склонна доводить требованіе равенства до крайности, когда оно изъ идеи справедливой превращается въ идею антиторальную. Такое антиторальное значеніе требованіе равенства получаетъ тогда, когда оно предъявляется какъ требованіе *quand même*, когда въ основаніи его лежитъ не желаніе уменьшенія собственной тяжести, путемъ болѣе равномернаго ея распределенія среди населенія, а желаніе просто увеличенія тягости другихъ, потому только, что *solamen miseris socios habuisse malorum* (для несчастныхъ составляетъ утѣшеніе имѣть товарищей въ несчастіи). Нельзя отрицать, что большинство массы смотритъ на воинскій налогъ съ этой точки зрѣнія, и если онъ пользуется и будетъ пользоваться сочувствіемъ массы, то именно потому, что на его знамени всегда будутъ видѣты вышеупомянутый девизъ. Но очевидно, что такая опора для воинскаго налога оказывается очень шаткой, и если хотять построить его на прочномъ фундаментѣ, то необходимо найти для него основанія, вытекающія не только изъ требованій чувства, но и изъ требованій разума.

Не подлежитъ сомнѣнію, что государственная политика можетъ иногда очутиться въ весьма опасномъ для себя положеніи, если въ своихъ начинаніяхъ не будетъ соображаться съ народными чувствами; несомнѣнно также, что и финансовая наука въ своихъ выводахъ не должна упускать изъ виду данныхъ, представляемыхъ народной психологіей: но очевидно, что эти данныя имѣютъ только второстепенное значеніе, наука должна ихъ принять въ соображеніе,

но не дѣлать ихъ прочнымъ фундаментомъ для своихъ выводовъ. Финансовая наука въ своихъ требованіяхъ должна исходить изъ основаній строго *раціональныхъ*, подсказываемыхъ государственной необходимостью или государственной пользой, а не увлекаться исключительно требованіями чувства, которыя именно весьма часто идутъ въ разрѣзъ съ требованіями государственной пользы и государственной необходимости. Вотъ почему и въ настоящемъ случаѣ для науки недостаточно одного голаго требованія равенства, а очевидно, что ей необходимо отыскать другія основанія, которыя подтверждали бы цѣлесообразность и необходимость существованія воинскаго налога.

И вотъ здѣсь то, для отысканія этихъ основаній, мы должны вступать въ широкую область, которая простирается далеко за обычные предѣлы, установленные для финансовой науки; здѣсь то выступаетъ во всей своей силѣ *теоретическое значеніе* воинскаго налога. „Принципіальный вопросъ о томъ, говоритъ Вагнеръ, насколько такой налогъ вообще правиленъ, необходимъ, справедливъ и цѣлесообразенъ, и связываемый съ нимъ другой принципіальный вопросъ, на какія потребности должны быть употребляемы средства, приобретаемыя путемъ этого налога, принадлежатъ уже не къ финансовой наукѣ, а къ общему ученію о государствѣ (политикѣ). Они тѣсно связаны съ высшими вопросами науки о государствѣ и вслѣдствіе этого они представляютъ собою много трудностей. Трудность эта еще болѣе увеличивается тѣмъ, что разрѣшеніе вопросовъ: „почему, какъ и для чего“, по отношенію къ воинскому налогу, находится въ столь же необходимой зависимости еще отъ другихъ вопросовъ, именно тѣхъ, которые вытекаютъ изъ той или другой организаціи воинской повинности въ каждомъ государствѣ въ отдѣльности“ *).

Такимъ образомъ, уже одно принципіальное обоснованіе воинскаго налога представляетъ обширное поле для изслѣдованія, дѣлая послѣднее чрезвычайно интереснымъ въ научномъ отношеніи. Не меньше интереса въ теоретическомъ отношеніи представляютъ собою и другія стороны воинскаго налога, выступающія на очередь тотчасъ послѣ принципіальнаго его обоснованія. Должно ли установить налогъ

*) A. Wagner, въ Handbuch der polit. Oekonomie, herausgegeben von G. Schönberg. Bd. III, 2 Auflage, S. 318.

единовременный, въ видѣ пошлины, взимаемой одновременно при выдачѣ удостовѣренія объ освобожденіи отъ воинской повинности, подобно тому, какъ это существовало въ Вюртембергѣ, или налогъ этотъ долженъ взыматься въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени, соотвѣтственно сроку военной службы, существующему въ данномъ государствѣ; долженъ ли размѣръ налога быть одинаковымъ для всѣхъ освобожденныхъ отъ воинской повинности, или онъ долженъ соотвѣтствовать доходу и имуществу послѣднихъ, иными словами, долженъ ли онъ быть установленъ въ видѣ поголовнаго или въ видѣ подоходнаго налога, или наконецъ въ формѣ, комбинированной изъ того и другого вмѣстѣ; долженъ ли онъ взыматься въ одинаковыхъ количествахъ въ теченіе всего платежнаго періода, или въ разныхъ количествахъ, соотвѣтственно различнымъ періодамъ военной службы, именно: въ большемъ размѣрѣ въ періодъ, соотвѣтствующій отбыванію военной службы въ арміи, и въ меньшихъ размѣрахъ въ періоды, соотвѣтствующіе нахожденію военно-служащихъ въ запасѣ, резервѣ и ополченіи; должно ли обложить этимъ налогомъ исключительно лицъ, освобождаемыхъ отъ воинской повинности, или также ихъ родителей, въ случаѣ податной неспособности первыхъ; наконецъ, должны ли быть привлекаемы къ воинскому налогу также и женщины, наравнѣ съ другими неспособными къ исполненію воинской повинности *in patria* и вмѣстѣ съ тѣмъ обладающими податной способностью—всѣ эти вопросы представляютъ собою не менѣе обширное поле для изслѣдованія, чѣмъ самое принципиальное обоснованіе налога. Одни изъ этихъ вопросовъ, какъ напр. вопросъ о привлеченіи женщинъ къ участию въ этомъ налогѣ, объ отвѣтственности родителей за дѣтей, о соотвѣтствіи срока взиманія воинскаго налога и количества этого взиманія съ срокомъ военной службы и съ различными ея періодами, находятся въ тѣсной связи съ принципиальнымъ обоснованіемъ налога и, подобно послѣднему, рѣшеніе ихъ должно быть основано на данныхъ науки государственнаго права, философіи права и политической экономіи. Другіе изъ этихъ вопросовъ, какъ напр. вопросъ о выборѣ между поголовнымъ и подоходнымъ налогомъ или комбинированіи того и другаго налога вмѣстѣ, о выборѣ между пропорціональнымъ и прогрессивнымъ подоходнымъ налогомъ, объ установленіи максимума и минимума дохода, подлежащаго обложенію и т. д., равнымъ обра-

зомъ и другіе вопросы, касающіеся практическаго примѣненія налога въ дѣйствительной жизни, уже относятся къ финансовой наукѣ, и къ рѣшенію ихъ должны быть приложимы общія теоремы, выводимыя теоріей финансоваго права.

IV. Планъ изслѣдованія.

Сказанное выше о теоретическомъ и практическомъ значеніи воинскаго налога опредѣляетъ собою задачу и планъ настоящаго изслѣдованія.

Прежде всего слѣдуетъ опредѣлить значеніе воинской повинности въ ряду другихъ повинностей гражданъ, отъ которыхъ она совершенно отличается сложной суммой экономическихъ, физическихъ и моральныхъ жертвъ, присущихъ этой повинности по самой природѣ ея, и указать на фактическій размѣръ того неравенства, которое существуетъ между различными гражданами государства, одинаково подлежащими отбыванію воинской повинности, но не одинаково отбывающими ее въ дѣйствительности (глава I). Остановившись затѣмъ на различныхъ теоріяхъ, предложенныхъ для принципиальнаго обоснованія воинскаго налога, какъ средства, устраняющаго вышеупомянутое неравенство (главы II—IV), мы попытаемся установить съ своей стороны принципиальную конструкцію воинскаго налога, пользуясь данными, добытыми при критическомъ разборѣ предшествующихъ теорій (глава V). Для провѣрки справедливости этой принципиальной конструкціи, будутъ рассмотрѣны тѣ возраженія, которыя отчасти уже были сдѣланы, а отчасти еще могутъ быть сдѣланы противъ введенія воинскаго налога, и указаны неосновательность этихъ возраженій и непримѣнимость ихъ къ выведенной теоріи (глава VI). Этимъ будетъ исчерпано содержаніе первой части изслѣдованія, касающейся *теоріи* воинскаго налога.

Во второй части изслѣдованія, имѣющей своимъ содержаніемъ характеристику положенія, занимаемаго воинскимъ налогомъ на *практикѣ*, прежде всего представленъ будетъ полный очеркъ исторіи осуществленія воинскаго налога на практикѣ, начиная съ древнихъ временъ до настоящаго времени (глава I). Потомъ будутъ рассмотрѣны отдѣльныя положенія нонѣйшаго европейскаго законо-

дательства о воинскомъ налогѣ, а именно: о субъектахъ воинскаго налога (главы II—III), о продолжительности времени для взиманія воинскаго налога (глава IV), объ объектѣ воинскаго налога (глава V) и о цѣляхъ, на которыя онъ долженъ быть употребленъ (глава VI). При разсмотрѣннн всѣхъ этихъ вопросовъ, мы остановимся, при каждомъ изъ нихъ въ отдѣльности, на тѣхъ основаніяхъ, которыми слѣдуетъ руководствоваться для того или иного рѣшенія даннаго вопроса, имѣя въ виду принципиальную конструкцію воинскаго налога, выведенную въ первой части. Это сопоставленіе дастъ, такимъ образомъ, возможность опредѣлить, насколько современное практическое осуществленіе воинскаго налога соответствуетъ тѣмъ требованіямъ, которыя мы вправѣ ему предъявлять, основываясь на данныхъ финансовой науки и государственнаго права. Выяснивъ, такимъ образомъ, всѣ общіе и частные вопросы, касающіеся воинскаго налога, возможно будетъ, наконецъ, также опредѣлить мѣсто этого налога въ общей системѣ современныхъ европейскихъ государственныхъ налоговъ, или въ такъ называемой „податной системѣ“ (глава VII).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

НАЛОГЪ НА ОСВОБОЖДЕННЫХЪ ОТЪ ВОИНСКОЙ ПОВИННОСТИ ВЪ ТЕОРИИ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Воинская повинность и принципъ равенства.

Въ ряду повинностей, которыя современное государство налагаетъ на своихъ гражданъ, воинская повинность стоитъ совершенно особнякомъ, какъ самая тяжелая, самая обременительная и вмѣстѣ съ тѣмъ самая важная, самая неизбѣжная въ современномъ государствѣ. Необходимость и неизбѣжность этой повинности не подлежатъ никакому сомнѣнію. Какъ бы справедливо ни было негодованіе тѣхъ, которые возстаютъ противъ существованія международнаго антагонизма, вынуждающаго государства держать на готовѣ громадныя арміи и затрачивать на нихъ всѣ свои лучшія силы; какъ бы ни желательно было водвореніе на землѣ того идеала, о которомъ мечтали древніе пророки Израиля, желавшіе, чтобы народы „обратили свои мечи въ заступы и свои копыя въ косы, чтобы одинъ народъ не поднималъ меча на другаго и чтобы люди не учились больше воевать“ (*),—мы должны признать, что еще очень много времени должно пройти, пока этотъ идеалъ осуществится, и что до тѣхъ поръ содержаніе военныхъ силъ будетъ составлять необходимое условіе

---

*) Исаія II. 4; Михей IV, 3.

самой жизни государства. Поэтому весьма ошибочно мнѣніе тѣхъ, которые считаютъ военную службу „непроизводительнымъ трудомъ“, выставляя на видъ то положеніе, что въ то время, когда всѣ другія повинности обыкновенно влекутъ за собою извѣстныя осязательныя выгоды, какъ для всего государства, такъ и для каждаго гражданина въ отдѣльности, въ воинской повинности моментъ непосредственной, осязательной пользы менѣе всего очевиденъ. Конечно польза, представляемая существованіемъ арміи—осуществленіе возможности защиты государства отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ—скорѣе отрицательнаго, чѣмъ положительнаго свойства. Но, какъ справедливо замѣтилъ еще Книсъ *), развѣ обезпеченіе нашей жизни, нашей собственности, нашей закономъ дозволенной дѣятельности, нашего взаимнаго оборота противъ угрожающаго насилія внутри страны и противъ внѣшнихъ враговъ, не есть столь же необходимая потребность, какъ потребность въ питъѣ и ѣдѣ, въ одеждѣ и жилищѣ? Злые вороны, отъ которыхъ оберегаетъ насъ солдатъ, гораздо хуже еще, чѣмъ тѣ, отъ которыхъ полевой сторожъ оберегаетъ нашу ниву, и если дѣятельность послѣдняго должна быть признана производительною, то тѣмъ больше таковою должна быть признана дѣятельность перваго. Необходимость воинской повинности и важное ея значеніе въ современномъ государствѣ, такимъ образомъ, не подлежатъ сомнѣнію.

Но, признавая это, мы должны также признать и другое положеніе, что повинность эта есть самая тяжелая, самая обременительная среди всѣхъ другихъ повинностей въ современномъ государствѣ. Какъ бы мы ни идеализировали эту повинность, какъ бы мы ни признавали святость принципа: „Защита отечества есть священная обязанность каждаго гражданина“, мы все таки не можемъ отрицать всей тяжести, присущей этой повинности. Отбываніе этой повинности сопряжено съ такими лишеніями и жертвами, предъ которыми пожертвованія, требуемыя другими повинностями, положительно ничтожны. Такъ какъ ясное пониманіе значенія воинской повинности весьма важно для рѣшенія вопроса о воинскомъ налогѣ, то мы не должны игнорировать эту, въ высшей степени важную, черту воинской повинности. Исчислить всѣ лишенія и жертвы, сопряженныя съ отбываніемъ воинской повинности, нѣтъ никакой возможности, такъ

*) Knies, Die Dienstleistung des Soldaten, S. 2—3.

какъ они чрезвычайно многочисленны и разнообразны, видоизмѣняясь соотвѣтственно съ индивидуальными умственными, моральными, физическими и социальными условіями, въ которыхъ находится лицо, отбывающее эту повинность. Тѣмъ не менѣе, лишенія эти можно подвести подъ нѣсколько общихъ категорій, въ предѣлахъ которыхъ не трудно опредѣлить главные свойства этихъ лишеній. Лишенія именно, которыя влечетъ за собою воинская повинность, можно раздѣлить на три главные категоріи: физическія, психическія и экономическія. Разсмотримъ каждую изъ этихъ категорій въ отдѣльности.

Физическія лишенія, присущія военной службѣ по самой ея природѣ, значительно отличаются отъ физическихъ лишеній, которыя влечетъ за собою обыкновенно всякая другая физическая дѣятельность. Напряженія мускульной силы при военныхъ экзерциціяхъ хотя обыкновенно бываютъ менѣе продолжительны, тѣмъ тѣ, которыя приходится дѣлать обыкновенному чернорабочему, вынужденному работать въ потѣ лица въ теченіе цѣлаго дня, но за то онѣ болѣе интенсивны и, вслѣдствіе этого, болѣе обременительны. Не говоря уже объ упражненіяхъ, обусловливаемыхъ самой техникой военного дѣла, достаточно, напр., вспомнить тѣ лишенія, которыя выпадаютъ на долю солдата при передвиженіяхъ съ мѣста на мѣсто, особенно тамъ, гдѣ нѣтъ желѣзныхъ дорогъ, когда часто приходится дѣлать 30 и болѣе верстъ въ день, часто во время сильнаго мороза и стужи или во время сильной жары, или достаточно вспомнить тѣ страданія, которыя приходится перетерпѣвать солдату, стоящему на стражѣ, не смѣя шевелиться въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, — чтобы оцѣнить всю физическую тяжесть военной службы даже въ тѣхъ случаяхъ, когда она, повидимому, не требуетъ непосредственнаго мускульнаго труда. Всѣ эти физическія лишенія, за весьма рѣдкими исключеніями, значительно превышаютъ физическія страданія обыкновеннаго чернорабочаго, работающаго преимущественно въ закрытыхъ помѣщеніяхъ, *не по командѣ, а по собственному побужденію, и имѣющаго полную свободу располагать свой трудъ наиболее удобнымъ для себя образомъ* *).

*) Къ этимъ физическимъ лишеніямъ слѣдуетъ прибавить, какъ это ни печально, и непосредственными физическія боли и страданія, причиняемыя весьма часто солдатамъ ихъ старшими по службѣ, въ видѣ побоевъ, пинковъ, подзатыльниковъ и т. д. Это практикуется до сихъ поръ еще почти вездѣ, не только у насъ въ Россіи, но, судя по отзывамъ наблюдателей,

Но всё эти лишения, составляющія обычные явленія военной службы въ мирное время, въ сущности ничто, въ сравненіи съ тѣми физическими лишеніями и страданіями, которыя выпадаютъ на долю солдата въ военныхъ походахъ. Мы ихъ считать не будемъ, такъ какъ эти лишенія и страданія всякому извѣстны изъ описаній наблюдателей*). Своего кульминаціоннаго пункта страданія эти достигаютъ въ тотъ моментъ, когда солдатъ, сраженный непріателемъ, приноситъ въ жертву своему отечеству не только свое здоровье или отдѣльный органъ своего тѣла, но часто даже свою жизнь, т. е. высшее благо, которымъ человѣкъ владѣетъ, такъ какъ она составляетъ основу всѣхъ другихъ благъ въ мірѣ.

Вторую категорію составляютъ психическія лишенія и страданія, которыя также присущи военной службѣ по самой природѣ ея, но которыя уже ощущаются различно, смотря по степени развитія и образованія отбывающаго военную службу. Человѣкъ отрывается отъ своей семьи, отъ своихъ друзей и пріятелей, иногда и отъ любимой женщины, и именно въ такомъ возрастѣ, когда всё эти нравственныя узы чрезвычайно еще крѣпки, такъ что ихъ разрывъ причиняетъ наиболѣе сильное психическое страданіе. Онъ долженъ жертвовать всѣмъ, чѣмъ онъ до сихъ поръ дорожилъ, своими привычками къ извѣстному образу жизни, своими наклонностями къ извѣстнымъ занятіямъ; онъ долженъ подавлять въ себѣ эти наклонности, отказаться отъ своихъ идеальныхъ стремленій къ развитію и усовершенствованію скрытыхъ въ немъ способностей—во имя воинскаго долга, требующаго себѣ полного подчиненія лич-

---

и въ просвѣщенной Германіи и Австріи. Конечно, законодательства и правительства принимаютъ всевозможныя мѣры къ искорененію этого зла. Наше военное вѣдомство, напр., въ своихъ циркулярахъ не только строго воспрещаетъ бить солдатъ, но предписываетъ даже избѣгать вообще прикосновенія къ тѣлу солдата, напр., при обученіи его держать оружіе и т. д. «Ошибку, говорятъ одинъ изъ подобныхъ циркуляровъ, слѣдуетъ разъяснять словеснымъ разъясненіемъ и показывать на себя, но отнюдь не касаясь обучаемого рукой»; и дальше: «слѣдуетъ кротко и съ терпѣніемъ исправлять ошибку». (Приказъ по военному вѣдомству 1880 г. № 335, см. Памятную книжку для унтеръ-офицеровъ пѣхоты, Спб. 1886. Извлеченіе изъ положенія о порядкѣ обученія молодыхъ солдатъ). Но всё эти усилія фактически остаются совершенно безуспѣшными. Зло это, къ сожалѣнію, пустило такіе глубокіе корни въ военной службѣ, что приходится почти признать, что оно составляетъ фатальную необходимость послѣдней, какъ ни печально такое признаніе.

*) Укажемъ, напр., на прекрасный разсказъ одного изъ симпатичнѣйшихъ нашихъ беллетристовъ, Всеволода Гаршина, подъ названіемъ «Разсказъ рядоваго Иванова», гдѣ весьма рельефно обрисована тяжесть военнаго похода.

ности, устанавливающего для индивидуума *свои* правила, *свои* обычаи, *свой* *modus vivendi*, ничего общаго не имѣющіе со всѣмъ тѣмъ, чѣмъ индивидуумъ руководствовался до сихъ поръ. Человѣкъ, наконецъ, отказывается отъ высшаго блага, которое принадлежитъ ему послѣ блага жизни—отъ свободы; онъ весь отдается въ распоряженіе особой дисциплины, которая соразмѣряетъ каждый шагъ его, каждое его движеніе; малѣйшее отступленіе отъ правилъ этой дисциплины влечетъ за собою строгое наказаніе. Человѣкъ чувствуетъ себя постоянно подъ психическимъ давленіемъ, надъ нимъ постоянно виситъ какой то дамокловъ мечъ, онъ вѣчно долженъ быть на сторожѣ. Конечно, и въ гражданской жизни мы находимся въ постоянной зависимости отъ тяготящей надъ нами высшей силы, именуемой закономъ, съ требованіями котораго мы должны соразмѣрять наши поступки и наши желанія. Но какая равнища между *этими* требованіями и требованіями военной дисциплины! Третьяковъ закона, особенно уголовного, не причиняютъ намъ никакого психическаго стѣсненія. Если мы, напр., остерегаемся отъ нанесенія обидъ нашему близкому, отъ совершенія подлоговъ, отъ уклоненія отъ государственныхъ повинностей, то мы это дѣлаемъ не потому, что таковы требованія закона и мы *подчиняемся* этимъ требованіямъ, а потому, что мы чувствуемъ внутреннее отвращеніе ко всѣмъ этимъ дѣйствіямъ; требованіе закона во всѣхъ этихъ случаяхъ вполне гармонируетъ съ требованіями всего нашего духовнаго и моральнаго существа. Совсѣмъ другое дѣло требованія дисциплины. Мы можемъ *сознавать* цѣлесообразность этихъ требованій, ихъ необходимость для достиженія извѣстныхъ утилитарныхъ цѣлей, но исполненіе этихъ требованій не вытекаетъ изъ требованій нашей моральной природы, съ которой они не имѣютъ ничего общаго. Исполненіе ихъ основано на разумѣ, а не на моральномъ чувствѣ, оно требуетъ съ нашей стороны *подчиненія* себѣ, психическаго принужденія, и въ этомъ моментѣ подчиненія и принужденія и заключается психическая тягость этихъ требованій для обязаннаго подчиняться имъ. Тягость эта чувствуется тѣмъ сильнѣе, чѣмъ человѣкъ болѣе образованъ, чѣмъ болѣе развито въ немъ чувство свободы. Правда, этому психическому страданію служитъ значительнымъ противовѣсомъ сознание долга, а это сознание въ свою очередь также составляетъ преимущественный удѣлъ людей болѣе развитыхъ умственно и морально, но это сознание, заставляя

насъ добросовѣстно и неукоснительно исполнять требованія дисциплины, нисколько не освобождаетъ насъ отъ психическаго стѣсненія, которое мы испытываемъ при исполненіи этихъ требованій. Едва ли найдется какая либо другая отрасль человѣческой дѣятельности, которая такъ бы изобиловала психическими лишеніями, какъ военная служба. И это совершенно естественно. Свобода есть высшее благо для человѣка послѣ блага жизни; лишеніе этого блага, или даже одно только ограниченіе его, должно причинять значительныя психическія страданія: между тѣмъ ни въ одной отрасли человѣческой дѣятельности ограниченіе свободы не выступаетъ съ такой силой, какъ именно въ военной службѣ.

Третья категория лишеній имѣетъ исключительно экономической характеръ. Человѣкъ призывается къ военной службѣ въ тотъ именно періодъ жизни, который имѣетъ наибольшее значеніе для совиданія его будущаго экономическаго благополучія. Накопленіе капитала, какъ интеллектуальнаго, такъ и вещественнаго, необходимаго для извѣстнаго рода экономической дѣятельности, приобрѣтеніе другихъ средствъ, необходимыхъ для этой дѣятельности, какъ напр., знакомствъ, кліентовъ, кредита и т. д., развитіе духовныхъ способностей для какого нибудь призванія и техническое усовершенствованіе въ этомъ призваніи—все это совершается именно въ тѣ годы, которые воинская повинность отнимаетъ у человѣка въ свою пользу. Отрываясь отъ своей экономической дѣятельности, отъ своего призванія для военной службы, человѣкъ, такимъ образомъ, несетъ двойныя потери: потери непосредственныя, которыя на римскомъ юридическомъ языкѣ носятъ названіе *damnum emergens*, и потери посредственныя, которыя на томъ же юридическомъ языкѣ извѣстны подъ словомъ *lucrum cessans*. Потери втораго рода въ экономическомъ отношеніи еще болѣе существенны, чѣмъ потери перваго рода. Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ поступаетъ въ военную службу въ томъ возрастѣ, когда знанія, необходимыя ему для его будущей профессіи, находятся еще въ періодѣ развитія, когда о какой нибудь законченности по отношенію къ тому кругу умственнаго образованія, который необходимъ для его будущей экономической дѣятельности, не можетъ быть и рѣчи. Говоря это, мы вовсе не имѣемъ въ виду такъ называемыхъ либеральныхъ профессій, требующихъ особенной научной или специально технической подготовки въ учебныхъ заве-

депійхъ; о нихъ нечего и говорить, такъ какъ потери, могущія произойти для человѣка, готовящагося къ такой профессіи, если его прервать во время его научной подготовки, слишкомъ очевидны; да и сами законодательства это сознаютъ, предоставляя во всѣхъ почти странахъ, гдѣ существуетъ всеобщая воинская повинность, отсрочку готовящимся къ такимъ профессіямъ до окончанія ими курса, соотвѣтственно сокращая и сроки ихъ службы. Но сказанное выше относится и ко всевозможнымъ другимъ родамъ занятій, тѣмъ или инымъ образомъ стоящимъ выше обычнаго уровня простой механической работы и, слѣдовательно, требующимъ для себя какой нибудь специальной подготовки. Застой, наступающій въ экономической дѣятельности призываемаго, вслѣдствіе отбыванія имъ воинской повинности, вмѣстѣ съ тѣмъ есть и регрессъ, такъ какъ въ экономической жизни, по справедливому замѣчанію Боршторфа, застой и регрессъ равнозначущи. Послѣдствія этого застоя особенно обнаруживаются по окончаніи службы въ дѣйствующей арміи и по переходѣ прежняго солдата въ запасъ или ополченіе, когда ему приходится вновь начинать свою прежнюю экономическую дѣятельность, прерванную военной службой. Многое изъ того, что онъ зналъ, онъ успѣлъ позабыть, благодаря отсутствію упражненія въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ службы, между тѣмъ какъ, если бы онъ не былъ прерванъ военной службой, онъ успѣлъ бы въ теченіе этого времени приобрѣсть еще много новыхъ знаній и большій навыкъ въ своей специальности. Въ первомъ отношеніи онъ несетъ положительныя потери (*damnum emergens*), во второмъ — потери относительныя (*lucrum cessans*), не менѣ существенныя, чѣмъ первыя. Ему нужно очень много усилій и труда, чтобы по крайней мѣрѣ вновь достигнуть того положенія, въ которомъ онъ находился въ моментъ призванія къ военной службѣ; нужно приобрѣсть вновь необходимыя орудія и материалы, вновь обзавестись кругомъ кліентовъ, покупателей и т. д., между тѣмъ какъ его товарищъ по профессіи, *ceteris paribus*, за время отбыванія имъ военной службы, успѣлъ не только оставаться въ прежнемъ положеніи, но и значительно подвинуться впередъ въ экономическомъ отношеніи, и съ нимъ приходится нашему субъекту конкурировать, но на этотъ разъ далеко уже не при равныхъ силахъ.

Но было бы большою ошибкою, по справедливому замѣчанію

Нейманна, при исчисленіи тѣхъ экономическихъ потерь, которыя влечетъ за собою воинская повинность, имѣть преимущественно, или даже исключительно, въ виду потери, проистекающія отъ службы въ теченіе трехъ или одного года въ дѣйствующей арміи. По объему и значенію эти жертвы далеко уступаютъ тѣмъ, которыми могутъ быть потребованы отъ лицъ, числящихся въ запасѣ или ополченіи. Дѣло въ томъ, что воинская повинность не ограничивается одной службой въ дѣйствующей арміи. За службой въ арміи слѣдуетъ еще состояніе въ запасѣ, а потомъ въ ополченіи. Въ Россіи, до Іюня 1888 года, срокъ военной службы былъ установленъ 19-лѣтній, отъ 21-го до 40-лѣтняго возраста, при чемъ солдатъ пребывавалъ въ дѣйствительной службѣ 6 лѣтъ, 9 лѣтъ въ запасѣ, а остальные годы числился въ государственномъ ополченіи. Іюньскимъ закономъ 1888 г. срокъ службы продолженъ до 43-лѣтняго возраста, при чемъ измѣнены и сроки дѣйствительной службы и запаса: первый установленъ 5-лѣтній, второй 13-лѣтній. Срокъ состоянія въ ополченіи для лицъ отбывшихъ нормально воинскую повинность, оставленъ прежній, четырехлѣтній, но зато онъ отодвинутъ на болѣе поздній возрастъ, благодаря увеличенію срока запаса. Для лицъ же, съ самаго начала призывнаго возраста зачисленныхъ въ ополченіе, срокъ послѣдняго оказывается дѣйствительно увеличеннымъ на три года. Въ Пруссіи, воинскими уставами 1817, 1825 и 1858 гг. срокъ военной службы установленъ 32-лѣтній, отъ 17- до 49-лѣтняго возраста, съ слѣдующими подраздѣленіями: 5 лѣтъ (отъ 20 до 25 лѣтъ) службы въ арміи (3 года дѣйствительной службы, а 2 года въ резервѣ), 7 лѣтъ состоянія въ ландверѣ перваго призыва, 7 лѣтъ состоянія въ ландверѣ втораго призыва, а остальные годы (отъ 17 до 20 лѣтъ и отъ 39 до 49) состоянія въ ландштурмѣ*). Срокъ этотъ подвергался различнымъ измѣненіямъ, пока, наконецъ, закономъ 12 Февраля 1875 года, дѣйствующимъ до сихъ поръ, срокъ этотъ установленъ 25-лѣтній (отъ 17 до 42 лѣтъ), съ соответственными подраздѣленіями на дѣйствительную службу въ арміи, ландверъ и ландштурмъ, но съ тѣмъ важнымъ различіемъ, что въ случаѣ надобности и ландверъ и ландштурмъ получаютъ значеніе дѣйствительной службы. Согласно этому закону, не только ландверъ,

*) Engel, Resultate des Ersatz-Aushebungsgeschäfts, стр. 66.

но и ландштурмъ составляетъ вполне организованную составную часть общей вооруженной силы государства, подлежащую тѣмъ же законамъ и правиламъ дисциплины, которые установлены для настоящей арміи, имѣющую даже особенную форменную одежду и т. д. Въ случаѣ надобности составъ ландвера можетъ быть пополненъ лицами, состоящими въ ландштурмѣ, т. е., послѣднія вплоть до 42-лѣтняго возраста могутъ быть *обратно* причислены въ ландверъ, изъ котораго по своему возрасту уже были отчислены. При такомъ призваніи къ службѣ лицъ, состоящихъ въ ландштурмѣ, военное вѣдомство даже не обязано руководствоваться предпочтительнымъ выборомъ болѣе молодыхъ возрастовъ; рядомъ съ молодыми, оно можетъ одновременно призвать и старшіе возрасты и даже предпочесть послѣдніе, если военные интересы этого потребуютъ*). Этотъ германскій законъ, вмѣстѣ съ его дополненіями отъ 1880 и 1887 г., конечно, долженъ имѣть своимъ послѣдствіемъ соотвѣтственное увеличеніе сроковъ службы и реформу резервныхъ частей и въ другихъ государствахъ. И дѣйствительно, въ настоящее время въ Австріи проектируютъ организацію ландштурма по образцу германскому, во Франціи въ настоящее время также разсматривается въ сенатѣ законопроектъ объ увеличеніи продолжительности сроковъ службы до 45-лѣтняго возраста, а упомянутый выше законъ, изданный недавно въ нашемъ отечествѣ, представляетъ довольно значительный шагъ въ томъ же направленіи.

При такой организаціи военныхъ силъ въ современныхъ европейскихъ государствахъ, положеніе лицъ, находящихся въ резервѣ, заслуживаетъ не меньшее вниманіе, чѣмъ положеніе лицъ, находящихся въ дѣйствительной службѣ. Хотя лишенія и потери, которыя влечетъ за собою причисленіе ихъ къ составу военнослужащихъ, болѣе возможныя, чѣмъ дѣйствительныя, такъ какъ они призываются только въ чрезвычайныхъ случаяхъ: однако, если эти чрезвычайные случаи дѣйствительно наступаютъ, то испытываемыя ими лишенія бывають еще гораздо интенсивнѣе по своему внутреннему содержанию и значительнѣе по своему объему, чѣмъ тѣ, которыя испытываютъ лица, находящіяся на службѣ по призыву мирнаго времени. Дѣло въ томъ, что по обыкновенному призыву мирнаго времени на

*) Neumann, Die Wehrsteuer, Finanz-Archiv Bd. I, 1887. S. 114.

службу поступаютъ люди, преимущественно холостые, на которыхъ военная служба во всякомъ случаѣ не можетъ такъ губительно отозваться, какъ на лицахъ семейныхъ и имѣющихъ уже опредѣленную профессию и т. д.; между тѣмъ, именно такіа лица составляютъ главный контингентъ тѣхъ, которые призываются въ военное время. Положеніе ихъ въ высшей степени печальное. „Кто имѣлъ хоть малѣйшую возможность, говоритъ Нейманнъ, изучить тѣ бѣдствія, которыя влекло за собою даже сравнительно короткое военное время 1870 и 1871 гт. для громаднаго числа семействъ тѣхъ лицъ, которыя были тогда призваны изъ резерва и ландвера подъ знамена дѣйствующей арміи, кто именно имѣлъ возможность читать прошенія, въ которыхъ родственники этихъ лицъ просили отпуска для послѣднихъ и которыми они, особенно въ послѣдніе мѣсяцы того времени, буквально *осаждали* военное управленіе, требуя ихъ освобожденія отъ службы хотя бы на короткое время, дабы они получили возможность совершить хоть крайне необходимое для интересовъ собственнаго дѣла, дабы послѣднее совсѣмъ не рушилось подъ бременемъ конкуренціи оставшихся дома, дабы источники пропитанія всего семейства не изсякли совершенно, дабы не быть доведеннымъ до разоренія и т. д.; кто, дальше, приметъ въ соображеніе, что предстояща, быть можетъ даже въ ближайшемъ будущемъ, кампанія, по всѣмъ вѣроятіямъ, не только будутъ требовать увеличенія числа резервныхъ войскъ, но, съ цѣлью лучшаго подготовленія всѣхъ частей войска, послѣднее будутъ держать подъ знаменами гораздо болѣе продолжительное время, чѣмъ это сдѣлала внезапно начавшаяся кампанія 1870 г., что тогда, вѣроятно, будутъ *вынуждены* прибѣгнуть къ дѣйствию закона 1875 г. и призывать къ службѣ даже старшіе возрасты ландштурма, которые въ 1871 году были еще совершенно освобождены,—тотъ можетъ себѣ представить приблизительно вѣрную картину того горя и того несчастія, которыя въ подобное время должны обрушиваться на семейства нашихъ защитниковъ отечества и на экономическое ихъ существованіе“ *).

Такимъ образомъ, экономическія лишенія, постигающія лицъ, отбывающихъ воинскую повинность, простираются не только на тѣхъ, которыя отбываютъ военную службу въ дѣйствующей арміи, но и

*) Neumann *ibid.*, стр. 115.

на тѣхъ, которыя числятся въ запасѣ и ополченіи. Разница между экономическими лишеніями первыхъ и вторыхъ лишь та, что первыя наступаютъ неизбѣжно, во всякое время, и составляютъ явленіе постоянное, а вторыя наступаютъ лишь въ чрезвычайныхъ случаяхъ, именно въ военное время. Но и въ мирное время резервисты не совсѣмъ свободны отъ экономическихъ лишеній, если принять во вниманіе частое отрываніе ихъ отъ мирныхъ занятій для учебныхъ сборовъ и т. д. Воинская повинность, такимъ образомъ, отражается и на нихъ чрезвычайно тягостно: въ военное время—всѣми своими лишеніями и бѣдствіями и еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ на обыкновенныхъ солдатахъ, въ мирное время—хотя въ значительно меньшей мѣрѣ физическими и психическими своими неудобствами и лишеніями, но зато довольно чувствительно экономическими потерями, которыя она влечетъ за собою и для этой категоріи лицъ.

Само собою разумѣется, что говоря о лишеніяхъ, испытываемыхъ лицами, призываемыми къ военной службѣ въ чрезвычайныхъ случаяхъ, должно имѣть въ виду, что лишеніямъ этимъ eo ipso подвергаются и лица, раньше отбывавшія службу въ дѣйствующей арміи, такъ какъ въ чрезвычайныхъ случаяхъ призываются къ военной службѣ не только лица, зачисленные съ самаго начала призыва въ ополченіе, но и лица, уже отбывавшія воинскую повинность въ дѣйствующей арміи, послѣднія даже преимущественно. Для этой категоріи лицъ, такимъ образомъ, чрезвычайные призывы только усугубляютъ лишенія, которыя они испытывали уже раньше и которыя лица первой категоріи испытываютъ только въ первый разъ.

Мы, такимъ образомъ, отмѣтили тѣ три категоріи лишеній и бѣдствій, которыя солдату приходится испытывать во время исполненія имъ военной службы. Конечно, нельзя отрицать, что военная служба, соотвѣтственно этимъ лишеніямъ и неудобствамъ, доставляетъ солдату извѣстныя выгоды. Чего стоитъ уже одно освобожденіе отъ необходимости заботиться о завтрашнемъ днѣ, сознаніе полной обеспеченности своего матеріальнаго существованія! Для многихъ лицъ изъ низшихъ классовъ населенія, которыя дома влечатъ самое жалкое существованіе и часто живутъ впроголодь, солдатское житье, удовлетворяющее необходимымъ потребностямъ человѣка въ здоровой питательной пищѣ, въ тепломъ помѣщеніи зимой и т. д., представляется даже заманчивымъ. Не меньшее значеніе имѣетъ и дисципли-

дина, обнаруживающая особенно благотворное влияние на лицъ изъ тѣхъ же низшихъ классовъ населенія, приучая ихъ къ порядку, аккуратности, предусмотрительности и воздержности, къ терпѣнью, выносливости и т. д., т. е. къ такимъ качествамъ, которыя имѣютъ не только моральную цѣнность, облагораживая духъ человѣка и его нравственный обликъ, но и экономическую цѣнность, представляя собою необходимое основаніе экономическаго преуспѣванія для всякаго человѣка. Военная служба вообще дѣйствуетъ благотворно на солдата, укрѣпляя его тѣло, закаляя его характеръ и расширяя его умственный кругозоръ. Если первыя два изъ упомянутыхъ послѣдствій имѣютъ одинаково важное значеніе для всѣхъ классовъ населенія и даже преимущественно для высшихъ, болѣе изнѣженныхъ и нервно разслабленныхъ, то послѣднее послѣдствіе опять таки имѣетъ значеніе преимущественно для лицъ низшихъ классовъ, которыя, живя часто въ глухихъ мѣстностяхъ, вдали отъ культурныхъ центровъ, коснѣютъ въ страшномъ невѣжествѣ. Стоитъ сравнить въ этомъ отношеніи солдата крестьянина, побывавшаго нѣсколько лѣтъ на службѣ и видѣвшаго виды, съ оставшимся дома его односельчаниномъ, часто даже не имѣющимъ представленія о томъ, что такое желѣзная дорога, телеграфъ и т. д. Какая громадная разница въ умственныхъ фязіономіяхъ того и другаго лица, выросшихъ въ одной и той же средѣ, въ однихъ и тѣхъ же социальныхъ условіяхъ! Этимъ объясняется также преимущество, которое при наймѣ на частную службу обыкновенно дается лицамъ „служивымъ“ предъ неслужившими. Это послѣднее обстоятельство несомнѣнно имѣетъ большое значеніе для лицъ упомянутой категоріи, представляя въ известной мѣрѣ противовѣсъ тѣмъ лишеніямъ, которыя имъ приходится переносить при отбываніи военной службы.

Но всѣ эти выгоды, въ общемъ, крайне незначительны въ сравненіи съ лишеніями, которыя воинская повинность влечетъ за собою для отбывающихъ ее. Въ ряду другихъ повинностей въ современномъ государствѣ воинская повинность, въ концѣ концовъ, всетаки остается самою обременительною, самою тягостною. И если во всѣхъ другихъ государственныхъ повинностяхъ примѣненіе принципа равенства представляетъ *conditio sine qua non* для признанія ихъ справедливыми, то тѣмъ больше этотъ принципъ имѣетъ мѣсто въ примѣненіи къ столь тяжелой повинности, какъ служба военная. Изъ

всѣхъ системъ рекрутской повинности, существовавшихъ до сихъ поръ (народное ополченіе, милиція, вербовка и т. д.), всеобщая воинская повинность, отвергающая замѣну и выкупъ, признающая всѣхъ гражданъ, безъ различія сословій, вѣроисповѣданій и т. д., одинаково обязанными защищать лично отечество, *повидимому* наиболѣе удовлетворяетъ этому принципу. И дѣйствительно, всеобщая воинская повинность, впервые провозглашенная французской революціей и введенная теперь во всѣхъ европейскихъ государствахъ, несомнѣнно представляетъ собою одно изъ лучшихъ политическихъ пріобрѣтеній нашего вѣка, какъ наиболѣе удовлетворяющая естественному чувству справедливости всѣхъ современныхъ европейскихъ народовъ.

Но дѣйствительно ли принципъ равенства осуществляется всеобщей воинской повинностью въ той мѣрѣ, въ какой это было бы желательно, согласно съ требованіями справедливости? Достаточно даже поверхностнаго ознакомленія съ главными основаніями этой системы, чтобы вывести совсѣмъ другое заключеніе. Конечно, справедливость требуетъ замѣтить, что недостатокъ всеобщей воинской повинности въ этомъ отношеніи вытекаетъ не изъ того, что сама система построена на ложныхъ началахъ, а изъ самой сущности воинской повинности, дѣлающей, какъ мы увидимъ сейчасъ, абсолютное прилѣженіе принципа равенства совершенно невозможнымъ. Но фактъ во всякомъ случаѣ остается одинъ и тотъ же.

Дѣло въ томъ, что воинская повинность, по самой природѣ своей, не можетъ быть наложена на всѣхъ гражданъ въ одинаковой мѣрѣ и безъ исключеній. Сама природа воинской повинности обуславливаетъ эти исключенія. Прежде всего, самая цѣль воинской повинности требуетъ освобожденія отъ нея лицъ, по своей физической организаціи неспособныхъ къ отбыванію военной службы. Къ этому разряду лицъ принадлежатъ не только тѣ, которыя имѣютъ дѣйствительные физическіе недостатки или недуги, дѣлающіе ихъ негодными къ военной службѣ, но и тѣ, которыя въ общемъ могутъ считаться вполне здоровыми, способными ко всякимъ другимъ мирнымъ занятіямъ, но которыя тѣмъ не менѣе исключаются изъ общаго правила, вслѣдствіе неудовлетворенія особеннымъ техническимъ требованіямъ военной службы, какъ напр., требованіямъ извѣстной величины роста, ширины груди и т. д. Дальше, справедливость требуетъ освобожденія

отъ военной службы лицъ, которыя служатъ единственными кормильцами своихъ семействъ, освобожденія полного или относительнаго, смотря по различному семейному положенію этихъ лицъ (т. н. льготныхъ I, II и III разрядовъ). Соображенія уголовного и гражданского свойства требуютъ затѣмъ исключенія изъ состава военно-служащихъ—лицъ, т. н. морально неспособныхъ, т. е. запятнавшихъ себя какимъ либо преступленіемъ, болѣе или менѣе тяжкаго свойства. Государственныя и общественныя соображенія, дальше, требуютъ предоставленія значительныхъ льготъ въ отбываніи воинской повинности (условнаго освобожденія, сокращенія сроковъ службы и т. д.) лицамъ извѣстныхъ профессій (имѣющимъ ученые степени, посвящающимъ себя духовному званію и т. д.), которыя могутъ оказаться болѣе полезными государству или обществу на гражданской службѣ, чѣмъ на службѣ военной, И такъ какъ, не смотря на всѣ эти многочисленныя изъятія—съ одной стороны, и на громадный численный составъ боевыхъ силъ въ современныхъ европейскихъ государствахъ—съ другой стороны, число гражданъ призывнаго возраста, въ концѣ концовъ, все таки превышаетъ потребность современнаго государства въ боевыхъ силахъ, обусловливаемую его финансовыми средствами, то остающійся, такимъ образомъ, излишекъ также освобождается отъ военной службы—по жребію. Впрочемъ, лица послѣдней категоріи, какъ и нѣкоторыя изъ предшествующихъ категорій, освобождаются не совсѣмъ, а условно, при чемъ государство, зачисляя ихъ обыкновенно въ государственное ополченіе, оставляетъ за собою право, въ случаѣ надобности, призывать и ихъ къ отбыванію воинской повинности. Но во всякомъ случаѣ, разница между положеніемъ лицъ этихъ категорій и тѣхъ, которыя дѣйствительно отбываютъ военную службу, бесконечно велика, такъ что сравнительно съ послѣдними, первыя могутъ считаться положительно свободными.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ цѣлыя категоріи лицъ, которыя, достигши призывнаго возраста, по тѣмъ или инымъ основаніямъ, однако, освобождаются отъ военной службы. Всеобщая воинская повинность, признанная въ современныхъ государствахъ общимъ, нерушимымъ правиломъ, такимъ образомъ допускаетъ много исключеній, которыя, въ концѣ концовъ, настолько велики, что уничтожаютъ общее правило. Насколько эти исключенія дѣйствительно велики,

показываютъ, напр. слѣдующія статистическія данныя объ исполненіи воинской повинности въ Германіи. Въ теченіе 10-лѣтнаго періода, отъ 1875 до 1885 г., въ Германіи

Подлежали отбыванію воинской повинности		а дѣйствительно зачислены на службу	т. е. %
1875	331,994	135,091	40,7
1876	368,206	134,111	36,4
1877	343,700	133,363	38,8
1878	351,528	133,808	38,1
1879	362,830	131,588	36,3
1880	377,590	140,541	37,2
1881	378,153	140,988	17,3
1882	368,074	141,965	38,6
1883	363,703	141,817	39,0
1884	363,419	142,521	39,2
т. е. за періодъ 1875—1885	3,609,197	1,375,793	38,1
слѣд. сред. числ. на годъ.	360,920	137,579	38,1

Непринятыхъ, такимъ образомъ, въ теченіи 10 лѣтъ — 2,233,404 (3,609,197—1,375,793), т. е. 61,9% (100—38,1). Изъ нихъ:

Г о д ъ.	Исключены какъ морально неспособные	Забракованы какъ абсолютно негодные	Зачислены въ ополченіе какъ временно негодные	Сумма.
1875	956	54,360	141,587	
1876	963	100,809	132,323	
1877	1,220	89,272	119,845	
1878	1,214	86,820	129,686	
1879	1,281	94,274	135,687	
1880	1,113	95,681	140,255	
1881	1,390	77,947	157,828	
1882	1,377	73,057	151,675	
1883	1,352	68,475	152,059	
1884	1,281	67,780	151,837	
т. е. за 1875—1885 . .	12,147	808,475	1,412,782	2,223,404
слѣд. средн. числ. на годъ.	1,215	80,847	141,278	223,340
Процентное отношеніе каждой категоріи:				
1) Къ общей суммѣ не принятыхъ	0,5	36,2	63,3	100
2) Къ общей суммѣ призванныхъ	0,4	22,4	39,1	61,9

Такимъ образомъ, изъ числа лицъ, подлежащихъ отбыванію воинской повинности въ Германіи въ теченіи 10-лѣтняго періода, — $\frac{1}{5}$ часть (22,8%) была совсѣмъ непринята на службу, вслѣдствіе моральной неспособности (0,4%), или абсолютной физической негодности къ военной службѣ (22,4%), $\frac{2}{5}$ (39,1%) зачислены въ ополченіе, какъ временно негодные, лишніе и т. д., и только $\frac{3}{5}$ (38,1%) были приняты на дѣйствительную службу.

Такіе же результаты даютъ статистическія данныя другихъ государствъ, напр. Италиі. Въ теченіе 5-лѣтняго періода, отъ 1877 по 1881 г., каждый годъ среднимъ числомъ подлежало воинской повинности:

Въ общемъ	295,085 чел.
А за вычетомъ ежегодно получающихъ отсрочку	
сред. числ.	—50,158 „
подлежало въ дѣйствительности	244,927 „
Изъ этого числа было забраковано . .	72,087
зачислено въ ополченіе	<u>108,260</u> } 180,347 „

Слѣдовательно, принято на дѣйствительную службу 64,580., т. е. изъ всего числа подлежащихъ воинской повинности принята на дѣйствительную службу только одна *четвертая часть* *).

Такіе же результаты относительно фактическаго отбыванія воинской повинности получаются и въ Россіи. По расчету, сдѣланному академикомъ Буняковскимъ еще до введенія въ Россіи устава о воинской повинности 1874 г.**), число людей призывнаго возраста, за исключеніемъ неспособныхъ къ службѣ и пользующихся льготами по семейному или имущественному положенію, должно составлять около 700,000. Если ежегодные призывы будутъ простираются до 150,000 чел., то фактически освобождаемыхъ, съ зачисленіемъ лишь въ ополченіе, будетъ около 550,000 человекъ, т. е. къ дѣйствительному отправленію воинской повинности будетъ привлекаемо менѣе $\frac{1}{4}$ части. Этотъ приблизительный расчетъ академика Буняковского получилъ полное подтвержденіе въ дѣйствительно-

*) Neumann, *ibid.* стр. 213—214.

**) Цит. въ упомянутой въ введеніи статьѣ проф. Сидоренко, номѣщенной въ Сборникъ государств. знаній, т. 1, стр. 174.

сти. По имѣющимся теперь статистическимъ даннымъ, за періодъ времени отъ 1881 по 1885 г. среднимъ числомъ подлежало воинской повинности ежегодно 898,000, изъ которыхъ на дѣйствительную службу поступило только менѣе $\frac{1}{4}$ части*).

Къ какому же выводу приводятъ насъ эти статистическія данныя? Выводъ этотъ очень кратокъ, но за то очень краснорѣчивъ: въ Германіи изъ числа призываемыхъ къ военной службѣ служатъ только $\frac{2}{3}$, а $\frac{1}{3}$ остаются, такъ или иначе, освобожденными, въ Италіи служить одна только $\frac{1}{4}$ часть, въ Россіи даже менѣе $\frac{1}{4}$ части—и это при существованіи *всеобщей* воинской повинности!

Очевидно, что принципъ равенства, которому идея *всеобщей* воинской повинности на первомъ планѣ должна удовлетворить, въ концѣ концовъ, остается однимъ только пустымъ звукомъ, одной только ироніей надъ дѣйствительностью. Неравенство все таки существуетъ, и неравенство тѣмъ болѣе тяжело переносимое, тѣмъ болѣе вопіющее, что оно имѣетъ мѣсто въ примѣненіи къ такой повинности, которая сама по себѣ есть самая тяжкая изъ всѣхъ повинностей, налагаемыхъ современнымъ государствомъ на своихъ гражданъ. Повторяемъ, причина этого неравенства заключается не въ ложности началъ, на которыхъ основанъ институтъ всеобщей воинской повинности, а въ сущности самой этой повинности, предъявляющей особья требованія и условія, необходимыя для ея исполненія. Но неравенство все таки остается неравенствомъ, и если задачей современнаго государства является устраненіе неравенства во всѣхъ повинностяхъ, то тѣмъ болѣе оно должно стремиться къ устраненію неравенства и въ исполненіи воинской повинности, наиболѣе несправедливаго и вопіющаго.

Такимъ образомъ, институтъ всеобщей воинской повинности нуждается въ коррективѣ, который устранилъ бы несправедливыя послѣдствія, вытекающія изъ него, благодаря самой сущности воинской повинности. Такимъ коррективомъ именно признается воинскій налогъ, сущность котораго заключается въ обложеніи освобожденныхъ отъ воинской повинности денежной податью, болѣе или менѣе соотвѣтствующей тяжести военной службы *in natura*.

*) См. «Кіевское Слово» № 486, отъ 16 Сентября 1888 г.

Но имѣеть ли государство право, хотя бы въ видахъ справедливости, установить подобный налогъ, который служилъ бы только еще къ большему отягощенію населенія, и безъ того нелегко переносящаго тяжесть различныхъ налоговъ? Дальше, можетъ ли воинскій налогъ дѣйствительно служить коррективомъ воинской повинности, не только въ практическомъ, но также и въ теоретическомъ отношеніи? Существуетъ ли вообще какое либо соотношеніе между двумя такими разнородными величинами, какъ денежная подать и натуральная воинская повинность, такъ чтобы первая могла замѣнять или по крайней мѣрѣ дополнять вторую? Таковы вопросы, которые въ первую же минуту приходятъ въ голову при мысли о воинскомъ налогѣ, какъ объ эквивалентѣ, или даже только коррективѣ воинской повинности. Вопросы эти имѣютъ чрезвычайно важное значеніе, потому что отъ разрѣшенія ихъ зависитъ и рѣшеніе вопроса: быть или не быть воинскому налогу. Для разрѣшенія этого вопроса и, вмѣстѣ съ тѣмъ, для принципіальнаго обоснованія воинскаго налога предложено нѣсколько различныхъ теорій, изъ которыхъ наиболѣе типичными являются теорія Кнуса, теорія Лесиганга и теорія Кона. Въ разсмотрѣнію каждой изъ этихъ теорій въ отдѣльности мы теперь и перейдемъ.

(Продолженіе будетъ).

В. Брандтъ.

Историческій очеркъ развитія позитивной школы о преступникѣ и преступленіи.

(Вступительная лекція проф. Н. А. Оболенскаго, читанная 15 Февраля 1889 года).

Въ вступительномъ словѣ авторъ указалъ на 35 лѣтнюю энергичную дѣятельность своего предшественника, заслуженнаго проф. Э. Э. Эргардта, которая не ограничивалась лишь одною кафедрою, но проявлялась и на судѣ, гдѣ онъ приобрѣлъ завидную славу какъ экспертъ.

За тѣмъ лекторъ приступилъ къ изложенію, избранной имъ темы.

Мм. Гч.

Не смотря на крайне разнообразную фрагментацію біологическихъ и абстрактныхъ наукъ, изучающихъ человѣка, идея, мысль въ нихъ заложенная, одна—благо индивида и совокупности индивидовъ. Эта идея потому является объединяющимъ звеномъ для всѣхъ этихъ наукъ. Это давно уже признали и криминалисты, вводившіе въ свои доктрины біологическія данныя, которыя такимъ образомъ сдѣлались вспомогательными дисциплинами для суда.

Бросимъ. въ виду этого, бѣглый взглядъ на историческій ходъ сближенія абстрактныхъ и конкретныхъ понятій о преступникѣ и преступленіи.

Юристъ, изучая юридическія отношенія различныхъ единицъ общества и Государства, знакомится со всѣми юридическими началами и убѣжденіями, обуславливающими извѣстное направленіе народной жизни и обеспечивающими народное благосостояніе.

Умственные силы его так. образ. заняты изученіемъ одной изъ обширнѣйшихъ областей человѣческихъ знаній—науки о „Правѣ“.

Въ виду принципа, положеннаго въ основаніе этой науки—благо государства и человѣка, какъ одной изъ единицъ государства, направленіе ученія о правѣ, съ самаго начала возникновенія фило-софскихъ школъ о немъ, носило умозрительный характеръ. Такъ, первыя философскія школы о правѣ существовали уже въ началѣ 3 ст. до Р. Х. въ Финикіи. Въ Византіи первая школа была осно-вана въ 425 г. при Θεодосіи Младшемъ, одновременно съ этимъ появились однородныя школы и въ Римѣ. Это былъ періодъ чисто умозрительнаго направленія. Направленіе знаменитой болонской шко-лы 12 вѣка имѣло тотъ же характеръ. Таже идея о благѣ положена въ основаніе одного изъ отдѣловъ общаго права, въ такъ наз. Уго-ловное право. Уголовное право славно именами Бэкона, Декарта, Бекариа, Канта, Гегеля, Шлегеля, Фейербаха и мног. др.

Ученія этихъ знаменитыхъ мыслителей основали такъ наз. клас-сическую школу о правѣ, существующую и по настоящее время.

Юристъ смотритъ на преступленіе съ абстрактной точки зрѣнія, считая преступленіемъ всякое посягательство на юридическія нормы (Курсъ уг. права Таганцева), установленныя государственною властью, а потому то эти нормы и являются объектомъ преступленія. Или другими словами: „Отвлеченнымъ предметомъ (объектомъ) преступле-нія называется то, государствомъ защищаемое, условіе общезитія (благо, интересъ), которое подвергается нарушенію со стороны из-вѣстнаго рода преступленій“. (Уч. Уг. права Владимірова). Но это обстрактное понятіе о преступленіи переходитъ тотчасъ на конкрет-ную почву, когда юристъ взглянетъ на правонарушителя. Въ пре-ступленіи, правда, сказывается вліяніе духовной сферы, такъ ска-зать феноменовъ субъекта, но наблюдательный мыслитель видитъ, что на эти проявленія души оказываетъ огромное вліяніе та субстан-ція, которая заключаетъ или порождаетъ духовныя проявленія. Съ другой стороны, онъ подмѣчаетъ, что матеріальная субстанція чело-вѣка находится въ зависимости отъ окружающей его среды; что чело-вѣкъ не является исключеніемъ изъ организованнаго міра, но на-противъ того, какъ одинъ изъ атомовъ его, онъ необходимо несетъ на себѣ вліяніе всѣхъ біологическихъ законовъ. Это понялъ еще въ прошломъ столѣтіи Фейербахъ, который въ своемъ Revision го-

ворить: „на сколько человекъ является объектомъ нашего опыта, наблюдений нашего разсудка, на столько мы должны разсматривать его, какъ одно изъ явленій природы, какъ существо, подчиненное неизмѣнному естественному закону причинности.... Путемъ опыта мы не откроемъ въ немъ свободы; все, что онъ дѣлаетъ—предопредѣляется неизмѣнными законами природы, онъ является только посредникомъ, черезъ котораго дѣйствуетъ природа. Въ воспитаніи человека, въ его организаціи, въ его извнѣ возбужденныхъ представленіяхъ, въ свою очередь опредѣляющихъ его пожеланія, въ разнообразныхъ особенныхъ видоизмѣненіяхъ его характера, въ силу которыхъ его пожеланія именно направляются на осуществленіе данныхъ представленій и данный предметъ разсматривается, какъ объектъ наслажденія, наконецъ, въ случайно извнѣ приходящихъ условіяхъ, дѣлающихъ его особенно чувствительнымъ для опредѣленнаго рода впечатлѣній—во всемъ этомъ заключается основаніе всѣхъ дѣйствій и поступковъ человека. Свобода и независимость отъ естественныхъ причинъ есть сверхчувственное, отвлеченное понятіе, которое для нашего разсудка не имѣетъ никакого значенія. Безъ цѣли, безъ мотива никто не опредѣляется къ дѣятельности“ (Лекціи по Уг. праву Таганцева стр. 411. 1888). Благодаря постепенному развитію естественно историческихъ наукъ мало по малу натуралистическія доктрины стали проникать въ общество. Человѣческій умъ исподволь сталъ свыкаться съ разоблаченіями матеріалистовъ и видѣть естественное тамъ, гдѣ прежде признавалъ сверхъестественное. Такимъ образомъ, не смотря на оппозицію католическаго духовенства, не смотря на глубокіе корни метафизическихъ воззрѣній создавалась школа сенсуалистовъ, которая явилась оппозицею воззрѣніямъ индетерминистовъ. Послѣдніе видѣли въ человекѣ полную свободу воли, всякое хотѣніе или нехотѣніе, по ихъ ученію, находилось въ зависимости лишь отъ собственнаго „я“. Они говорили „что человекъ можетъ направить шаги свои на востокъ и можетъ направить ихъ на западъ“. По ихъ мнѣнію доказательствомъ, существованія свободы воли служить уже то, что она присуща нашему сознанію. Этотъ аргументъ принимается и позднѣйшими сторонниками индетерминизма, не смотря на замѣчаніе еще Спинозы, что „не считаетъ ли себя человекъ свободнымъ, только потому, что онъ видитъ дѣйствія и не въ состояніи подмѣтить ихъ причинъ?“ Въ послѣдствіи

Маудсли по этому поводу возразилъ, что „человѣкъ бываетъ наиболѣе убѣжденъ въ своей свободѣ тогда, когда онъ наиболѣе свободенъ: въ пьяномъ видѣ, во снѣ, въ состояннн страсти.“

Детерминисты, напротивъ того, видѣли во всемъ причинность и законосообразность. Такъ, одинъ изъ старыхъ представителей школы сенсуалистовъ Гоммель, подъ псевдонимомъ Іохъ говоритъ: „Въ природѣ, насъ окружающей, мы находимъ непрерывную, тѣсную связь явленій, какъ одновременно существующихъ, такъ и послѣдующихъ. Въ мирѣ конечныхъ явленій вѣтъ причинъ главныхъ и второстепенныхъ, близкихъ и отдаленныхъ, и отъ ничтожнаго, по видимому, факта могутъ произойти мировыя событія. Если бы Богъ, замѣчаетъ Іохъ, долженъ былъ уничтожить какой либо атомъ мірозданія, то и земля, и небо распались бы. А между тѣмъ въ эту цѣпь причинностей вплетена и наша воля, или правильнѣе говоря, ея проявленія: допустивъ ея безусловную свободу, независимость, не должны ли мы будемъ отказаться отъ признанія тѣсной связи и зависимости всѣхъ прочихъ мировыхъ явленій?..... Изъ ничего не можетъ быть что либо, и потому было бы бессмысленно утверждать, что воля творитъ свое содержаніе безъ достаточныхъ основаній; напротивъ того опытъ, указываетъ намъ, что воля опирается, или на животныя побужденія, или на представленія разсудка. Такимъ образомъ, въ волѣ не можетъ быть ничего, чего бы не было въ разсудкѣ, а въ разсудкѣ ничего, чего бы не было въ чувствахъ; душа человѣка, это—*tabula rasa*, на которой содержаніе вписывается исключительно природою. Воля наша подобна вѣсамъ, она всегда будетъ въ покоѣ, пока впечатлѣнія или представленія ума не наклонятъ еѣ въ ту или другую сторону; но, подобно вѣсамъ, она не въ состояннн изъ себя произвести тяжесть, нарушающую равновѣсіе. Защитники свободы воли ссылаются на ежеминутно повторяющійся актъ сознанія, но они не могутъ привести ни одного факта, подтверждающаго ссылку; при томъ же многіе ли изъ защитниковъ этого аргумента дѣйствительно въ него вѣрятъ? Большинство изъ этихъ защитниковъ, увѣряя въ свободѣ своихъ дѣйствій, немедленно за тѣмъ готовы бѣжать къ цыганкѣ, чтобы гадать о будущемъ.

Единственнымъ источникомъ нашей психической дѣятельности, говоритъ Іохъ, являются ощущенія, воспріятія нашихъ чувствъ; вся остальная психическая дѣятельность сводится къ механическимъ законамъ переработки.“

Далѣ онъ продолжаетъ: „Въ человѣкѣ все дано извнѣ. Если ты вѣришь въ Христа, то это не твоя заслуга, а Божья милость, не вѣришь—это только твое несчастье. Ты сдѣлался разбойникомъ не по собственному произволу, а по достаточнымъ причинамъ, ты сдѣлался такимъ, потому что не могъ быть инымъ.“ (Таганцевъ I. с.) Болѣе научно, на основаніи точныхъ данныхъ, моральная статистика доказываетъ также, что всѣ на видъ произвольныя дѣйствія человѣка подчинены строго опредѣленнымъ законамъ причинности. Такъ, знаменитый астрономъ и писатель по политической экономіи Кетле говоритъ: „есть особый налогъ, который человѣкъ уплачиваетъ даже съ большею точностью, чѣмъ тотъ который съ него взимаютъ природа или государство; это налогъ, выплачиваемый имъ преступленію... Мы можемъ заранѣе сказать какое количество лицъ обогреть свои руки въ крови себѣ подобныхъ, сколько совершать подлоги, сколько будетъ отравителей, подобно тому, какъ мы можемъ опредѣлить заранѣе количество долженствующихъ быть рожденій или смертей.“

Натуралистическія возрѣнія пустили на столько глубокіе корни въ уголовномъ правѣ, что большинство современныхъ криминалистовъ отрѣшилось отчасти отъ прежнихъ абстрактныхъ представлений о преступникѣ и преступленіи и ввели въ свое ученіе догмы, основанные на биологическихъ данныхъ, такъ, въ лекціяхъ современнаго, выдающагося криминалиста Таганцева мы читаемъ: „Всѣ научныя открытія послѣднихъ столѣтій, весь процессъ человѣческаго знанія, сводятся къ раскрытію принципа законосообразности въ окружающихъ насъ явленіяхъ: тамъ гдѣ умъ человѣческій видѣлъ доселѣ простое дѣйствіе случая или вмѣшательство сверхъестественныхъ силъ, научный анализъ открываетъ постоянные элементы, допускающіе подведеніе этихъ явленій подъ точные законы, примѣненіе къ нимъ исчисленія и измѣренія.“

Это безусловное господство закона причинности охватываетъ весь конечный міръ, начиная отъ космическихъ явленій вселенной и кончая живнью и дѣятельностью едва замѣтныхъ, даже и подъ микроскопомъ, инфузурій. Можемъ ли мы выдѣлить изъ общей цѣли существъ и явленій человѣка и его дѣятельность. Можемъ ли мы представить себѣ громадную пропасть, отдѣляющую этотъ малый міръ—микрокосмосъ, отъ всего сущаго? Гордый человѣческій умъ дѣйствительно пытался противопоставить себя всему остальному творенію;

Философский идеализм, как субъективный, так и объективный, возвел въ апотеозъ это самоиѣніе, рассматривая человѣческую личность, какъ самосознающее проявленіе того абсолютнаго духа, который безлично и бессознательно живетъ въ природѣ, или даже, возводя человѣческое я на степень творца этой природы; но, по справедливому замѣчанію Вагнера, всѣ новѣйшія открытія положительныхъ наукъ вырвали камень за камнемъ изъ царственнаго вѣнца, украшавшаго человѣка. Земля, которая составляла подножіе его величія, изъ центра космоса сдѣлалась, съ успѣхами астрономіи, незначительнымъ элементомъ системы, въ свою очередь теряющейся въ безконечной массѣ системъ, составляющихъ космосъ, тѣ явленія природы, въ которыхъ человѣкъ прозрѣвалъ гласъ Божества, возвѣщавшій именно ему горе и радость, бѣдствія и страданія, какъ громъ и молнія, радуга и кометы и т. д., раскрыты и разъяснены, сведены къ простымъ физическимъ и астрономическимъ явленіямъ; вмѣстѣ съ тѣмъ и самъ человѣкъ изъ сосредоточія мірозданія сдѣлался простымъ звеномъ въ общей цѣпи существъ, звеномъ, хотя и замыкающимъ эту цѣпь, но тѣмъ не менѣе тѣсно и неразрывно связаннымъ съ предшествующими звеньями, а потому и долженствующимъ, по видимому, подчиняться тѣмъ же законамъ.

Далѣе, самыя явленія, совершающіяся въ человѣкѣ, въ его психической жизни стали также предметомъ точнаго анализа. Мышленіе и его процессы сводятся къ опредѣленнымъ эмпирическимъ началамъ; разнообразныя психическія явленія, ощущенія, чувствованія подвергаются измѣренію, физическому и математическому изученію.

Наконецъ, изученіе тѣхъ дѣйствій человѣка, которыя именно почитаются продуктами его свободной рѣшимости, не только показало, что они проявляютъ постоянство и правильность, свидѣтельствующія, что и въ нихъ осуществляются извѣстные законы, но и установило ихъ извѣстную связь и зависимость отъ космическихъ, физическихъ и социальныхъ явленій и событій. Моральная статистика, изучая такія проявленія человѣческой свободы, какъ бракъ, самоубійство, преступленія, установила не только пропорціональное отношеніе ихъ съ численностью населенія, но и условія ихъ географическаго распредѣленія, соотношеніе ихъ съ временами года, съ температурою и т. д.; она указала, что какъ ни свободенъ, повидимому, выборъ лицъ брачащихся, но вѣроятность вступленія въ

бракъ лицъ того или другого возраста, дѣвицъ и вдовъ, можетъ быть вычислена заранѣе, что можетъ быть предугадано количество браковъ, поражающихъ по различію возраста мужа и жены и т. п., статистика указала, что выборъ оружія убійства, рода смерти и т. п. стоитъ въ зависимости отъ вѣшнихъ, опредѣляющихъ человѣка, условій.“

Таково воззрѣніе криминалистовъ. Взглянемъ теперь коротко на тѣ источники, которые способствовали проникновенію въ уголовное право фізіологическихъ догмъ о преступленіи.

До начала XIX столѣтія фізіологія мозга была еще *tabula rasa*, считали даже неудобнымъ душевныя проявленія человѣка разсматривать съ натуралистической точки зрѣнія и психическая дѣятельность его изучалась лишь чисто метафизически, правда, выдавались изъ общаго уровня натуралисты съ болѣе смѣлыми взглядами, но то были лишь гипотезы, предположенія, не имѣвшія научной почвы. Такъ, уже у Prochaska, предшественника Галля была идея о локализациі душевныхъ способностей въ разныхъ центрахъ мозга. Онъ говорилъ, что „не слѣдуетъ считать невѣроятнымъ, что каждая умственная способность имѣетъ свой спеціальнй органъ въ мозгѣ, такъ что одинъ служитъ перцепціи, другой пониманію, иные, вѣроятно—волѣ, воображенію и памяти, при чемъ всѣ они, чуднымъ образомъ, гармонируютъ и возбуждаютъ другъ друга къ дѣятельности. Органъ воображенія, по всей вѣроятности, лежитъ гораздо дальше всѣхъ другихъ отъ органа перцепціи.“ (Люисъ—Исторія философіи). Научный методъ изслѣдованія изученія фізіологіи мозга былъ впервые примененъ основателемъ френологической школы Галлемъ, при помощи анатома Никласа, а въ послѣдствіи, при ближайшемъ сотрудничествѣ Шпурцгейма. Галль имѣлъ громаднй матеріалъ для наблюдений въ тюрьмахъ, судахъ и въ домѣ умалишенныхъ въ Вѣнѣ. Онъ прежде чѣмъ опубликовать свои доктрины въ продолженіи 20 лѣтъ собиралъ факты, производилъ эксперименты, занимался диссекціею мозга. На основаніи своихъ наблюдений онъ пришелъ къ заключенію, что функціи извѣстнаго органа находятся въ тѣсной зависимости отъ этого послѣдняго, а въ частности состояніе мозга обуславливаетъ состояніе душевныхъ проявленій, но этимъ онъ указывалъ лишь условія проявленія умственной и чувственной дѣятельности, не считая мозгъ источникомъ этой дѣятельности. Наблюдая крайнее разно-

образіе въ умственной и чувственной дѣятельности, видя измѣнчивость процессовъ мышленія и воли, онъ долженъ былъ признать существованіе отдѣльныхъ органовъ, заправляющихъ этими различными психическими явленіями, такъ какъ онъ считалъ необходимымъ для дифференцированной дѣятельности присутствіе самостоятельныхъ органическихъ центровъ. Онъ утверждалъ кромѣ того, что мы съ появленіемъ на свѣтъ несемъ въ себѣ всѣ свои душевныя особенности, которыя не создаются ни воспитаніемъ, ни обученіемъ и не уничтожаются угрозами и наказаніями, т. е. что „всѣ наши идеи, склонности, стремленія соврождены человѣку, растутъ и развиваются вмѣстѣ съ развитіемъ организма.“ Кромѣ того Галлемъ высказано предположеніе, что аффективныя способности преобладаютъ надъ интеллектуальными, почему прогрессъ состоитъ въ порабощеніи чувственности интеллектомъ.

Къ сожалѣнію, послѣдователи ученія Галля увлеклись идею возможности опредѣлять по формѣ черепа характеръ, предполагая полное соотвѣтствіе между поверхностью мозга и поверхностью черепа; они отбросили фізіологическій методъ своего учителя и дошли до абсурда. Всѣ серьезные изслѣдователи послѣ этого отвернулись отъ френологической школы. За то успѣхи фізіологіи, а съ нею психіатріи породили психіатрическую школу. Психіатры, замѣчая преступныя склонности у своихъ паціентовъ и съ другой стороны, находя много психическихъ больныхъ среди обитателей тюремъ, обобщили свои наблюденія и причислили преступления къ патологическимъ явленіямъ. Такъ, извѣстенъ афоризмъ Esquirol'я: *Nihil a crimine, nulla ficta, a morbo omnia*. Впрочемъ, одновременно съ этимъ раздавались и другіе голоса, такъ современникъ Esquirol'я судебный медикъ Фодоръ въ своемъ трудѣ о спиритуализмѣ (1829 г.) писалъ: „Двойственность природы человѣка, складывающейся изъ духа и тѣла, никогда не подвергалась сомнѣнію со стороны великихъ наблюдателей, которые со временъ Гипократа и до нашихъ дней трудятся надъ сооруженіемъ зданія медицинской науки. Наши учителя никогда не вѣрили тому, чтобы мозговая масса была способна сама по себѣ мыслить и желать.“ Аделонъ въ своей фізіологіи признаетъ, что „феномены мышленія являются продуктомъ 2 составныхъ элементовъ образующихъ существо человѣка, т. е. души и тѣла.“ Позднѣе Lardat (въ 1844 г.) силится доказать тѣсную зависимость,

существующую между физическою и духовною жизнью человека“ Позднѣйшіе психіатры выработали строго опредѣленную доктрину о преступности, благодаря трудамъ Prichard'a, Despine'a, Tomson'a, Krafft Ebinga и Maudsly.

„Анализируя психологическія состоянія преступниковъ, говоритъ Despine, мы легко можемъ усмотрѣть ихъ ненормальность; она выражается въ той легкости, съ которою преступники уступаютъ побужденіямъ, долженствующимъ возбудить неодолимое отвращеніе во всякомъ нравственномъ человѣкѣ.—Эта нравственная болѣзнь должна быть отличаема отъ обыкновеннаго сумасшествія, такъ какъ при этомъ не замѣчается расстройства мозговаго аппарата; преступники пользуются тѣлеснымъ здоровьемъ и ихъ психическое состояніе не склонно къ ухудшенію, какъ у умалишенныхъ, такъ что было бы бессмысленно помѣщать ихъ въ заведенія для душевно больныхъ. Точно также нельзя замѣтить у нихъ неправильности умственныхъ отправленій, такъ какъ, хотя большинство преступниковъ и ограничено умственно, но однако между ними встрѣчаются лица съ несомнѣнно высокимъ развитіемъ, сильныя умы, способныя къ остроумнымъ планамъ и предпріятіямъ. Болѣзнь преступниковъ относится къ нравственной сферѣ.“ Томсонъ также говоритъ, что „между преступленіемъ и сумасшествіемъ существуетъ патологическое средство, въ особенности между психическимъ расстройствомъ и преступленіями по ремеслу и привычкѣ. Съ дѣтскаго возраста начинается психическое вырожденіе преступниковъ этой категоріи, отражаясь и на ихъ физическихъ свойствахъ. Уже въ юныхъ преступникахъ мы найдемъ слабую золотушную конституцію, неблагоприятное развитіе черепа, тупую фізіономію, непропорціональность частей, сильную склонность къ чахоткѣ и нервнымъ страданіямъ и т. п. Въ психическомъ и нравственномъ отношеніи они также уже съ дѣтства отличаются по большей части тупоуміемъ, эпилептическими припадками, сильно развитою склонностью къ помѣшательству. Посѣщая тюрьмы, мы всегда найдемъ въ нихъ тѣ же типы, какъ и въ домѣ умалишенныхъ. При этомъ мы весьма часто можемъ наблюдать, какъ и въ болѣзняхъ, фактъ наследственной передачи преступности. Можно встрѣтить цѣлыя семьи, въ которыхъ всѣ члены умирали, или на эшафотѣ, или въ тюрьмѣ“ (Таганцевъ). Подобно послѣднему автору и Krafft Ebing говоритъ, что „вся масса преступниковъ можетъ быть

раздѣлена на двѣ группы, дѣйствующихъ по привычкѣ и по случаю. Преступники по ремеслу распадаются при томъ на 2 вида: къ 1-му относятся страдающіе болѣзненною организаціею мозга, отражающеюся въ особенности на нравственныхъ аномаліяхъ.... Ко второму принадлежатъ тѣ, у которыхъ существуетъ способность нравственнаго развитія, но оставшаяся въ зародышѣ, вслѣдствіе дурнаго воспитанія или худаго примѣра.“ Maudsly также признаетъ существованіе нравственнаго помѣшательства *Moral insanity*. Benedikt находитъ особенное строеніе мозга у преступниковъ (*aplasia*); Flesch приводитъ аналогію между мозгомъ преступниковъ и психопатовъ. 70 годы, благодаря главнымъ образомъ трудамъ Lombroso, породили въ уголовномъ правѣ новую, такъ называемую позитивную или антропологическую школу.

Сначала Lombroso помѣщалъ отдѣльныя изслѣдованія свои о преступномъ человѣкѣ въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, но затѣмъ онъ выпустилъ въ свѣтъ свой обширный трудъ, подъ заглавіемъ „*L'uomo delinquente*,” который теперь уже вышелъ 4-мъ изданіемъ. Въ своемъ сочиненіи Lombroso начинаетъ разсмотрѣніе преступленій *ab ovo*.

Изученіе преступленія начинается съ изслѣдованія преступности у растений и животныхъ, говоря словами Репап'а, что сама природа намъ представляетъ неумолимые примѣры высокой степени безчувственности и безнравственности. Авторъ видитъ преступниковъ въ насѣкомоядныхъ растеніяхъ видовъ *Rossolis*, *Drosera*, *Dionea muscipula* и др.; въ захватываніи насѣкомыхъ листьями и особыми спеціально для этого приспособленными аппаратами онъ видитъ первые слѣды преступленія. За тѣмъ, онъ приводитъ много примѣровъ преступности у животныхъ. Такъ, муравьи, побуждаемые жадностью, порабощаютъ *aphides* (тлю) и высасываютъ изъ нихъ соки. Каннибализмъ простой онъ видитъ въ поѣданіи степными мышами другъ друга, когда они попадаютъ въ западню. Морскія свинки и кролики не смотря на обильную пищу иногда пожираютъ другъ друга. У животныхъ по автору наблюдается каннибализмъ съ дѣтоубійствомъ и убійствомъ родителей. Самка крокодиловъ поѣдаетъ иногда своихъ дѣтенышей; то же наблюдается у кошекъ, кроликовъ и др. животныхъ. Убійство родителей встрѣчается напр. у лисицъ. Въ царствѣ жи-

Вотныхъ авторъ указываетъ на многочисленныя примѣры убійства изъ корысти, ради пользованія самками, убійство воинственное, кражу и пр. При этомъ у животныхъ иногда наблюдаются врожденныя преступныя наклонности, у такихъ индивидовъ замѣчаются уклоненія въ строеніи черепа, такъ у злыхъ лошадей бываетъ узкій, пологій лобъ и особая форма морды, такъ наз. *nez busqué*. За тѣмъ Lombroso переходитъ къ разсмотрѣнію преступленій у дикарей. Авторъ говоритъ, что у дикарей не всякое насиліе, убійство и кража считается преступленіемъ, но напротивъ того, разные виды посягательства на чужую собственность и личность вводились въ религіозный культъ или въ обычное право. Это авторъ старается доказать на основаніи филологическихъ данныхъ происхожденія словъ: слово *stīpen* отъ санскритскаго *katman*—*kti*—дѣлать; *culpa* отъ *kolp*—дѣлать, совершать; *Chamri*—герой, воръ; *gig*—побѣдить, ѣсть. У Фиджіевъ есть богъ нарушителей супружеской вѣрности и богъ убійць (*Ravuvava*). У Римлянъ *Laverna* была богиня воровъ. У Перуанцевъ есть боги отцеубійць, дѣтоубійць. Въ Греціи и Римѣ почитали Венеру *divaricatrix*, *Peribasias* или *Cullatrix*, *Callipyge*, *Lubrica*, которой посвящали золотой *phallus*, была также *Castina*—Венера содоміи. За тѣмъ авторъ отсутствіе представленія о преступленіи у дикарей иллюстрируетъ многочисленными примѣрами. Выкидыши очень обычны у дикарей. Тасманскія женщины, чтобы сохранить свою красоту, прибѣгаютъ нерѣдко къ изгнанію плода, тоже замѣчается въ Новой Каледоніи, очень распространены выкидыши въ Америкѣ, по устьямъ Гудзона и Ореноко. На Лапландіи *Rauagus* заставляютъ своихъ женъ производить абортъ, если они имѣютъ уже 2 дѣтей и т. д. Дѣтоубійство у дикарей также очень распространено. Въ Новой Каледоніи и на островахъ Фиджи считается для сына священнымъ долгомъ умерщвлять своихъ престарѣлыхъ родителей. Поводомъ къ обычному убійству могутъ служить и другія причины, такъ въ Метамбо ссоры между супругами нерѣдко кончаются убійствомъ жены, послѣ чего мужъ поѣдаетъ сердце своей супруги, приправленное жаркимъ изъ козы. За тѣмъ Lombroso перечисляетъ другія формы убійства: убійство по капризу, убійство по случаю похоронъ, убійство ради религіознаго жертвоприношенія и т. д.

Истинными наказуемыми преступленіями у дикарей считаются отступленія отъ установленныхъ обычаевъ и противъ религіи. Такое

возвръщеніе на преступленія у дикарей авторомъ объясняется крайнимъ консерватизмомъ неразвитыхъ народовъ. Преступленія противъ собственности у дикарей почитаются болѣе тяжкимъ преступленіемъ нежели убійство; нарушеніе супружеской вѣрности разсматривается какъ преступленіе противъ собственности. У дикарей мы видимъ въ обычай плату за преступленія, откупъ. За тѣмъ авторъ уже переходитъ къ врожденной преступности и начинаетъ разсмотрѣніе съ дѣтей. У послѣднихъ съ самыхъ раннихъ дней замѣчаются взрывы гнѣва, месть, зависть и др. дурныя стороны, въ особенности это рѣзко бросается въ глаза у дѣтей—будущихъ преступниковъ, у которыхъ кромѣ того проявляется кровожадность, безсердечіе, склонность къ воровству и пр. По антропологическимъ изслѣдованіямъ оказалось, что большинство дѣтей одержимыхъ нравственными пороками имѣютъ деструктивныя уклоненія организма, въ особенности черепа. Этимъ заканчивается 1-я часть книги Ломброзо. 2-я часть посвящена патологической анатоміи и антропометріи преступника.

Согласно антропологическимъ изслѣдованіямъ вмѣстимость череповъ у преступниковъ въ общемъ меньше нежели у не преступныхъ, но у убійцъ maximum вмѣстимости превосходитъ maximum нормальныхъ людей, наибольшій minimum наблюдается у воровъ. У преступниковъ превалируетъ brachicephalia, впрочемъ у воровъ и виновниковъ подлога преобладаетъ dolichosephalia. Помимо этого у преступниковъ наблюдается асиметрія черепа, aboltio praematura suturarum calvariae, ossicula Wormiana, hypertrophia fossae medianae, преждевременный склерозъ или остеопорозъ костей черепа, выдающіяся скуловые дуги, чрезмѣрно развитыя нижнія челюсти. Уклоненія наблюдаются и на внутреннихъ органахъ и мозгѣ. Къ отличительнымъ признакамъ преступниковъ принадлежатъ: преобладаніе чернаго цвѣта волосъ, обиліе волосъ на лбу, рѣдкая растительность на бородѣ, pistagnus lateralis, strabismus, угловатая уши, крючковатый, подобно какъ у хищной птицы, носъ (убійцы), клыки очень развиты. Все это, по мнѣнію автора, указываетъ на атавизмъ, что подтверждается, по его мнѣнію, и психическою стороною преступной природы, любовью преступниковъ къ татуировкѣ. Зачастую татуировка изображаетъ орудіе преступленія или какойнибудь символическій знакъ преступленія, или имѣетъ какойнибудь безнравственный характеръ. Къ другимъ признакамъ, наблюдаемымъ у преступниковъ, относится

малая чувствительность, *anesthesia*; многіе преступники лѣвши, у нихъ наблюдается быстрое измѣненіе цвѣта лица, но при воспоминаніи о преступленіи они не краснѣютъ, они не испытываютъ угрызений совѣсти. Почеркъ у нихъ характерный, у убійць крупный, размашистый. Преступники имѣютъ свой жаргонъ и условные знаки, которые имѣютъ сходство съ іероглифами въ томъ отношеніи, что наименованіе извѣстнаго предмета передается изображеніемъ его. Такимъ образомъ, авторъ приходитъ къ возможности установить типъ врожденнаго преступника. Врожденные преступники неисправимы, почему авторъ рекомендуетъ тальонъ—вѣчное удаленіе изъ общества. Въ своемъ послѣднемъ изданіи Lombroso отказывается отъ прежде высказаннаго взгляда и отождествляетъ преступность съ нравственнымъ помѣшательствомъ, признавая при этомъ измѣненія, наблюдаемыя у преступниковъ, за атавистическія, какъ признаки вырожденія. Это сочиненіе Lombroso вызвало оживленную дѣятельность въ литературѣ. Укажемъ на болѣе выдающихся авторовъ.

Bordier, на основаніи своихъ изслѣдованій, пришелъ къ нѣскольکو инымъ выводамъ нежели Lombroso. Вмѣстимость черепа у преступниковъ, по его наблюденіямъ, оказалась большая нежели даетъ Lombroso. По указателю черепа преступниковъ слѣдуетъ считать не брахицефалическими, а мезоцефалическими и даже скорѣе долихоцефалическими. Авторъ приходитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: профессиональные преступники почти постоянно представляли измѣненія въ мозгу, или атавистическаго, или патологическаго характера. Въ ряду послѣднихъ, авторомъ упоминается *abolitio praematura suturae frontalis, occipito parietalis et sagitalis, eburneatio calvariae, osteoporosis stapedii*, поврежденія черепа. Вліяніе среды и семьи, дурные примѣры и погрѣшности воспитанія могутъ задержать или ускорить развитіе нравственной аномаліи, ведущей къ преступленію. Общимъ итогомъ, согласно Maudsly, преступникъ, по автору, стоитъ на границѣ между умственно здоровымъ и больнымъ человѣкомъ. При этомъ онъ прибавляетъ, что онъ склоненъ признать его болѣе приближающимся ко второму, нежели къ первому. Авторъ приводитъ 12 наблюденій, изъ которыхъ видно предрасположеніе къ преступленію, такъ какъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ будущіе преступники проявляютъ крайне испорченную натуру и во всѣхъ этихъ случаяхъ наблюдались патологическія измѣненія въ черепѣ. Авторъ цитируетъ Nicholson'a и

Leusock'a. Первый говорить, что у преступниковъ превалируетъ импульсивная дѣятельность надъ умственной. Далѣе, преступника можно всегда узнать по ихъ физическимъ признакамъ и по лицу. Второй высказался, что почти всѣ преступники нравственные идиоты. Однимъ изъ наиболѣе солидныхъ противниковъ Lombroso слѣдуетъ считать Mapouvier. Онъ на основаніи точныхъ изслѣдованій пришелъ къ заключенію, что вмѣстимость череповъ убійць, находящихся въ музеяхъ Парижа, не отличается отъ средней вмѣстимости обыкновенныхъ череповъ. У убійць нижняя челюсть очень тяжела и не находится въ соотношеніи со скелетомъ, что приближаетъ ихъ къ низшимъ расамъ, но въ общемъ, по мнѣнію Mapouvier, признаки, по Lombroso, типичныя для убійць, характерны лишь для той нисшей среды, изъ которой выходятъ эти послѣдніе. Tard въ своемъ соч. *La criminalité comparée* также не соглашается вполне съ Lombroso и въ выработкѣ преступныхъ натуръ онъ придаетъ огромное вліяніе социальнымъ условіямъ; онъ говоритъ, что физиологическія явленія суть паръ, который двигаетъ человѣческую машину на дѣло, но общество еѣ направляетъ. Torinard также признаетъ теорію Lombroso совершенно не доказанною. Въ прошломъ году въ засѣданіи антропологическаго общества въ Штуттартѣ тюремный и психіатрическій врачъ Holder сдѣлалъ интересное сообщеніе. Онъ говоритъ, если мы будемъ сравнивать обитателей домовъ для психическихъ больныхъ и обитателей тюремъ, то мы будемъ поражены сходствомъ физическихъ измѣненій тѣхъ и другихъ, но изъ этого не слѣдуетъ, продолжаетъ онъ далѣе, чтобы причислять преступниковъ къ психопатамъ и считать ихъ свободу воли ограниченою, такъ какъ по однимъ уклоненіямъ черепа отъ нормы нельзя постулировать о душевныхъ измѣненіяхъ. Теорію Галля и школу его послѣдователей авторъ считаетъ черезчуръ фантастическою. Указанія на физическіе признаки вырожденія говорятъ лишь за наклонность къ духовнымъ измѣненіямъ, не стойкимъ, а напротивъ, могущимъ съ теченіемъ времени приостановиться; поэтому непростительная ошибка считать всякаго человѣка предрасположеннымъ къ преступленіямъ, основываясь лишь на присутствіи деструктивныхъ измѣненій организма. Извѣстно, что профессія, среда и случайныя обстоятельство накладываютъ характерныя черты, поэтому, исключая только эти условія, имѣютъ вѣсь измѣненія, наблюдаемая въ организмѣ. Авторъ склоненъ признать большинство измѣненій, на-

блюдаемых на преступникахъ, не атавистическаго происхожденія, а патологическаго характера. Измѣненія у преступниковъ суть главнымъ образомъ слѣд.: *на черепъ*: Abolitio praematura suturarum; permanentia suturarum hydrocephalica; clinocephalia rachitica; batrocephalia, лѣстничѣ подобный черепъ, вслѣдствіе ossicula intercalaria occipitalis; deformatio plastica, вдавленіе окружности foraminis occipitalis—все это рахитическаго происхожденія; *assimetria* безъ abolitio sut. praematurae—врожденнаго происхожденія; это измѣненіе оказываетъ малое вліяніе на психическую дѣятельность, также почти безъ послѣдствій остается еще и по нынѣ существующій обычай перешнуровыванія головы въ первые годы жизни на Югѣ и Западѣ Франціи (Narbonne, Toulouse, Gebiet de Gargone). Отъ этого происходитъ лишь уродство подобное Макросерпалія, которое уже Гиппократъ наблюдалъ на берегахъ Чернаго моря. Тотъ же обычай существуетъ въ Азіи, въ Сѣверной Америкѣ (Natchez) и въ Южной—Караибен, Перу, Бразилія. Изъ патологическихъ измѣненій авторъ указываетъ еще на microscephalia; асго-оу-тхурсо-серпалія; chamaecephalia—плоская голова; такъ наз. Neanderhalter-Form съ узкимъ лбомъ, вслѣдствіе abolitio praem. sut. frontis; Scaphocephalia и plagioccephalia. *На мѣщ* замѣчается: птичье лицо микроцефаловъ и уплощенная верхняя часть лица у оу-серпаліевовъ (Spitzkopfen); ассиметрія лица; косое положеніе и приплюснутость носа; ассиметрія глазныхъ впадинъ; прогеніен—нижняя челюсть выступаетъ за верхнюю или обратно. Косое положеніе обѣихъ рядовъ зубовъ и др. отклоненія въ развитіи ихъ. Нѣбо нрѣдко очень плоско, широко, узко, ассиметрично, расщеплено; уродство язычка (Zäpfchen). На глазахъ замѣчается косость, расщепленіе райка, episcantus—кожная складка у внутренняго угла глаза. На ушахъ: чрезмѣрная малость или чрезмѣрная величина, длина и ширина; недостаточное развитіе раковины и сращеніе ея, малость сережки. Очень важное значеніе имѣютъ аномаліи половыхъ органовъ. Въ связи съ измѣненіями лица находится выраженіе физіономіи, но при этомъ надо быть очень осмотрительнымъ, чтобы не дѣлать черезчуръ поспѣшныхъ выводовъ, такъ какъ страданіе, болѣзнь, прическа, костюмъ и пр. можетъ ввести въ заблужденіе. Авторъ раздѣляетъ преступниковъ на 2 категоріи. Къ 1-й имъ причисляются тѣ, которые не имѣютъ деструктивныхъ измѣненій въ организмѣ, они совершаютъ преступле-

нія по легкомыслию, страсти, безразсудству, отъ неудовлетворительнаго состоянія жизни, злоупотребленія спиртными напитками. По Вагг'у 50% всѣхъ преступленій производится подъ вліяніемъ пьянства. Изъ нихъ $\frac{3}{4}$ принадлежатъ къ преступленіямъ противъ личности и $\frac{1}{4}$ противъ собственности, тогда какъ при обыкновенныхъ преступленіяхъ отношеніе обратное. Ко 2-й категоріи причисляются обычные преступники, они ваклейжены физическими измѣненіями. Выдающійся Мюнхенскій антропологъ пр. Johannes Ranke на основаніи своихъ собственныхъ наблюденій вполне соглашается съ Höldeг'омъ. Онъ мнѣ лично передавалъ, что имъ постоянно наблюдались лишь патологическія, а не атавистическія измѣненія на черепахъ преступниковъ. Изъ поклонниковъ теоріи Lombroso укажемъ на Дриля, который говоритъ, что часто преступленія совершаются не въ зависимости отъ злой воли или психоза, а вслѣдствіе перевѣса растительной дѣятельности надъ умственной. За то рьянымъ противникомъ позитивной школы въ послѣднее время выступилъ Вульфертъ; всѣ возраженія послѣдняго проникнуты черезчуръ сильно идеями абстрактнаго представленія о преступленіи, догмами классической школы уголовного права.

Если мы взглянемъ безпристрастно на жизнь и на одно изъ аномальныхъ явленій этой жизни—преступленіе, то мы необходимо должны признать, что если человѣкъ и свободенъ въ нормальномъ состояніи, то все же его свобода воли представляется ограниченою безчисленнымъ рядомъ уклоненій отъ нормы. Эти ограниченія чисто органическаго, матеріальнаго характера. Новая позитивная школа стремится изучить свойства этихъ ограниченій и постигнуть силу вліянія ихъ на духовную дѣятельность человѣка. Отсюда понятно стремленіе этого ученія занять подобающее ему мѣсто въ уголовномъ правѣ. Не смотря на всѣ недостатки этого еще молодаго ученія, оно, какъ вспомогательная дисциплина въ уголовномъ правѣ, не отвергается въ принципѣ и самыми рьяными противниками новой школы, но признаніе за позитивной школой этого права пока лишь фиктивное; предстоитъ еще упорная борьба, чтобы разрушить зданіе, построенное на абстрактныхъ началахъ; это зданіе слишкомъ крѣпко своими традиціями.

Я далекъ однако отъ тѣхъ обобщеній, которыя сдѣлалъ относительно преступниковъ Lombroso. Онъ, съ свойственнымъ южной натурѣ жаромъ, черезчуръ увлекся общею идеею и внесъ поэтому

въ свое учение много парадоксальнаго. Это не помогло, но затормозило распространение учения позитивной школы; оставаясь, однако, справедливымъ, надо признать за Lombroso ту заслугу, что онъ своимъ трудомъ далъ движеніе мысли и породилъ стремленіе къ энергичной работѣ. На основаніи своихъ собственныхъ наблюдений и изслѣдованій, я не могу подвести всѣхъ правонарушителей подъ одну категорію преступниковъ, какъ это дѣлаетъ Lombroso; для меня сомнительно также существованіе типа преступниковъ, хотя я убѣжденъ, что большинство привычныхъ преступниковъ обладаетъ характерными чертами. Я склоненъ отчасти согласиться съ Malouvier и признать, что многіе признаки, на которые Lombroso указываетъ какъ на типичные для преступниковъ, характерны вообще для нашей среды, изъ которой выходятъ въ большинствѣ случаевъ преступники.

Дѣйствительно, пролетаріатъ служитъ главнымъ поставщикомъ для тюремъ. Чѣмъ на болѣе низкой стадіи по своему развитію стоитъ человѣкъ, тѣмъ у него меньше развито задерживающихъ импульсовъ, тѣмъ легче онъ поддается соблазну, и слѣдовательно, тѣмъ болѣе онъ бываетъ склоненъ къ правонарушенію. Въ постоянной борьбѣ за насущный кусокъ хлѣба, думая только о насущныхъ потребностяхъ, изъ человѣка низшаго класса мало по малу не рѣдко вырабатывается эгоизмъ, съ грубыми инстинктами, котораго удерживаетъ отъ посягательства на благо ближняго лишь религіозный страхъ или страхъ передъ наказаніемъ за преступленіе. Разрушите эти два задерживающихъ момента и таковой индивидъ не медля возьмется за обогащеніе на счетъ чужаго кармана, хотя бы и съ топоромъ въ рукѣ. Большіе города въ виду этого и служатъ центрами для преступленій. Низшее населеніе такихъ городовъ малорелигіозно, страхъ передъ наказаніемъ уменьшается; такъ какъ является возможность легче скрыть слѣды преступленій; ѣдкость и эгоизмъ разжигаетъ зависть и вотъ индивидъ мало развитой въ нравственномъ отношеніи беретъ за отмычку, ломъ и топоръ. Разъ его темное дѣло прошло благополучно, онъ входитъ во впускъ и продолжаетъ свои похождения, пока не попадетъ на свамью подсудимыхъ. Преступниковъ вырабатываетъ также воспитаніе и преступная среда, такіе люди могутъ рождаться съ коренными задатками, но добрыя наклонности заглушаются искусственно прививаемыми порочными стремленіями. Такие индивиды

зачастую съ самых юныхъ лѣтъ становятся преступниками. Но есть бесспорно классъ преступниковъ, который рождается съ преступными наклонностями. Это такъ называемые нравственно помѣшанные. У этихъ лицъ безнравственные поступки проявляются съ самаго юнаго возраста, они отличаются слабостью задерживающихъ импульсовъ и недостаточностью сообразительности, съ другой стороны эгоизмомъ, завистью и легкою возбудимостью, у этихъ индивидовъ рѣзко бросается въ глаза извращеніе побужденій и стремленій, особенно по отношеніи къ сенсуальнымъ проявленіямъ. Нерѣдко параллельно съ психическими дефектами наблюдаются и физическія деструкціи организма. Такіе индивиды съ самаго ранняго дѣтства проявляютъ преступныя наклонности. Такъ, въ психіатрической клиникѣ у проф. Risk'a въ Прагѣ я наблюдалъ 12 лѣтнюю дѣвочку, которая на видъ имѣла 8—9 лѣтъ. Она была хорошо упитаннымъ ребенкомъ, съ бѣгающими, черными глазами, черепъ великъ, скулы выдаются, лицо очень широкое, щеки красныя, вообще на видъ цвѣтущаго здоровья. Будучи еще маленькимъ ребенкомъ она проявляла наклонности къ ссорамъ, дракамъ, не любила дѣтскаго общества, и если попадала въ среду дѣтей, то старалась причинить имъ какую нибудь непріятность. Свою младшую сестру постоянно дразнила, щипала, а однажды хотѣла зарѣзать. Эта ея неуживчивость и страсть дѣлать непріятности другимъ въ послѣднее время возрасли до крайнихъ размѣровъ. Незадолго до поступленія въ больницу она сбросила свою младшую сестру съ лѣстницы.

Въ больницѣ съ перваго же дня своего поступленія она сдѣлалась истиннымъ мученіемъ для окружающихъ еѣ лицъ, она неумолимо ихъ дразнила, ругала, изъ подтишка щипала и пр. Отъ этого еѣ не удерживали ни угрозы, ни наказанія. Въ послѣднее время своего пребыванія въ больницѣ у нея развились эпилептиформныя припадки и иллюзїи—во всякомъ пятнѣ напр. она видѣла собаку, что еѣ сильно пугало.

Знакомство съ преступнымъ человекомъ и изученіе его преступныхъ дѣяній необходимо для судебного медика не только для правильной постановки психіатрической экспертизы, но и вообще для эксперта, который является помощникомъ судьи въ дѣлѣ раскрытія преступления. Психическое состояніе человека обуславливаетъ форму его дѣйствій и наоборотъ, по формѣ дѣйствій можно судить о дѣй-

ствующемъ индивидѣ. Поэтому судебный врачъ изслѣдующій объектъ преступленія, скажемъ трупъ убитаго, узелъ на петлѣ повѣшеннаго и пр. по характеру преступныхъ слѣдовъ на этихъ объектахъ можетъ опредѣлить преступнаго дѣятеля.

Вышеуказаннымъ знакомствомъ съ преступнымъ человекомъ не ограничивается однако область познаній для судебного медика. Онъ долженъ, пользуясь біологическими свѣдѣніями выработать вообще всѣ тѣ данныя, которыя могутъ быть примѣнимы для судебныхъ цѣлей, этимъ и занимается специальная часть судебной медицины.

УСТАВНЫЯ ЗЕМСКІЯ ГРАМОТЫ

ЛИТОВСКО-РУССКАГО ГОСУДАРСТВА.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ КАНДИДАТА ПРАВЪ

Михаила Ясинскаго,

*удостоенное Юридическимъ факультетомъ Университета св.
Владимира золотой медали и преміи Н. Н. Пирогова.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
Предисловіе.	v—vi
Отдѣлъ первый.	
Исторія уставныхъ земскихъ грамотъ Литовско-Русскаго государства	1—98
I. Мѣсто уставныхъ земскихъ грамотъ въ системѣ современнаго нмѣ литовско-русскаго законодательства	1
II. Число и происхожденіе извѣстныхъ и изданныхъ до настоящаго времени уставныхъ земскихъ грамотъ Литовско-Русскаго государства	37
III. Система, содержаніе и изданія извѣстныхъ намѣ уставныхъ земскихъ грамотъ	73
Отдѣлъ второй.	
Систематическій сводъ уставныхъ земскихъ грамотъ Литовско-Русскаго государства.	99—200
—	
Оглавленіе рубрикъ и статей систематическаго свода.	201—207
Таблица въ систематическому своду.	

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящее изслѣдованіе, вызванное темою, предложенною Юридическимъ факультетомъ Университета св. Владиміра, нынѣ выходитъ въ свѣтъ не вполне въ томъ видѣ, въ какомъ оно было представлено въ факультетъ въ ноябрѣ прошлаго года. Прежде всего измѣненія коснулись объема работы: по независящимъ отъ насъ, чисто-внѣшнимъ обстоятельствамъ мы принуждены были ограничиться печатаніемъ двухъ первыхъ отдѣловъ нашего труда, т. е. исторіи уставныхъ земскихъ грамотъ и систематическаго свода ихъ, опустивъ третій, посвященный изложенію и объясненію содержанія этихъ памятниковъ. Затѣмъ произошли нѣкоторые измѣненія и въ тѣхъ частяхъ работы, которыя нынѣ напечатаны,—измѣненія, вызванныя частью вторичнымъ просмотромъ всей работы, частью же указаннымъ выше сокращеніемъ объема ея. Къ числу такихъ измѣненій, и при томъ болѣе существенныхъ, принадлежатъ тѣ, которыя были произведены во 2-ой главѣ перваго отдѣла съ цѣлью нагляднѣе опредѣлить время происхожденія первоначальныхъ уставныхъ земскихъ грамотъ. Кромѣ того, опуская послѣднюю часть нашей работы, мы должны были позаботиться о приданіи болѣе жизни сведенному тексту грамотъ, а всей работѣ (въ нынѣшнемъ ея объемѣ) болѣе полноты и законченности. Съ этою цѣлью сдѣланъ нами во второмъ отдѣлѣ рядъ подстрочныхъ примѣчаній, явившихся посильнымъ результатомъ внимательнаго изученія прежде всего источниковъ, т. е. устав. земскихъ грамотъ и др. законодательныхъ памятниковъ до-статутоваго періода, а затѣмъ и существующихъ немногочисленныхъ и далеко не всегда согласныхъ между собою пособій.

Посвящая свой первый трудъ тому отдѣлу исторіи русскаго права, который до сихъ поръ весьма мало обработанъ въ ученой литературѣ, мы считаемъ нашу цѣль достигнутою, если намъ удалось внести хотя нѣсколько лучей свѣта въ заброшенную и мало извѣстную область литовско-русскаго права, а себя лично вполне вознагражденными за потраченное нами время, если компетентные люди найдутъ, что наше изслѣдованіе, несмотря на всѣ его недостатки, можетъ служить пособіемъ при изученіи исторіи русскаго права, въ составъ которой, безъ сомнѣнія, должна входить исторія права обѣихъ половинъ — не только восточной, но и западной — одного великаго цѣлаго — Россіи.

Въ заключеніе считаемъ долгомъ своимъ выразить нашу глубокую благодарность Профессору Михаилу Флегонтовичу Владимірскому-Буданову за тѣ совѣты и указанія, которыми мы пользовались при составленіи настоящаго труда.

М. Я.

Кіевъ.

Декабрь, 1888 г.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ

—

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ СВОДЪ

УСТАВНЫХЪ ЗЕМСКИХЪ ГРАМОТЪ ЛИТОВСКО-РУССКАГО ГОСУДАРСТВА.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАМѢТКА

КЪ СИСТЕМАТИЧЕСКОМУ СВОДУ УСТАВНЫХЪ ЗЕМСКИХЪ ГРАМОТЪ.

1) Въ настоящій сводъ включены тексты восьми нижепоименованныхъ уставныхъ земскихъ грамотъ; не вошли въ него остальные двѣ изъ рассмотренныхъ въ предыдущемъ отдѣлѣ нашего труда десяти грамотъ этого типа: *Витебская 1509 г.*, буквально, безъ всякихъ измѣненій и дополненій, повторяющая предшествующую ей грамоту 1503 года, и *Волынская 1501 г.*, полная явныхъ ошибокъ и большихъ пропусковъ въ текстѣ, исключающихъ всякую возможность пользоваться этою грамотою въ печатномъ ея изданіи.

2) Весь сведенный текстъ уставныхъ земскихъ грамотъ разбитъ на 114 статей, сгруппированныхъ по предметамъ содержанія въ 13 отдѣлахъ, или рубрикахъ, и расположенныхъ, по возможности, въ систематическомъ порядкѣ.

3) а) Литтерами русскаго алфавита обозначены, отдѣлы или рубрики, на которыя распадается весь сведенный текстъ грамотъ; б) римскими цифрами обозначена нумерація статей, идущая въ сплошномъ порядкѣ съ начала свода до конца; в) арабскія цифры съ лѣвой стороны представляютъ нумерацію уставныхъ земскихъ грамотъ; г) такія же цифры съ правой стороны указываютъ строки, занимаемыя отдѣльными статьями въ печатныхъ изданіяхъ грамотъ.

4) Нумерація грамотъ принята слѣдующая:

Уставная грамота	<i>Витебской земли</i>	1503 г.	№ 1
„	„	<i>Полоцкой земли</i>	1511 г. .... № 2

Уставная грамота	<i>Смоленской земли</i>	1505 г.	№ 3
”	”	<i>Жмудской земли</i>	1492 г. .... № 4
”	”	<i>Киевской земли</i>	1507 г. .... № 5 ¹
”	”	<i>Киевской земли</i>	1529 г. .... № 5 ²
”	”	<i>Волынской земли</i>	1509 г. .... № 6
”	”	<i>Бѣльскаго повѣта</i>	1501 г. .... № 7.

5) Изъ Киевской уставной грамоты 1529 г., вообще буквально сходной съ болѣе раннею грамотою 1507 г. (см. № 5¹ и № 5²), внесено въ сводъ только то, что подверглось въ ней измѣненію, сравнительно съ грамотою 1507 г., или то, чего вовсе нѣтъ въ этой послѣдней; въ остальныхъ же случаяхъ лишь угазываются строки, занимаемыя въ печатныхъ изданіяхъ тѣмъ или другимъ пунктомъ грамоты 1529 г.

6) Въ виду существованія латинскаго текста Жмудской и Бѣльской уставныхъ грамотъ, часто разъясняющаго и дополняющаго русскій текстъ этихъ грамотъ, параллельно съ послѣднимъ напечатанъ и первый.

7) Слова, находящіяся въ текстѣ грамотъ, заключенныя въ скобки и напечатанныя курсивомъ, вставлены составителемъ свода для исправленія, пополненія или поясненія текста.

8) Въ статьяхъ сведеннаго текста уставныхъ земскихъ грамотъ сохранена орѳографія подлинниковъ¹⁾.

9) Съ цѣлью облегчить пользованіе настоящимъ сводомъ подъ текстомъ помѣщены примѣчанія, посвященныя объясненію юридическихъ терминовъ, различныхъ словъ и выраженій, а также уясненію смысла отдѣльныхъ статей сведеннаго текста уставныхъ земскихъ грамотъ.

---

¹⁾ Русскій текстъ уставныхъ земскихъ грамотъ напечатанъ здѣсь на основаніи текста, помѣщеннаго въ *Актахъ Западной Россіи*, изданныхъ Археографическою Коммисіею; латинскій же текстъ Жмудской и Бѣльской грамотъ заимствованъ изъ изданія гр. Дзялинскаго— „*Zbiór praw Litewskich*“.

А. Вступительныя статьи.

I. Обозначеніе имени и титула государя, дающаго грамоту, съ при- бавленіемъ обычной вступительной формулы.

1. Самъ Александръ, Божьею милостью король Польскій, великій князь Литовскій, Рускій, князя Прусское, Жомонтскій и иныхъ, чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ, хто на него посмотритъ, альбо чтучи его въслышитъ, нинѣшнимъ и потомъ будущимъ, кому будетъ потреба того вѣдати¹⁾. 1—7.

2. Во имя Божье, аминь. Все што ся дѣеть подъ часомъ, отъ человекѣвъ памяти споломъ сплываетъ съ часомъ, а ни къ знайности напотомъ будущимъ прійти можетъ, ижьбы вложеніемъ писма, на послѣдъ тыи вчинки не были захованы. А про то, къ вѣкуистой тоѣ рѣчи памяти²⁾, мы Жигимонтъ, зъ ласки Божье король Польскій великій князь Литовскій, Рускій, князя Прусское, Жомонтскій и иныхъ

¹⁾ Самъ (им. обичаюго—ми) Александръ, Божією милостію король Польскій, великій князь Литовскій, Рускій, князь Прусскій, Жмудскій и иныхъ, объявляемъ симъ нашимъ листомъ всякому, кто этого листъ увидитъ (т. е. прочтетъ) или услышитъ, когда его будутъ читать, нинѣшнему и будущему поколѣнію, всѣмъ, кому будетъ нужно о томъ знать.—Эту вступительную формулу („чинимъ... и пр.“) съ различными вариантами можно встрѣтити во всякой литовско-русской жалованной грамотѣ; нерѣдко этой формулѣ предшествуютъ разсужденія о бренности всего земнаго, слабости человеческой памяти и пр. (см., напр., слѣд. грамоту). Къ этой же формулѣ прибѣгали, кромѣ вел. князей, и служебные князья, потомки владѣтельныхъ, во всѣхъ болѣе важныхъ актахъ: дарственныхныхъ, завѣщательныхъ и пр.

²⁾ Во имя Божіе, аминь. Все, что совершается въ извѣстное время, съ теченіемъ времени ускользаетъ изъ памяти людей и, такимъ образомъ, не можетъ сохраниться для свѣдѣнія будущихъ поколѣній, если только не будетъ тогда же записано для памяти. Поэтому-то, чтобы увѣковѣчить нижеслѣдующее, мы, Сигизмундъ... и т. д.

панъ и дѣдичъ, чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ, хто на него посмотритъ, або чтучи его вслышитъ, нынѣшнимъ и потомъ будущимъ, кому будетъ потреба того вѣдати. 1—14.

3. Во имя Божье, аминь. Высокихъ пановъ подданные государства, рядностью справъ посполитая рѣчь и знаменитоѣ чти доступаютъ³⁾. Про то, къ вѣчной тоѣ-то рѣчи памяти, мы Александръ Божьею милостью король Полскій великій князь Литовскій, Русскій, князя Прусское, Жомойтскій и иныхъ, чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ, хто на него посмотритъ, або чтучи его вслышитъ, нынѣшнимъ и напотомъ будущимъ, кому будетъ потреба того вѣдати. 1—11.

4. Во имя Божое, аминь. Ко вѣчной памяти речи⁴⁾. Мы Александръ, зъ Божее ласки велики князь Литовски, Руски, Жомойтски, панъ и дѣдичъ, ознаймуемы черезъ тотъ нашъ листъ всимъ тымъ, которымъ бы была потреба, 1—5.

In nomine domini amen. Ad perpetuam rei memoriam. Nos Alexander dei gratia dux Lithuaniae, Samogitiae, Russiaeque dominus et haeres. Significamus tenore praesentium quibus expedit universis 1—5.

5¹. Во имя святыхъ живоначальныхъ и нероздѣлимыхъ Троица, аминь. Мы Живгимонтъ, Божьею милостию король Полскій и великій князь Литовскій, Русскій, Жомойтскій и иныхъ, чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ, хто на него посмотритъ або чтучи его вслышитъ, нынѣшнимъ и потомъ будущимъ, кому будетъ потреба того вѣдати. 1—8.

5². Во имя святыхъ, живоначальныхъ и нероздѣлимыхъ Троицы, аминь. Мы Живгимонтъ, Божьею милостью король Польскій, великій князь Литовскій, Русскій, Прусскій, Жомойтскій, Мазовецкій и иныхъ, чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ, хто на него посмотритъ, або чтучи его услышитъ, нынѣшнимъ и напотомъ будущимъ, кому будетъ потреба того вѣдати. 1—9.

³⁾ Относительно этого мѣста Археографическая Коммиссія дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе: „Это вступленіе нескладно, но такъ и въ ориг. Сенатск. Метрики и въ Варшавской копіи“ (Ак. З. Р. I, стр. 860).

⁴⁾ „Ко вѣчной памяти речи“ или „къ вѣкустой тоѣ рѣчи памяти“ (какъ въ грам. подъ № 2)—дословный переводъ латинскаго: „Ad perpetuam rei memoriam“.

6. Во имя святыя живоначалноѣ и нераздѣлимоѣ Троицы, аминь. Мы Жигимонтъ, Божьею милостью король Польскій, великій князь Литовскій, Рускій, княжа Прусское, Жомойтскій и иныхъ, чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ, хто на него посмотреть, або чтучи его услышитъ, нынѣшнимъ и потомъ будучимъ, кому будетъ потребъ того вѣдати. 1—8.

7. Во имя святоѣ и нераздѣльной Троицы, станься. Все рѣчы, которые межи смертельными людьми суть и дѣются, тежъ которыи справы съ чоловѣкомъ смертельнымъ завидлива старость посполу бы привлащала..., къ жадней знаймости справа не пришла бы: едно презъ неслмертелность листовъ и тежъ святковъ, ку вѣрнему свядецтву приходють. Для того мы Александръ, зъ Божей ласки великій князь Литовскій, и тежъ земли Жомойтскоѣ и Рускоѣ и Киевскоѣ и далѣй панъ и дѣдичъ, объявлямы моцью нынѣшнихъ листовъ, которымъ есть слушно вѣрить, приплымъ и прешлымъ, которыи бы мѣли знаимость ихъ⁵⁾, 1—14.

In nomine sanctae et indiuiduae trinitatis, amen. Omnia, quae inter mortales homines sunt, agunturque negotia, cum homine ipso mortali, edax vetustas simul absumeret, ad posterosque nulla factorum notitia perveniret: nisi immortalitate litterarum et testium fideli, ad hoc testimonio perhennentur. Proinde nos Alexander dei gratia magnus dux Lithuaniae, nec non terrarum, Samogitiae, Russiae, Kijoviae, etc. dominus et haeres. Significamus tenore praesentium, quibus expedit, praesentibus et futuris, horum notitiam habituris: 1—14.

II. Обозначеніе классовъ населенія земли, получающей уставную грамоту⁶⁾.

1. Били намъ чоломъ все князи и бояре и слуги Витебскіи⁷⁾, и войтъ⁸⁾ и мѣщане мѣста Витебского⁹⁾, и вся земля Витебская, 7—10.

⁵⁾ Вотъ почти дословный переводъ этого мѣста (сдѣланъ съ помощью латинскаго текста, восполняющаго пропускъ въ русскомъ текстѣ). Во имя святой и нераздѣльной Троицы, аминь. Все, что между смертными людьми происходитъ, все, что ими совершается, — все это вмѣстѣ съ смертнымъ чоловѣкомъ сокрушило бы ненасытное время, ничего не оставивъ для свѣдѣнія потомства, если бы правдиваго свидѣтельства обо всемъ этомъ не сохранили официальные акты, скрѣпленные подписями свидѣтелей. Поэтому мы, Александръ... объявляемъ посредствомъ настоящаго листа нынѣшнему и будущему поколѣнію, всѣмъ, кому нужно будетъ о томъ знать.

2. Били намъ чоломъ бояре Полоцкіе и мѣщане и весь городъ,
и вся земля Полоцкая, 14—16.

3. Били намъ чоломъ владыка Смоленскій Іосифъ, и околничіи
Смоленскіи, и вси князи и панове, и бояре, и мѣщане, и чорные
люди и все послодство мѣста и земли Смоленскоѣ ¹⁰⁾, 11—15.

⁶⁾ Эта статья, указывающая, какіе классы населенія являлись грамотчиками въ той или другой уставной земской грамотѣ, объясняетъ, между прочимъ, характеръ каждой изъ этихъ грамотъ, показываетъ, какія изъ нихъ являются актами вѣсословными, земскими, и какія стремятся перейти или уже перешли въ сословную привилегію. См. выше, стр. 78—79.

⁷⁾ „Слуги Витебскіи“ — должно быть тоже, что Полоцкіе городскіе дворяне; см. ниже примѣчаніе 10.

⁸⁾ *Войтъ* — предсѣдатель городского (мѣщанскаго) суда; его суду подлежалъ всякій торговый и ремесленный человѣкъ, принадлежавшій къ городской общинѣ, т. е. всякій мѣстичъ или мѣщанинъ.

⁹⁾ „Мѣста Витебскаго“ — города Витебска.

¹⁰⁾ Изъ двухъ предыдущихъ грамотъ, а особенно изъ этой, видно, что уставная земская грамота жаловалась не одному какому-либо классу населенія, а всему безъ исключенія свободному населенію земли. Въ этой грамотѣ заслуживаетъ вниманія обстоятельное перечисленіе классовъ населенія. Во главѣ всѣхъ поставленъ епископъ, какъ представитель духовенства, а еще болѣе, какъ духовный отецъ и пастырь всего населенія; затѣмъ идутъ *окольничіе*, какъ представители земщины, принимающіе участіе въ управленіи и судѣ, и наконецъ — всѣ классы свободного населенія въ порядкѣ своего значенія: *князья, паны, бояре, мѣщане* и *черные люди*. Въ періодъ самобытности и обособленности земли ея населеніе подраздѣлялось, главнымъ образомъ, на три класса: *бояръ, горожанъ* (купцы) и *сельчанъ* (*черные люди* — земледѣльцы, жившіе преимущественно на общинныхъ земляхъ). Изъ грамоты, данной Казиміромъ въ 1456 г. городу Полоцку (Ак. Зап. Рос. I, № 60), узнаемъ, что въ рѣшеніи на вѣтъ городскихъ дѣлъ принимали участіе, кромѣ бояръ, мѣщанъ и черныхъ людей (черные люди жили также и въ городѣ, гдѣ занимались ремеслами, мелкою торговлею и пр.), также и *городскіе дворяне*, составлявшіе особый классъ. Городскіе дворяне, надо думать, вели свое начало отъ младшихъ дружинниковъ (слугъ, дворянъ), составлявшихъ дворъ князя и получавшихъ отъ него за свою службу мелкіе земельные участки на помѣстномъ правѣ. — Обращаясь снова къ тѣмъ классамъ населенія, которые перечислены въ Смоленской грамотѣ, объяснимъ, кто разумѣется здѣсь подъ „*князьями*“ и „*панами*“, упоминаемыми впереди бояръ. Подъ *князьями* здѣсь, по всей вѣроятности, разумѣется небольшая группа потомковъ мѣстныхъ удѣльныхъ князей; подъ *панами* же — лица, принадлежавшія къ знатнѣйшимъ и вліятельнѣйшимъ боярскимъ фамиліямъ. Что касается *окольничіихъ*, то этимъ именемъ на Руси обозначались тѣ изъ бояръ, которые были около особы государя, помогали ему въ дѣлахъ управленія (впрочемъ, существуютъ и нныя объясненія слова „окольничій“, а слѣдовательно и самаго значенія окольничіихъ *); въ другихъ земскихъ грамотахъ мы не находимъ упоминанія объ окольничіихъ; въ Смоленской же землѣ, какъ это видно изъ Смоленской уставной грамоты, они, являясь представителями земщины, принимали дѣятельное участіе въ управленіи и особен-

4. (Объявляемъ....) ижь всимъ особомъ, шляхтѣ, бояромъ и вметемъ¹¹⁾, мужомъ старымъ и молодымъ, и всему посольству¹²⁾, въ панствѣ земли Жомойтскоѣ и въ повѣтѣхъ¹³⁾, Медницкимъ, Крожскимъ, Бедыголскимъ и иныхъ тамъ будучимъ, 5—10.

(*Significamus*) quomodo omnibus et singulis nobilibus et bojaris, smetonibus, viris, senibus et juvenibus ac toti communitati, per et intra terram et dominium Samogitiense et districtibus ejusdem videlicet: Mednensem, Chrosnensem et Bethigolensem ubilibet constitutum, 5—11

5¹. Били намъ чоломъ слуги наши, князи и панове и бояре и земляне¹⁴⁾, вся шляхта Киевская, 8—9.

5². Били намъ чоломъ слуги наши, князи и панове и бояре и земляне, вся шляхта Киевская, 9—11.

6. Били намъ чоломъ духовныи и свѣтскіи, владыка Володимерскій и владыка Лудквій, и князи и панове и земляне и вся шляхта Волынской земли, 8—12.

7. яко приподши ку нашей обличности шляхетный Петръ Люба, судья будучий повѣту Белского, именемъ и тежъ полецаньемъ всихъ землянъ тогожъ повѣту, 14—18.

Quomodo ad praesentiam nostram veniens nobilis Petrus Luca, judex protunc terrestri Bielscensis, nomine et commissione omni terrigenarum ejusdem districtus 14—18.

но въ отправленіи правосудія.

*) См. „Древнюю Рос. Вильноенку“, издан. Н. Новиковымъ, Москва, 1791 г. часть XX, стр. 196—201 (здѣсь наложены между прочимъ мѣнія Татищева и Миллера); см. также „Боярскую Думу“ В. Ключевского, стр. 280—281.

¹¹⁾ *Кметы* (Smethones)—земледѣльцы (крестьяне), лично свободные, жившіе на чужой землѣ и платившіе чиншъ.

¹²⁾ *Посольство*—этимъ собирательнымъ именемъ назывались обыкновенно всѣ низшіе классы населенія; хотя нерѣдко оно является синонимомъ слова „народъ“: *посольный*—всенародный.

¹³⁾ *Повѣтъ*—административная единица, въ родѣ нынѣшняго уѣзда. Жмудская земля раздѣлялась на повѣты, подобно тому, какъ Витебская, Полоцкая, Смоленская и Киевская—на волости; впоследствии, когда „земли“ переименованы были въ *воєводства*, всеводства были раздѣлены на повѣты. Дѣленіе на повѣты заимствовано изъ Польши, гдѣ оно было извѣстно уже въ концѣ X в.

¹⁴⁾ *Земляне*—землевладѣльцы—дворяне, отбывавшіе военную повинность съ своихъ имѣній. Подробности о нихъ см. у В. Б. Антоновича: „Монографія“, стр. 247—248.

III. Изложение просьбы населения о выдачу уставной земской грамоты с объяснением мотивов этой просьбы.

1. и повѣдали передъ нами, штожь приподши злодѣи зъ великого Новгорода покрали въ нихъ церковь пречистоѣ Богоматери, и въ той церьви и привилей ихъ ¹⁵⁾ верали, который же они отъ отца нашего короля его милости мѣли ¹⁶⁾; и копію того привилія передъ нами клали и били намъ чоломъ, абыхмо имъ нашъ листъ привилей потомужъ дали ¹⁷⁾. 10—17.

2. и клали передъ нами листы отца нашего Казимира и брата нашего Александра, королей и великихъ князей ихъ милости, штожь ихъ милость перво сего пожаловали ихъ и дали имъ права вольная добрая хрестіянская, какъ въ корунѣ Польской, какъ же и перво того которые добровольства мѣли отъ предковъ нашихъ великихъ

¹⁵⁾ Т. е. уставную земскую грамоту, выданную Витеблянамъ предшественникомъ Александра Казиміромъ. Уставная грамота названа привилеемъ (т. е. привилегіей), благодаря своей привилегіарной формѣ,—формѣ, въ которой издавались и др. законодательные акты Литовско-Русскаго государства. См. выше, стр. 5—7.

¹⁶⁾ Отсюда видно, что мѣстомъ хранения уставныхъ земскихъ грамотъ была обыкновенно соборная церковь главнаго города земли, куда полученная грамота передавалась послѣ прочтенія ея на площади или въ церкви. Въ церкви же, какъ извѣстно, сохранялись и всѣ прочіе предметы, представлявшіе общественный интересъ; такъ, здѣсь сохранялись, напр., образцовыя единицы вѣса и мѣры. См. „Исторію Полотска“ Бѣляева, стр. 204 и „Христоматію“ М. Ф. Владимірскаго-Буданова, вып. I (1879 г.), стр. 105. Благодаря тому, что мѣстный законъ, какимъ является всякая уставная земская грамота, издавался въ формѣ привилегіи, являлась необходимость въ сохраненіи его, какъ вещественнаго документа. Отсюда же происходили и другія неудобства: стоило какимъ-либо образомъ погибнуть подлиннику уставной грамоты, какъ тотчасъ же начинались ходатайства о выдачѣ новаго, хотя бы эта утрата произошла еще при жизни вел. князя, выдавашаго утраченную грамоту (см. въ этой же статьѣ грам. подъ № 5).

¹⁷⁾ Просьба о подтверженіи уставной земской грамоты сопровождалась представленіемъ подлинниковъ земскихъ грамотъ, пожалованныхъ предыдущими вел. князьями (см. слѣд. грамоту); если же таковыя подлинники почему-либо не сохранились, какъ, напр., въ данномъ случаѣ (см. также грамоту № 5^а), то представлялись копіи съ подлинныхъ грамотъ. Представляя подлинники или копіи прежнихъ грамотъ, население земли просило чтобы новая земская грамота была выдана „потомужъ“, какъ предыдущая, т. е., по возможности, безъ всякихъ отступленій отъ текста предыдущей грамоты. Такая просьба, какъ это видно изъ сравненія дошедшихъ до насъ уставныхъ грамотъ, пожалованныхъ одной и той же землѣ въ различное время, обыкновенно исполнялась (см. ниже, примѣч. 33). Это обстоятельство чрезвычайно важно для насъ: благодаря ему, во всѣхъ дошедшихъ до насъ земскихъ грамотъ можно видѣть почти точныя копіи древнѣйшихъ, пожалованныхъ Витовтомъ и его ближайшими преемниками.

князей, отъ великаго князя Витовта и Жигимонта и Скиргайла; и просили насъ, абы есмо имъ вси тые права и доброволенства напимъ привилеємъ потвердили. 16—27.

3. а) и клали передъ нами привилей маестать счастноѣ памяти отца нашего Казимера короля его милости, штожъ отецъ нашъ, будучи ещо великимъ княземъ, поразумѣвши и убачивши ихъ къ его милости и тежъ къ предкомъ нашимъ вѣрную а справедливую службу,— ижъ предкове ихъ и они завжды у вѣрѣ своей заховалися ¹⁸⁾, и ни-коли, часу пригоды на нихъ и налоги отъ розмаитыхъ ¹⁹⁾ непріятелей великаго князства Литовскаго, завжды неотступни были, а тому госпо-дару, который сѣдѣлъ на Вилни и на Троцехъ ²⁰⁾, всякою вѣрною послугою служили и противу его непріятелей руву свою подносили ажъ до горла своего ²¹⁾, — отецъ нашъ, доброѣ памяти король Казимеръ, за тую вышей писаную вѣрность ихъ, хотѣчи имъ зъ особливоѣ своее ласки досыть вчинити, далъ имъ привилей свой. И послѣ того, въ больку лѣтѣхъ ²²⁾, его милость, вжо паномъ корунованнымъ будучи ²³⁾, со всими прелаты и паны радами ²⁴⁾ своими смотрѣлъ ихъ съ паномъ Миколаемъ Радивиловичомъ, въ тотъ часъ какъ отъ его милости Смоленскъ держалъ, и судовые листы свои на то имъ подавалъ. 15—38.

б) Такожъ клали передъ нами третій листъ ²⁵⁾ отца нашего, короля его милости, который его милость писалъ до пана Миколая жъ Радивиловича, о еривдахъ и о новинахъ, которые мѣсту Смоленскому часу его держанья дѣлалися. 180—185.

¹⁸⁾ Всегда пребывали въ вѣрности.

¹⁹⁾ Розмаитый (rozmaity)—различный.

²⁰⁾ Т. е. великому князю Литовскому. При существованіи въ Литовскомъ государствѣ удѣльной системы, Вильна и Троки всегда составляли удѣлъ того изъ князей, которому принадлежалъ титулъ великаго князя.

²¹⁾ Сражались противъ враговъ, не щадя своей жизни.

²²⁾ Нѣсколько лѣтъ спустя.

²³⁾ Т. е. будучи уже королемъ Польскимъ.

²⁴⁾ Паны—рады—члены Литовской Рады, или государственнаго совѣта вел. княжества Литовскаго. См. ниже примѣч. 120.

²⁵⁾ Первые два акта, представленныя Смольянами, были, какъ это видно изъ предидущаго пункта этой же самой грамоты: 1) уставная грамота, пожалованная Казиміромъ, и 2) „судовый листъ“, данный Казиміромъ на имя Николая Радзивилла. О составѣ Смоленской грамоты 1505 г. см. выше, стр. 83—84.

с) И тотъ листъ нашъ, который есмо до пана Юрья писали, тыми разы они передъ нами вказывали и били намъ чоломъ, абыхмо ²⁶⁾ имъ тое все подтвердили нашимъ листомъ. 250—253.

Б¹. и вказывали передъ нами листы доброѣ памяти отца нашего, короля Казимира его милости, и брата нашего короля Александра, што имъ дали право добровольное хрестіанское, и просили насъ, абыхмо то имъ нашимъ листомъ подтвердили. 10—15.

Б². (*били намъ челомъ...*) о томъ, што перво сего доброѣ памяти отецъ нашъ Казимиръ, король Польскій и великій князь Литовскій, и потомъ братъ нашъ Александръ король, и мы сами дали имъ право добровольное хрестіанское и привилеємъ нашимъ то имъ подтвердили, по тому какъ отецъ нашъ даль былъ имъ. Потомъ, какъ зъ Божьего допущенья замокъ нашъ Берестье згорѣлъ, тые права ²⁷⁾, вси трои, были въ захованьи у писаря нашего, державцы Дорсунишского, пана Иваша Горностаевича, зъ рѣчми его, въ дому нашемъ господарскомъ, и въ тотъ часъ огнемъ згорѣли; и онъ, будучи при насъ, на службѣ нашой, въ Краковѣ, намъ то объявилъ. Потомъ будучи намъ въ отчинѣ нашой великомъ князствѣ Литовскомъ, на великомъ вальномъ соймѣ ²⁸⁾, они жъ били намъ чоломъ, абыхмо имъ, водлугъ тыхъ первыхъ правъ ихъ, знову дали право тоежъ добровольное и подтвердили то имъ листомъ нашимъ на вѣчность ²⁹⁾. 11—31.

6. (*били намъ челомъ*) о томъ, абыхмо держали ихъ подлѣ права ихъ земли, какъ было за отца нашего его милости короля Казимира и за брата нашего Александра короля, и подтвердили быхмо имъ нашимъ привилеємъ тыи права. 12—16.

7. (*Петръ Люба отъ имени* | (*Petrus Luba...*) humiliter supplicavit, ut ipsis jura et consuetudines hujusmodi, quales terrigenis

²⁶⁾ Чтоби мы.

²⁷⁾ „Тые права“ см. привилеи; рѣчь идетъ о земскихъ грамотахъ, пожалованныхъ Казиміромъ, Александромъ и Сигизмундомъ.

²⁸⁾ *Вальный сеймъ*, т. е. всеобщій сеймъ (*conventus generalis*), въ которомъ участвовали представители отъ всѣхъ провинцій, входившихъ въ составъ государства. Такими представителями, надо думать, являлись въ эту эпоху (т. е. въ началѣ XVI в.) не выборы отъ шляхты, какъ это было послѣ Люблинской унии, а высшіе чины мѣстнаго управления въ отдѣльныхъ областяхъ, т. е. наместники, воеводы и старосты.

²⁹⁾ См вторую половину примѣч. 16.

и обычаѣ таковѣ жъ дали, якъ есмо дали (*земьямъ*) повѣту Дорогицкаго,... отецъ нашъ наймилѣйшій, добрей памяти наяснѣйшій князь и панъ, Казимиръ король Польскій, великій князь Литовскій и далѣй, далъ и привиліями своими подтвердилъ, вторе жъ мы потомъ особливими привиліями подтвердилихмы; 18—25.

districtus Drohicensis, genitor noster charissimus, diuae memoriae serenissimus princeps et dominus Casimirus rex Poloniae, magnus dux Lithuaniae etc. dederat, genitor noster charissimus, et priuilegiis suis confirmauerat, quae nos postea specialibus priuilegiis nostris confirmauimus et approbauimus. 18—27.

IV. Резолюція государя на просьбу о выдачѣ уставной земской грамоты съ изложениемъ мотивовъ, руководившихъ имъ при пожалованіи таковой грамоты.

1. Ино мы, зъ ласки нашею, за ихъ къ намъ вѣрную службу, пожаловали есмо ихъ тымъ, дали имъ нашъ листъ, потомужъ, какъ отецъ нашъ король его милость имъ далъ былъ: 17—21.

2. Мы бачучи, ижъ яко предкове ихъ, такъ и они, завжды у суполной вѣрности заховали ся къ предкомъ нашимъ и къ намъ, и хотѣчи имъ тую сталость ³⁰⁾ и вѣру и послугу ихъ щедробливостью нашею паньскою отдать, зъ особливоѣ ласки нашею господарьскоѣ, вси тые добровольства, листы предковъ нашихъ, и отца и брата нашего, королей и великихъ князей ихъ милости, симъ нашимъ листомъ подтверждаемъ, и права вольная хрестіянская добрая и справедливая симъ нашимъ привиліемъ на вѣчные часы даемъ ³¹⁾. 27—38.

³⁰⁾ Сталость (*stałość*)—доблесть, постоянство.

³¹⁾ Здѣсь, какъ и въ нижеслѣдующихъ грамотахъ (см. въ особенности грамоту подъ № 52) мотивомъ выдачи уставной грамоты выставляются различныя заслуги населенія той или иной земли, въ награду за которія яко-бы и жалуются этому населенію „зъ особливоѣ ласки господарьскоѣ“ извѣстныя права. Все это надо понимать не въ буквальномъ смыслѣ. Если уставная грамота для продолженія своей обязательной силы дѣйствительно нуждалась въ санкціи всякаго вновь вступившаго на престолъ вел. князя, то, съ другой стороны, самыя права, содержащіяся въ каждой уставной грамотѣ, вовсе не основаны на личной милости того или другого вел. князя. Мы уже знаемъ, что эти права, на которія населеніе земель смотрѣло, какъ на свою старину, покоятся на фундаментѣ болѣе прочномъ, каковымъ является историческое прошлое каждой земли въ отдѣльности: ея прежнее самостоятельное положеніе и тѣ условія, на которыхъ она присоединилась къ Литвѣ. Не слѣдуетъ также забывать и того, что какъ первоначальное признаніе земскихъ правъ и порядковъ древнѣйшими вел. князьями Литовскими, такъ затѣмъ и санкціи этихъ правъ

3. а) Съ которого жъ привилія маестатного и листовъ судовыхъ его милости вси члонки ³²⁾ выбравши, казали есмо вписати въ сесь ³³⁾ нашъ листъ, и такъ ся въ собѣ мають, тымъ обычаемъ: ³⁴⁾ 38—42.

б.) Далѣй его милость въ томъ привилеи своемъ выписалъ и иные члонки, въ полѣпшенью ³⁵⁾ земли Смоленскоѣ. 95—98.

с.) Ино мы не только маючи взглядъ на то, ижъ предковѣ ихъ были вѣрны и у службахъ поволни ³⁶⁾ предкомъ нашимъ, але вжо и часу счастливого панованья нашего, противу неприятелемъ нашимъ они досыть чинили ³⁷⁾ и намъ вѣрнѣ служили, яко господару своему отчинному и дѣдичному; 253—260.

4. вольности и ласки ниже | libertates et gratias infra scrip-
выписаныи дали есмо и даемы | tas, dedimus et concessimus, damus-

и порядкомъ послѣдующими государями, вызывались вовсе не личными побужденіями и милостью ихъ, а извѣстными политическими цѣлями, государственною необходимостью. См. выше, стр. 47—48.

³²⁾ Пункты, статьи.

³³⁾ Въ сей.

³⁴⁾ Отсюда, между прочимъ, видно, что санкція прежней уставной грамоты выражалась въ переписываніи этой послѣдней и выдачѣ ея уже отъ имени того государя, который давалъ санкцію. Такимъ образомъ, текстъ прежней грамоты оставался въ неприкосновенности, измѣнялись же только вступительныя статьи, гдѣ излагается, кто, кому и почему жалуетъ грамоту, а также и заключительныя статьи, т. е. тѣ, въ которыхъ указывается, гдѣ, когда и въ присутствіи какихъ членовъ великокняжеской рады была выдана новая грамота. Впрочемъ, отъ этого общаго правила, обыкновенно соблюдавшагося при переписываніи прежней грамоты, дѣлались иногда отступленія: нерѣдко измѣненія происходили и въ основной части грамоты. Такія измѣненія, не нарушая сущности содержания прежней грамоты, касались лишь частныхъ. Такъ, изъ сравненія двухъ Киевскихъ грамотъ можно заключить, что въ позднѣйшую грамоту вносились необходимыя поясненія и дополненія, а съ другой стороны, въ нее не включались тѣ пункты прежней, которые во времени выдачи подтвердительной грамоты уже утратили свой смыслъ, оказались почему-либо устарѣвшими. Всѣ такія измѣненія, совершавшіяся, по всей вѣроятности, по просьбѣ же самого населенія земли, ходатайствовавшаго о выдачѣ подтвердительной грамоты, приравняли эту послѣднюю къ современному положенію дѣлъ, къ современнымъ потребностямъ населенія, и не позволяли, такимъ образомъ, закону отставать отъ жизни. Не такъ было въ Московскомъ государствѣ: тамъ санкція прежней уставной грамоты выражалась въ подписи имени новаго государя на оборотной сторонѣ грамоты, представленной для подтвержденія (см. „Уставныя грамоты“ Н. Загоскина, вып. I, стр. 64). Благодаря этому обстоятельству, вмѣстѣ съ буквою закона оставались неизмѣнными и тѣ положенія его, которыя въ извѣстную эпоху уже не соответствовали требованіямъ жизни.

³⁵⁾ Въ улучшенію быта.

³⁶⁾ Послушны, старательны.

³⁷⁾ Т. е. оказали достаточное сопротивление врагамъ государства.

черезъ тотъ листъ, яко часу и доброѣ памяти освѣцѣнаго ³⁹⁾ князя пана Витовта, и освѣцѣнаго пана Казимира, отца нашего милото, великихъ князей Литовскихъ, мѣли и держали. 10—15.

que et concedimus per praesentes prout et quemadmodum temporum praeclari principis domini Witowdi, et serenissimi olim domini Casimiri genitoris nostri charissimi, magnorum ducum Lithvaniae, habuerunt et tenuerunt. 11—18.

5¹. И мы вбачивши службу ихъ вѣрную, дали есмо имъ право добровольное хрестіанское, по тому какъ отецъ и братъ нашъ дали были имъ, духовнымъ и свѣтцкимъ, 15—19.

5². Мы, зъ ласки наше, за ихъ вѣрныя и знаменитыя къ намъ службы, ижъ они пильнѣ ³⁹⁾ и охотнѣ и вѣрнѣ намъ заслужовали, и крови своее немало за насъ и за паньства наши ⁴¹⁾ съ поганьствомъ и съ иными неприятельми нашими ровляли, и въ поганьскихъ рукахъ многіе съ нихъ у вязеньи будучи, окрутными смертьми и пятствы и обяженъи, нузу пріймовали и терпѣли, а вѣру свою сталѣ и цюгливѣ и непорушнѣ заховали и заховываютъ къ намъ ⁴¹⁾, яко къ пану своему прирѣжоному дѣдичному,—тыя права, водлѣ первоѣ данины славноѣ памяти отца и брата нашего королей ихъ милости, имъ всимъ знову даемъ и даруемъ, духовнымъ и свѣтскимъ. 31—45.

6. Ино мы на жадање ихъ ⁴²⁾ то вчинили; тыхъ правъ, которыя жъ они мають, какъ было за отца и брата нашего, имъ не руцаемъ, и на штожъ отецъ и братъ нашъ подавали имъ листы свои: ⁴³⁾ 16—20.

7. и досвядчилихмы тыя уставы землянъ повѣту Белскаго, жадаючи лѣпшого, ажебы тежъ весели-

Nos, conditionem terrigenarum districtus Bielscensis, cupientes meliorem, et ut jure optato gaude-

³⁵⁾ „Освѣцѣный“ — эпитетъ, прилагавшійся къ особамъ княжескаго происхожденіи; кромѣ этого титула, были въ употребленіи еще три: *селебный* для особъ духовныхъ, *уроженый* для дворянъ и *славный* для мѣщанъ.

³⁹⁾ Ревностно, старательно.

⁴⁰⁾ Т. е. за великое княжество Литовское и королевство Польское.

⁴¹⁾ Мѣсто это, обильное польскими словами, требуетъ перевода: „...многіе изъ нихъ, будучи въ плѣну, подверглись (одни) жестокой казни, (другіе) тюремному заключенію и всякимъ притѣсненіямъ, но все-таки неизмѣнно, доблестно и непоколебимо сохранили и сохраняютъ вѣрность свою намъ...“

⁴²⁾ По желанію ихъ.

⁴³⁾ Т. е. уставныя грамоты.

лися зъ жадающаго права и они; тежъ тыиже права, яко повѣту Дорогицеому суть даны, даемы и далихмо имъ, и нинѣйшими листы доводимъ мы теперь и на вѣвн; а вшакожъ хтѣлихмо, ажъбы таковѣ права и обычаѣ, такъ презъ насъ онымъ даные, по члонку выписаны были. 25—33.

rent, ipsis eadem jura prout terrigenis districtus Drohicensis data ⁴⁴⁾ sunt, damus et dedimus et praesentibus litteris significamus nunc et in posterum: sed tamen volumus ut hujusmodi jura et consuetudines sic a nobis datae articulatim conscriberentur. 27—35.

В. Мѣста уставныхъ земскихъ грамотъ, заключающія въ себѣ указанія на источники, силу и дѣйствіе этихъ грамотъ.

V. Подтвержденіе вѣснхъ земскихъ правъ и обычаевъ, санкціонированныхъ грамотами прежнихъ великихъ князей ⁴⁵⁾.

4. а) Тежъ хочемъ ласками и пріявными нашими и даръми (ихъ) находити ⁴⁶⁾, яко ихъ панове князата, Витовтъ и отецъ нашъ Казимиръ въ даню и дарованю суть заховали. 20—23.

Item volumus eos gratiis, donis et fauoribus prosequi, quibus eos domini duces magni Witowdus et genitor noster Casimirus in dando et donando sunt prosequuti. 24—28.

б) абовемъ ⁴⁷⁾ тыи вси ⁴⁸⁾ при тыхъ правахъ zostавуемъ, которыи права были имъ даны черезъ короля Владислава и князя Витовта и отца нашего ⁴⁹⁾. 79—82.

Nam eos omnes circa omnia praemissa, reliquimus et relinquimus, quae per divum Vladislaum et ducem Witowdum et genitorem nostrum, erant eis concessa. 92—96.

⁴⁴⁾ Начиная съ этого слова, все, напечатанное курсивомъ, вставлено (на основаніи русскаго текста) издателемъ „Zbiór praw litewskich“, такъ какъ въ Варшавской копіи Литовской Метрики, откуда гр. Дзялинскій заимствовалъ латинскій текстъ Бѣльской грамоты, указанное мѣсто пропушено. См. „Zb. pr. lit.“, p. 83.

⁴⁵⁾ Мѣста грамоты, включенныя въ настоящую статью, указываютъ, что дошедшія до насъ земскія грамоты основаны на древнѣйшихъ, выданныхъ преимущественно въ концѣ XV в. для подтвержденія исконныхъ правъ и обычаевъ отдѣльныхъ земель. Такія же указанія находятся и въ нѣкоторыхъ другихъ пунктахъ грамотъ, которыя по своему содержанию отнесены къ различнымъ отдѣламъ свода.

⁴⁶⁾ Оказывать имъ.

⁴⁷⁾ Итакъ.

⁴⁸⁾ Т. е. всѣ названныя выше классы населенія.

⁴⁹⁾ Рѣчь идетъ о подтвержденіи правъ и обычаевъ, санкціонированныхъ грамотами Владислава—Ягелла, Витовта и Казимира.

с) Тежъ, на остатокъ ⁵⁰⁾, всѣ листы и привилеи, инымъ бояромъ и шляхтѣ и всему посполству въ земли Жомойтской, черезъ освѣдочные короли Владыслава и Казимера и черезъ Витовта и Жыгимонта ⁵¹⁾ великіи князи Литовскіи и инши, даные, тымъ привилеемъ нашимъ знову обновляючи и потвержаючи, потвержаемъ и умоцняемъ, изъбы тотъ привилей нашъ мѣль вѣчную мощность ⁵²⁾, 127—135.

Item et novissima, omnes litteras, privilegia, gratias et libertates, bojaris, nobilibus, et toti communitati in terris Samogitiae nostris, per serenissimos dominos, Vladislaum et Casimirum reges, Witowdum, Sigismundum, magnos duces Lithuaniae, ceterosque datas et concessas patrocinio: praesentis nostri privilegii, de novo innovantes, confirmantesque: approbamus, gratificamus, ratificamus et roboramus, decernentes eosdem, perpetuum robur obtinere. 141—152.

5¹). бо мы старины не рушаемъ, а новины не вводимъ, хотимъ все по тому мѣти, какъ будетъ было за великого князя Витовта и за Жыгимонта ⁵³⁾. 203—206.

6. И мы тыхъ привилеевъ правъ отца и брата нашого ихъ милости выслушавши ⁵⁴⁾, и такъ же есмо ихъ при всихъ тыхъ вышесписанныхъ рѣчахъ zostавили, которыи жъ выписаны и менованы въ

⁵⁰⁾ Въ заключеніе.

⁵¹⁾ Сигизмунда Кейстутевича.

⁵²⁾ Вѣчную силу.

⁵³⁾ Въ подтвердит. грам. 1529 г. все это мѣсто выпущено.

⁵⁴⁾ Представленная для новаго подтвержденія уставная земская грамота предварительно прочитывалась въ присутствіи пановъ—рады тому государю, предъ которымъ ходатайствовало населеніе о новой санкціи; за чтеніемъ иногда слѣдовали заявленія депутаціи отъ земли, представившей для подтвержденія свою грамоту, о тѣхъ измѣненіяхъ и дополненіяхъ въ этой послѣдней, которыя были желательны для населенія. Обыкновеннымъ результатомъ всего этого было приказаніе, данное великокняжеской канцеляріи, объ изготовленіи подтвердительной грамоты, на основаніи прежней (съ измѣненіями или безъ нихъ), отъ имени государя, давшего грамотѣ новую санкцію. Изготовленная подъ присмотромъ канцлера великаго княжества Литовскаго, грамота переписывалась (копія вносилась въ текущую книгу канцеляріи) и, скрѣпленная подписью писаря и печатью государя, подносилась ему для подписи. Впрочемъ, такая подпись не считалась необходимымъ: обыкновенно уставныя грамоты выдавались со скрѣпою только писаря, а еще чаще—съ одною лишь великокняжескою печатью. См. ниже статьи свода СХІ и СХІІІ.

тыхъ правѣхъ отца и брата нашего, и то имъ подтверждаемъ симъ нашимъ привилеемъ, ижъ то имъ маеть держано быти ⁵⁶). 134—141.

VI. Общаніе юсударя, дающаго уставную грамоту, охранять и соблюдать заключающіяся въ ней права и постановленія и не допускать нарушенія ихъ со стороны мѣстныхъ правительственныхъ органовъ ⁵⁶).

3. а про то, зъ ласки наше, для ихъ вѣрной службы, вси тые вышеписанные доброволенства, подлугъ привилея ⁵⁷) и листу судового отца нашего короля его милости, и подлугъ того листу, который его милость до пана Мисолая Радивиловича писалъ о вригдахъ и о новинахъ мѣста Смоленского, и тежъ подлѣ нашего листу, который есмо до пана Юрья Глѣбовича писали,—маемъ мы и наши намѣстники имъ и по нихъ будучимъ держати, и подтверждаемъ имъ то симъ нашимъ листомъ, вѣчно и непорушно, на вѣки вѣкомъ ⁵⁸). 260—271.

4. А тыи вси речи пререченыи, што уверху писано, обѣцумъ | Et haec omnia supra scripta,
имъ, подѣ присягою, ховати и | sub juramento promittimus, firmi-
держати. | ter eis servare et tenere. 139—141.
124—126.

5². И тое право, даное имъ отъ насъ и отъ предковъ нашихъ маемъ во всемъ держати и ни въ чомъ не рушити ⁵⁹). А если бы

⁵⁶) „И мы тѣ (представленные) привилеи ихъ милостей отца и брата нашего (т. е. велик. кн. Казимира и Александра) выслушавъ, въ свою очередь ихъ (т. е. челобитчиковъ) оставляемъ при всѣхъ тѣхъ правахъ и обычаяхъ, которые вписаны и перечислены въ привилеяхъ отца и брата нашего, и все это имъ подтверждаемъ симъ нашимъ привилеемъ (и общаемъ), что все это будетъ соблюдено“.

⁵⁶) Въ настоящей статьѣ заключаются интересныя указанія на то, какъ верховная власть опредѣляла отношенія свои и своихъ мѣстныхъ органовъ къ правамъ населенія, гарантированнымъ уставною земскою грамотою.

⁵⁷) Т. е. согласно съ уставною земскою грамотою, пожалованною Казимиромъ. — Подробнѣе объ актахъ, вошедшихъ въ составъ Смоленской земской грамоты 1505 г. и перечисленныхъ здѣсь, см. выше стр. 83—84.

⁵⁸) См. слѣд. примѣчаніе.

⁵⁹) Здѣсь, какъ и въ предыдущихъ грамотахъ, уставная грамота объявляется актомъ, имѣющимъ обязательную силу для верховной власти: глава государства обязуется не нарушать дарованной землѣ грамоты, но во всемъ сообразовываться съ ея содержаніемъ; такое же общаніе, выраженное въ Жмудской грамотѣ (см. въ этой же статьѣ грамоту подѣ № 4), подтверждено присягою. Однако, прямого приказанія мѣстнымъ правительственнымъ органамъ сообразовывать свою дѣятельность съ пожалованными населенію грамотами,—приказанія, какое постоянно включалось въ уставныя грамоты Московскаго госу-

воеводы наши Кіевскіе нынѣшніе и потомъ будучіе хотѣли имъ въ чомъ—вольвекъ ⁶⁰⁾ кривду и утисненье вчинити, тогда мы и потомковѣ наши будемъ повинни того боронити, и не допускати нѣкоторыхъ члонковъ съ тыхъ правъ рушити, и предъся маемъ ихъ суполнѣ а моцнѣ держати и боронити, абы были въ тыхъ вольностехъ захованы и ни въ чомъ не рушоны, на вѣчные часы ⁶¹⁾. 284—295.

В. Основныя земскія права.

VII. Положеніе отдѣльной земли въ составъ всего государства. (Удостовереніе, что Жмудская земля присоединилась къ государству Литовскому вполне добровольно).

4. Напервѣй, хочемъ, ижъ имъ жадны не маеть мовити, альбо на очи истить, ижъ бы презъ мечъ, альбо черезъ оны валки были звалчоные, але зъ доброю волею пристаи ⁶²⁾. 16—19.

Imprimis itaque volumus, quod nullus ipsis obiicere debet, quod gladio aut armis essent expugnati et acquisiti, ad nostramque reducti obedientiam, sed quia nobis benevole adhaeserunt. 19—23.

дарства,—въ нашихъ грамотахъ мы не находимъ: здѣсь такое приказаніе подразумѣвалось само собою, такъ какъ глава государства обязывался соблюдать всѣ постановленія грамоты не только за себя, но и за своихъ чиновниковъ. См. примѣч. 61.

⁶⁰⁾ Въ чемъ-либо.

⁶¹⁾ Великій князь за себя и своихъ преемниковъ обязуется предъ населеніемъ земли защищать его отъ всякихъ притѣсненій со стороны мѣстныхъ властей (воеводъ, по Смоленск. грамотѣ—на мѣстниковъ) и не допускать этихъ послѣднихъ въ чемъ-либо нарушать права и постановленія, заключающіяся въ пожалованныхъ уставныхъ грамотахъ. Такимъ образомъ, права населенія, изображенныя въ уставныхъ земскихъ грамотахъ, торжественно провозглашаются неприкосновенными какъ для самой верховной власти (см. прим. 59), такъ равно и для мѣстныхъ ея органовъ.

⁶²⁾ Смыслъ тотъ: никто не смѣетъ упрекать Жмудиновъ, что они были побѣждены и присоединены къ государству силою оружія, ибо Жмудъ присоединилась вполне добровольно.—Происхожденіе этого пункта уставной Жмудской грамоты относится ко времени вокняженія Казимира, когда Жмудская земля, недовольная, между прочимъ, своимъ старостю Кезгайломъ, возстала и пригласила къ себѣ княземъ претендента на великокняжескій престолъ Михаила, сына убитаго вел. кн. Сигизмунда Кейстутевича. Яну Гаштольду удалось, однако, не прибѣгая къ оружію, уговорить Жмудиновъ покориться Казимиру добровольно (см. выше стр. 68). Въ подтвердительной Жмудской грамотѣ, данной королемъ Генрикомъ въ 1574 г., этотъ же пунктъ изложенъ гораздо пространнѣе: „Ижъ продки обывателей земли Жомойтскоѣ ихъ милости продкомъ нашимъ великимъ княземъ Литовскимъ сами добровольнѣ подъ панованье ся поддали, а не мечомъ, а ни ивалтомъ до того

VIII. Неделимость и цельность состава земли.

3. А што Швитригаило отвернулъ былъ волости отъ Смоленска, тые волости зася его милость привернулъ къ Смоленску; и што великій князь Витовтъ обернулъ былъ ко Мстиславлю ⁶³⁾ Смоленскоѣ волости Молоховскіи люди, и тые люди его милость опять привернулъ къ Молохвѣ, по старому; а тыхъ волостей Смоленскихъ никому не держати, ни жили бояромъ Смоленскимъ же ⁶⁴⁾. 77—85.

IX. Право земскихъ бояръ на управленіе волостями земли; управленіе пригородами.

3. А што волости держивали бояре Смоленскіе, то таки ихъ держати по старому, какъ пожалуемъ второго боярина Смоленского которою волостью ⁶⁵⁾. 73—77.

притѣснены...; и яко то на привилѣяхъ отъ ихъ милости князей Литовскихъ имъ есть варовано, такъ и мы государь то признаваемъ, ижъ они яко до предковъ нашихъ вел. кн. Литовскихъ, такъ и до насъ государя, за добровольнымъ образомъ, яко вольный народъ приступили“ (Ак. Зап. Рос. III, № 59).

⁶³⁾ Мстиславъ (нынѣ уѣздный городъ Могилевской губерніи; лежитъ къ западу отъ р. Сожи) при Витовтѣ былъ отданъ (около 1420 г.) въ удѣлъ одному изъ сыновей Ольгерда, Лугвенію (Stadnicki: „Wgasia Wł.—Jag.“, 291); тогда же, по всей вѣроятности, были увеличены его владѣнія на счетъ территоріи Смоленской земли.

⁶⁴⁾ Всякая попытка нарушить древній составъ земли, попытка уменьшить ея территорію путемъ присоединенія отдѣльныхъ ея частей къ др. территоріальнымъ единицамъ считалась нарушеніемъ одного изъ основныхъ правъ земли,—права на неделимость и цѣльность ея состава. Вотъ почему волости, самовольно отторгнутыя Свидригелломъ и Витовтомъ, снова присоединяются къ Смоленской землѣ, и снова восстанавливается право Смоленскихъ бояръ управлять этими волостями (см. слѣд. примѣч.). Все это показываетъ, что представленіе о территоріальномъ единствѣ земля не только сохранилось въ сознаніи населенія, но не было также чуждо и самому правительству; такое представленіе поддерживалось какъ памятью о бывшей независимости земли, такъ и послѣдующимъ положеніемъ дѣлъ, тою значительною самостоятельностью въ административномъ и судебномъ управленіи, какою пользовались отдѣльными землями при Литовскихъ в. князьяхъ.

⁶⁵⁾ Управленіе отдѣльными волостями земли принадлежитъ туземцамъ, а именно оно является исконнымъ („по старому“) правомъ земскихъ бояръ. „Это право, дѣйствовавшее повсюду, состояло въ томъ, что управленіе волостями (но не пригородами) распределялось по очереди, по годамъ между земскими боярами старшаго города, въ чемъ отразилась древнѣйшая власть старшаго города надъ его землею“ (М. Ф. В.-Будановъ: „Христоматія“ вып. 2, стр. 57). Это же право Смоленскихъ бояръ признано и въ отношеніи къ волостямъ, отторгнутымъ отъ Смоленской земли Свидригелломъ и Витовтомъ и

Б¹. А волости Кіевскіе Кіаномъ держати, а иному нивому. А городи Кіевскіе въ нашой воли: Кіаномъ будемъ давати, кому ся будетъ годити ⁶⁶). 101—104.

Б². А городи и волости Кіевскіе Кіаномъ держати, а нивому иному: будемъ ихъ давати, кому ся будетъ годити ⁶⁷). 126—128.

X. *Объщаніе вел. князя не жаловать никою волостями и городами земель и въ частности не жаловать воеводъ управленіемъ центральною города земли на правахъ владѣнія по частному праву* ⁶⁸).

1. А Витбляны намъ не даритися нивому. 74—75.

2. а) А Полочаны намъ не даритися нивому. 193—194.

б) А воеводу городомъ не дарити ⁶⁹). 230.

иновъ присоединеннымъ къ ней Казиміромъ (см. конецъ предид. статьи свода). О правѣ бояръ Полоцкихъ управлять волостями въ земской Полоцкой грамотѣ не упоминается, но изъ другихъ актовъ мы узнаемъ, что оно существовало и въ Полоцкой землѣ: бояре Полоцкіе управляли по годамъ волостями, судили тамъ и рядили. См. Ак. Зап. Рос. I, № 175 (ак. отъ 1499 г.).

⁶⁶) Относительно волостей Кіевской земли подтверждается то же право земскихъ бояръ, о которомъ было сказано въ предыдущемъ примѣчаніи. Что же касается пригородовъ („городковъ“), то хотя намѣстничество въ нихъ принадлежитъ исключительно туземцамъ, но право назначить намѣстникомъ въ пригородъ того или другого изъ уроженцевъ Кіевской области принадлежитъ уже князю: онъ воленъ назначить для управленія пригородомъ того, кого онъ найдетъ пригоднымъ для этой дѣл.

⁶⁷) Здѣсь, въ подтвердительной грамотѣ 1529 г., замѣчается сравнительно съ грамотою предыдущей существенное измѣненіе: относительно управленія пригороди и волости сравнены,—и въ тѣ, и въ другія управителями назначаются туземцы, но выборъ опредѣленнаго лица зависитъ исключительно отъ усмотренія великаго князя.

⁶⁸) Случаи отдачи городовъ и дѣлныхъ волостей въ управленіе съ правами владѣнія по частному праву были нерѣдки въ Литвѣ. Такъ, напр., въ 1450 г. вел. кн. Казиміръ пожаловалъ кн. Ив. Андр. Можайскому г. Брянскъ (Ак. Запад. Рос. I, № 52); въ 1499 г. вел. кн. Александръ пожаловалъ кн. Федору Ив. Ярославичу г. Пинскъ со всѣми волостями и на жалобу жителей Пинска, вызванную различ. притѣсненіями, отвѣчалъ въ 1501 г.: „коли есмо дали ему (кн. Фед. Ярославичу) тотъ городъ у вотчину, маеть его держати, такъ какъ-то отчичъ, прибавляючи и расширяючи, какъ то самъ налѣпѣй розумѣючи, какъ-то господаръ отчинный свое нѣбье, подлугъ данины и листовъ отца нашего и нашихъ...“ (Ак. Зап. Рос. I, № 191).

⁶⁹) Въ подтвердительной грамотѣ 1547 г.: „А воеводу городомъ не даровати“.—Смыслъ всѣхъ этихъ мѣстъ окончательно уясняется при сравненіи ихъ съ параллельнымъ пунктомъ подтвердительной грамоты 1510 г., данной г. Полоцку на магдебургское право: „А намъ мѣщаны Полоцкими, а ни изъ землями ни кого не даровати“ (Ак. Запад. Рос. II, № 61, стр. 77).

XI. Обь участіи населенія земель въ назначеніи и смѣнѣ воеводъ, старостъ и другихъ лицъ мѣстнаго управленія.

1. Такожь имъ намъ давати воеводу по старому, по ихъ воли; и который имъ будетъ нелюбъ воевода, а обмовятъ его передъ нами: ино намъ воеводу имъ иного дати, по ихъ воли ⁷⁰); 91—95.

2. Также намъ господару девати воеводу нашего Полочаномъ, по ихъ воли; а который будетъ воевода нашъ нелюбъ имъ, ино намъ имъ воеводу иного дати по ихъ воли ⁷¹); 222—226.

<p>4. а) Тежь старосту которого бы хотѣли мѣти, того имъ даемъ, а вѣдь же зъ нашою волею ⁷²).</p>	<p>Item capitaneum, quem habere voluerint eis dabimus, nostra ta- men voluntate etiam ad hoc ac- cedente.</p>	<p>42—43. 50—52.</p>
--	---	----------------------

⁷⁰) По мѣрѣ уничтоженія въ Литовско-Русскомъ государствѣ удѣльной системы, удѣлы преобразовывались въ намѣстничества. Намѣстникъ соединялъ въ своихъ рукахъ всѣ функціи мѣстнаго управленія: вмѣстѣ съ военною властью онъ обладалъ и властью судебною и административною. Такими намѣстниками были при Витовтѣ извѣстные намъ — Монтигирдъ въ Полоцкѣ и кн. Юанъ Гольшанскій въ Кіевѣ, а при Сигизмундѣ Кейстутъ-евичѣ — Юанъ Гаштольдъ въ Смоленскѣ. Иногда при этихъ намѣстникахъ въ качествѣ помощниковъ состояли воеводы; такъ, напр., при Гаштольдѣ въ Смоленскѣ былъ воеводоу Саковичъ (см. выше стр. 59). Нѣсколько позже, приблизительно съ половиною XV в., когда связь отдѣльныхъ земель съ государствомъ упрочилась, вмѣсто прежнихъ намѣстниковъ въ главныя города земель посылаются воеводы, которые становятся во главѣ мѣстнаго управленія. Такъ, наприимѣръ, для управленія Кіевскою землею при Казимірѣ назначенъ былъ воеводоу Мартинъ Гаштольдъ; также точно и въ Полоцкѣ и въ Витебскѣ посылаются уже съ половиною XV в. не намѣстники, а воеводы. Въ Смоленскѣ же и въ началѣ XVI в. во главѣ управленія оставался попрежнему намѣстникъ. Существенное отличіе прежняго намѣстника отъ воеводы, стоявшаго во главѣ земли, заключалось главнымъ образомъ въ томъ, что намѣстникъ назначался исключительно великимъ княземъ и при томъ большею частью пожизненно, выборъ же воеводы зависѣлъ, какъ это видно изъ нашихъ грамотъ, отъ населенія той или иной земли; послѣднее обстоятельство ставило воеводу въ зависимость отъ этого населенія: по жалобѣ его (см. настоящую статью свода) воевода могъ быть смѣщенъ, а при вступленіи на свой постъ обязанъ былъ цѣловать крестъ населенію въ томъ, что будетъ справедливымъ и безпристрастнымъ судьей (см. ниже статью свода XLIV). Право участія (нѣкоторныхъ) земель въ назначеніи и смѣнѣ воеводъ, — право, которое считалось древнимъ („давати воеводу по старому, по ихъ воли“), — являлось лучшею гарантіей населенія отъ произвола и всякихъ беззаконій какъ со стороны воеводы, такъ и со стороны его чиновниковъ. Ко всему сказанному слѣдуетъ, впрочемъ, прибавить, что въ началѣ XVI в. терминъ „воевода“ и „намѣстникъ“ употреблялись нерѣдко довольно безразлично; такъ, воевода Полоцкій Станиславъ Глѣбовичъ названъ въ одномъ актѣ 1508 г. намѣстникомъ (Ак. Запад. Рос. I, № 210); воевода Кіевскій въ земской

б) Тежъ жадныхъ иныхъ воеводъ и тивуновъ не мамы имъ давати, одно тыхъ, которыхъ бы они собѣ обрали, альбо хотѣли обрати, (съ) своихъ повѣтовъ, або которыхъ бы у насъ просили ⁷³⁾. 97—101.

Item nullos alios wojewodos et civonos eis dabimus, solummodo quos ipsi elegerint, vel eligent de districtibus suis, et quos a nobis petant. 112—115.

XII. Общаніе вел. князя не посылать жителей земли, получающей устав. грамоту, въ др. города для гарнизонной службы, а равно безъ ихъ согласія не присылать къ нимъ гарнизоновъ.

1. а) а въ заставу ⁷⁴⁾ нигдѣ Витблянъ не сажати. 47—48.

б) а мѣстичовъ Витебскихъ зъ города Витебска не вестя вонъ. 123—125.

грамотѣ 1507 г. называлъ также намѣстникомъ, и неточность эта исправлена лишь въ подтвердительной грамотѣ 1529 года.

⁷¹⁾ Въ подтвердит. Полоцкой грамотѣ 1547 г. слова: „а который будетъ...“ и т. д. до конца—опущены.

⁷²⁾ Во главѣ мѣстнаго управленія въ Жмудской землѣ со временъ Витовта стоялъ не намѣстникъ и не воевода, а староста. Первымъ старостою всей Жмуди былъ Кезгайло, назначенный Витовтомъ въ 1413 г., тотчасъ послѣ крещенія Жмудиновъ. Староста Жмудской земли (а также старосты въ землѣ Бѣльской и Волынской) по объему власти былъ равенъ намѣстнику или воеводѣ другихъ земель; его поэтому не слѣдуетъ смѣшивать съ другими старостами, стоявшими въ главѣ отдѣльныхъ повѣтовъ и зависящихъ отъ воеводы.

⁷³⁾ Какую роль играли въ мѣстномъ управленіи Жмудскіе воеводы, сказать трудно; ясно только, что они стояли ниже Жмудскаго старосты и были ему подчинены. Весьма вѣроятно, что они были начальниками военныхъ силъ отдѣльныхъ повѣтовъ земли. Что касается *тивуновъ* (тіуновъ), то они выбирались населеніемъ и утверждались великимъ княземъ, главнымъ образомъ, для отправленія правосудія въ отдѣльныхъ повѣтахъ. Жмудскіе тивуны присутствовали также и на судѣ старосты, который не могъ судить „безъ пановъ тивуновъ“ (Ак. Запад. Рос. II, № 221). Изъ Судебника 1468 г. (ст. 9—10) видно, что тивуны не только судили, но и управляли отдѣльными повѣтами. Для управленія великокняжескими мѣстными и для суда въ предѣлахъ этихъ мѣстныя назначались также тивуны. Тивуны были переименованы Л. Статутомъ 1529 г. въ *державцевъ*, при чемъ за ними было оставлено право судить лишь туглыхъ людей (Лит. Ст. 1529 г., р. VI, ар. 33). Впрочемъ, указанное постановленіе Статута, очевидно, не относилось къ Жмудской землѣ, такъ какъ въ этой послѣдней тивуны сохранили свое прежнее значеніе до конца XVI в. (Ак. Зап. Рос. III, № 59).

⁷⁴⁾ „Застава“ (см. Słownik Lindego, t. VI, р. 906—907) значитъ не только закладъ, залогъ, но также и отрядъ войска, гарнизонъ. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ упо-

2. А въ заставу намъ бояръ и мѣщанъ Полоцкихъ и поселскихъ путниковъ ⁷⁶⁾ не посылати; а заставъ намъ въ Полтескѣ и въ которыхъ Полочаномъ николи не давати, безъ ихъ воли. 103—107.

XIII. Общаніе не производитъ суда за предѣлами земли.

1. Такожь который ся отъ насилья жаловати будетъ намъ Витблянинъ на Витблянина жъ, пріѣхавъ въ Литву: и безъ истьца ⁷⁶⁾ намъ на него дѣцего ⁷⁷⁾ зъ Литвы не слати, давати ему нашъ листъ къ нашему воеводѣ, хотя бы о смертной винѣ ⁷⁸⁾, 110—116.

треблено слово „застава“ въ Лѣтописи Быховца (стр. 36); въ этомъ же смыслѣ мы понимаемъ его и въ данномъ случаѣ. См. также ниже ст. XXX и Ак. Запад. Рос., II, № 221, п. 1.

⁷⁶⁾ О Полоцкихъ *посельскихъ путникахъ*, которые назывались также „сельскими путниками“ или просто „путниками“ (путные люди, п. слуги), мы имѣемъ довольно обстоятельныя свѣдѣнія, заключающіяся въ различныхъ актахъ, относящихся къ г. Полоцку и Полоцкой землѣ. Полоцкіе путники—люди лично свободные—владѣли (какъ и мѣщане) на правѣ собственности землями, лежавшими вокругъ города и приписанными къ городу, а также и дворами и домами въ городѣ (Ак. Запад. Рос. I, № 175). Главная ихъ обязанность заключалась въ сопровожденіи великокняжескихъ пословъ, которымъ они должны были также давать подводы (*ibid.*); кромѣ того, вмѣстѣ съ мѣщанами они обязаны были являться для защиты города (зѣмка), содержать караулы при острогѣ и платить подати (*ibid.* №№ 159, 210). Когда дано было Полоцкимъ мѣщанамъ Магдебургское право (въ 1498 г.), оно было распространено и на путниковъ (*ibid.* № 159); впоследствии, однако, они были изъяты изъ вѣдѣнія мѣщанскаго суда и причислены къ городскому (замковому) присуду (*ibid.* № 210). Все сказанное относится лишь къ путникамъ Полоцкимъ и Витебскимъ (см. ст. LXI). Въ нѣсколько иномъ положеніи путники находились въ др. областяхъ Литовско-Русскаго государства. Въ различныхъ актахъ они обыкновенно называются *путными боярами* (см., напр., Ак. Запад. Рос. II, № 159 III, № 19); и упоминаются на ряду съ *боярами панцирными*; первыхъ отъ вторыхъ обыкновенно различаютъ (В. Б. Антоновичъ, Ф. И. Леонтовичъ, И. Бѣдлевъ) тѣмъ, что первые несли военную службу, а вторые развозили грамоты (листы), сопровождали государскихъ пословъ и т. п. И тѣ и другіе пользовались за свою службу участками земли или въ государскихъ, или въ частныхъ имѣніяхъ и, чьей землею пользовались, тому и служили. Бояре путные, поселенные на земляхъ государскихъ, обыкновенно получали по 2 волоки земли, уплачивали различные налоги, но отъ тяглыхъ службъ были свободны; отправлялись же „въ путь“ лишь по приказанію государя (Ак. Запад. Рос., III, № 19, стр. 72). По поводу путныхъ и панцирныхъ бояръ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ совершенно вѣрно замѣчаетъ: „слово бояринъ въ земляхъ литовскихъ имѣло не всегда одно и тоже значеніе: въ нѣкоторыхъ земляхъ (Кіевской, Полоцкой и—прибавимъ отъ себя—Витебской и Смоленской) бояре сохранили значеніе шляхты и поминаются рядомъ съ князьями и панами; въ др. мѣстахъ они сошли на степень еще болѣе низкую, чѣмъ восточно-русскія *дѣти боярскія*, ибо служатъ не только государю, но и панамъ“ (Рус. Истор. II, 93).

2. А который Полочанинъ имѣтъ намъ о чемъ жаловатися о насильи на Полочанина жъ, прїѣхавши въ Литву одинъ, безъ истца: намъ зъ Литвы дѣцего не слати, писати намъ листъ свой къ воеводѣ нашому, хотя бы о смертной винѣ: ⁷⁹⁾ 238—242.

4. Тежъ дѣцкихъ только по рѣкѣ Несвѣжу маемъ слати ⁸⁰⁾. 40—41. | Item ministeriales, alias dzier-
| czkie ultra fluvium Nieswieza mit-
| tere non debemus. 47—49.

⁷⁹⁾ Т. е. безъ отвѣтника. Здѣсь, какъ и въ другихъ древнѣйшихъ законодательныхъ памятникахъ (напримѣръ, въ Русской Правдѣ, Псковской и Новгородской судныхъ грамотахъ), обѣ тяжущіяся стороны именуется одинаково „истцами“.

⁷⁷⁾ *Дѣтскій* (дѣцкій)—исполнительный чиновникъ (приставъ), на которомъ лежала, между прочимъ, обязанность требовать къ суду отвѣтника.

⁷⁸⁾ См. слѣд. примѣчаніе.

⁷⁹⁾ Смыслъ этого и параллельнаго ему мѣста Витебской грамоты (№ 1) таковъ: если какой-либо Полочанинъ (или Витеблянинъ) принесетъ великому князю жалобу по уголовному дѣлу („отъ насилья жаловати будетъ“) на своего согражданина, явившись для этого въ Литву одинъ, безъ отвѣтника, то великій князь не долженъ требовать къ своему суду отвѣтника, а можемъ только написать мѣстному воеводѣ о производствѣ слѣдствія и суда на мѣстѣ жительства обѣихъ сторонъ, даже и въ томъ случаѣ, если бы отвѣтникъ за свое преступленіе, доказанное на судѣ, подлежалъ смертной казни.—По поводу приведеннаго мѣста Витебской грамоты М. Ф. В.-Будановъ замѣчаетъ: „Высшая судебная власть исходитъ отъ государя не какъ вел. кн. Литовскаго, а какъ князя Земли Витебской (или другой); потому судъ не м. б. производимъ за предѣлами Земли Витебской“ (Христоматія, II, 50). Добавимъ къ этому, что судъ не м. б. производимъ за предѣлами земли еще и потому, что судъ надъ всякимъ гражданиномъ той или иной земли долженъ производиться подъ контролемъ (съ участіемъ) представителей земства и при томъ по мѣстному обычному праву земли (см. ст. свода LXXXIX). Правило, по которому судъ не м. б. производимъ за предѣлами земли, распространялось на всѣ уголовныя дѣла и было общимъ для всѣхъ древне-русскихъ земель; по крайней мѣрѣ уже изъ нашихъ грамотъ видно, что оно имѣло силу не только въ Полоцкой и Витебской, но также и въ Кіевской и въ Волынской земляхъ, хотя въ уставныхъ грамотахъ двухъ послѣднихъ земель оно прямо и не выражено (см. примѣч. къ XXIX ст. свода). Единственное исключеніе изъ этого общаго правила (какъ, кажется, можно заключить изъ смысла разсматриваемыхъ мѣстъ Витебской и Полоцкой грамотъ) допускалось лишь въ томъ случаѣ, если обѣ стороны—и потерпѣвшій и отвѣтникъ—добровольно рѣшали обратиться къ суду вел. князя (см. слова: „одинъ, безъ истца“). О судѣ по дѣламъ гражданскимъ см. примѣчаніе къ ст. XCII.

⁸⁰⁾ Рѣка Несвѣжа, т. е. Нѣвьяга (сѣверный притокъ р. Нѣмана, впадающій въ него къ западу отъ г. Ковно) отдѣляла Жмудъ отъ Литвы. Запрещеніемъ посылать дѣтскихъ за р. Нѣвьягу, т. е. въ предѣлы Жмуди, выражается въ сущности тоже, что въ выше приведенныхъ пунктахъ Витебской и Полоцкой грамотъ: судъ надъ Жмудиномъ не можетъ производиться за предѣлами Жмудской земли. Что рѣка Нѣвьяга служила границею Жмудской земли со стороны Литвы, это видно изъ подтверждающей Жмудской грамоты 1574 г. и др. актовъ. См. Ак. Зап. Рос. III, № 59, п. 11; II, № 221, шп. 5—6.

XIV. Общаніе вел. князя не мнѣять судебныхъ рѣшеній, получившихъ законную силу.

1. а) А предьовъ нашихъ великихъ князей судовъ не посуживати ⁸¹⁾; 35—36.
 б) а своихъ судовъ, судивши, не посуживати; 38—39.
 2. А старыхъ судовъ намъ не посуживати ⁸²⁾. 102—103.

XV. Право населенія производить судъ о вѣсахъ и мѣрахъ и торговыхъ проступкахъ.

1. Таковъ же и въ вѣсы Витебскіи, а ни въ локоть намъ не вступатися ⁸³⁾; а коли который Витблянинъ у вѣсѣхъ проступитъ, або у локти ⁸⁴⁾: ино Витблянномъ самимъ казнити виноватого, по своему праву, а намъ въ то не вступатися. А въ которого Витблянина загудятъ воскъ въ Ризѣ, або индѣ, а прїѣдетъ до Витебска: ино Витблянномъ, самимъ, казнити виноватого, а намъ въ то не вступатися ⁸⁵⁾. 62—70.

2. Также въ которого Полочанина загудятъ воскъ въ Ризѣ или индѣ, а прїѣдетъ до Полоцка: ино Полочаномъ взяти тотъ воскъ къ собѣ

⁸¹⁾ „Не посуживати“ — не пересуживать, не перевершать законченнаго дѣла. Судебныя рѣшенія, получившія законную силу, не переменяются и не отменяются.

⁸²⁾ Этотъ пунктъ о неповторяемости судебныхъ рѣшеній (по одному и тому же дѣлу) въ подтвердительной грамотѣ 1547 г. дополненъ, по примѣру грамоты Витебской, словами: „а ни своихъ судовъ судивши не посуживати“.

⁸³⁾ Въ дѣла торговли (во все, что имѣетъ связь съ вѣсомъ и мѣрою) великій князь не долженъ вмѣшиваться. — Локоть — ливенная мѣра — почти 14 вершкамъ. Впрочемъ, различался локоть Литовскій и Польскій; послѣдній нѣсколько менѣе перваго.

⁸⁴⁾ Здѣсь разумѣется не только простой (хотя и умыленный) обмѣръ и обвѣсъ при продажѣ, куплѣ и мѣнѣ товаровъ, но также обмѣръ и обвѣсъ квалифицированный, произведенный съ помощью умышеннаго употребленія невѣрныхъ вѣсовъ или мѣръ, образцы которыхъ въ такихъ торговыхъ городахъ, какъ Новгородъ, Псковъ, Полоцкъ и Витебскъ, хранились обыкновенно въ соборномъ храмѣ главн. города земли вмѣстѣ съ другими предметами, имѣвшими общественное значеніе.

⁸⁵⁾ Если у какого-либо Витблянина воскъ, привезенный для продажи въ Ригу или въ иной городъ, будетъ забракованъ, найдены недоброкачественнымъ (подразумѣвается, что эта недоброкачественность воску была извѣстна продавцу), то таковой Витблянинъ, по возвращеніи своемъ на родину, подвергается суду (общинному) и наказывается по мѣстному праву, безъ всякаго вмѣшательства въ это дѣло вел. князя.

въ городъ ⁸⁶⁾, а казнити того ⁸⁷⁾ Полочаномъ по своему праву, а намъ въ то ся не вступать ⁸⁸⁾. 186—191.

XVI. Оуражденіе личности гражданъ земли отъ посягательства со стороны властей. (Одъщаніе вел. князя наказывать только по суду и по степени вины и не карать по одному доносу, безъ предварительнаго гласнаго суда).

1. а) а о обади исправя дати ⁸⁹⁾. 34—35.
 б) чинити намъ зъ Витбляны по испросу, а безъ исправы Витблянина не казнити ⁹⁰⁾; 36—38.
 в) а вина прійдетъ, ино намъ ихъ по винѣ казнити ⁹¹⁾. 39—40.
 г) А на заочное повѣданье не вѣрити; а хто иметь намъ ихъ обмовляти, того намъ Витбляномъ объявити ⁹²⁾, 45—47.

⁸⁶⁾ Полоцкая грамота пополняетъ Витебскую (см. предид. примѣч.): забранный въ Ригѣ (или въ другомъ мѣстѣ) воскъ конфискуется въ пользу города.

⁸⁷⁾ Въ подтверд. грамотѣ 1547 г. въ данномъ и въ другихъ мѣстахъ, всюду вмѣсто „казнити“—„карати“. Слово „казнити“ и здѣсь и въ Витебской грам. надо понимать не въ смыслѣ—передать смертной казни, а вообще—наказать, подвергнуть, по степени вины, заслуженной карѣ.

⁸⁸⁾ Изъ настоящей статьи свода видно, что нѣкоторые уголовныя дѣла, а именно: дѣла объ обмѣрѣ, обвѣсѣ и торговлѣ недоброкачественными предметами, были предоставлены непосредственному суду общины, безъ вмѣшательства въ него княжескихъ органовъ. Такое изыятіе объясняется историческимъ прошлымъ Витебска и Полоцка. При постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ этихъ городовъ, дорожившихъ своею торговою репутаціей и тѣмъ благосостояніемъ, которое основывалось на обширной торговлѣ, указаннаго преступленія, несомнѣнно, искони разсматривались, какъ преступленія земскія, и подлежали поэтому суду всего вѣча. Съ прекращеніемъ же своей политической независимости, земли эти выговорили себѣ у Литовскихъ князей, какъ одно изъ основныхъ земскихъ правъ, право судить общиннымъ судомъ и наказывать виновныхъ въ недобросовѣстной торговлѣ.

⁸⁹⁾ При обвиненіи назначать судъ; другими словами: при обвиненіи кого-либо въ какомъ-либо преступленіи, дѣло передавать на усмотрѣніе суда.—Въ подтвердительной грамотѣ 1509 года вмѣсто „обада“, т. е. обвиненіе, клевета, употреблено слово „обда“ (Zbiór praw lit., 100).

⁹⁰⁾ Въ подтвердит. грам. это мѣсто изложено нѣсколько яснѣе: „sciniti nam z Witeblianu rozrofu, a bezprawne Witeblanina ne kazniti“ (Zbiór praw lit., 100). Судъ надъ Витебляниномъ производится съ участіемъ Витеблянъ (т. е. съ участ. земск. представителей); безъ суда же Витеблянинъ не можетъ быть наказанъ.

⁹¹⁾ Виновнаго наказывать по степени его вины.

⁹²⁾ Заочному обвиненію или доносу не вѣрити; а о томъ, кто будетъ кого-либо изъ Витеблянъ передъ нами (т. е. великимъ княземъ или вообще властями) оговаривать, сообщать Витеблянамъ.

2. А хто кого обвадить явно, а любо тайно, ино намъ его не казнити ни одною виною, а ни имѣньемъ, ни нятствомъ, ни сребромъ, ни шыєю ⁹³), алижъ поставити его очи на очи на явномъ судѣ хрестіянскомъ, и того хто вадитъ, и того на кого вадитъ, и досмотрѣвши межъ ними справедливости, хто будетъ што заслужилъ, и какъ право уважетъ, такъ его казнити ⁹⁴). 43—51.

4. Тежъ, естли бы были нѣ-
которые жалобы напротивку имъ,
а естли бы тежъ былъ хто обва-
жонъ альбо обвиненъ, тогда не
маеть быти нарокъ, толькo на-
передъ правомъ Литовскимъ маеть
быти сужонъ ⁹⁵). 92—96.

Item, accusationes contra eos
confectas, non audiemus et novi-
tates ejus non imponemus. Ubi
vero fuerit quis accusatus, puniri
non debet, donec sit in iudicio
legitime convictus. 107—111.

5¹. а безъ права ⁹⁶) намъ людей не казнити, а ни губити, а ни имѣней не отнимати; коли который завинитъ што, ино, осадивъ, право

⁹³) Въ подтверд. грам. 1547 г.: „горломъ“. „Карать горломъ (или шыєю)“—предать смертной казни.

⁹⁴) Если кто гласно обвинитъ въ чемъ-либо другого или сдѣлаетъ на него доносъ, то обвиняемый или вообще оговоренный по одному лишь обвиненію или доносу не долженъ подвергаться никакому наказанію: онъ не лишается имущества, не подвергается тюремному заключенію, денежному штрафу или смертной казни; въ случаѣ обвиненія или доноса оба — и обвиняемый и обвинитель — представляются для очной ставки въ судъ, гдѣ гласно разсматривается обвиненіе и рѣшается, справедливо ли оно; судъ затѣмъ постановляетъ сообразно съ законами, кого и какому наказанію подвергнуть.—Ясно, что этимъ постановленіемъ личность всякаго гражданина ограждалась двоякимъ образомъ: 1) всякому обвиняемому или оклеветанному предоставлена была возможность доказать на судѣ свою невинность, 2) всякій обвинитель, не доказавшій своего обвиненія или доноса, подвергался наказанію за ложный доносъ.

⁹⁵) Ф. И. Леонтовичъ *нарокъ* Жмудской устав. грамоты приравниваетъ *поклапу* Русской Правды („Рус. Правда и Лит. Статутъ“, 51, пр. 2), т. е. придаетъ ему смыслъ предварительнаго судебного дѣйствія. Однако, изъ приведен. текста видно, что *нарокъ* надо понимать здѣсь въ смыслѣ заключительнаго судебного акта,—постановленія судебного рѣшенія. (Нарокъ—опредѣленіе, постановленіе; см. Акад. Слов.). Такимъ образомъ, данное мѣсто Жмуд. грам. слѣдуетъ перевести такъ: въ случаѣ жалобы на к.-л. изъ Жмудиновъ или тайнаго обвиненія, приговоръ (нарокъ) надъ обвиняемымъ постановляется не раньше, какъ послѣ предварит. судеб. разбирательства, произведен. на основаніи Литовскаго права.—Въ латинскомъ текстѣ добавлено запрещеніе вводить новины (novitates); то же встрѣчаешъ и въ подтверд. грамотѣ 1574 г. (Ак. Запад. Рос. III, 180); кромѣ того, въ этой послѣдней вмѣсто „правомъ Литовскимъ“ стоитъ „водлугъ правъ оноу земли Жомойтской“.

⁹⁶) Безъ суда.

што уважить, виноватого по его винѣ казнити ⁹⁷⁾. А хто кого абадить, а любо обмовить, тайноль, явноль, ино того ни одною виною не казнити, ни нятствомъ, ни шыєю: олижъ поставити на явномъ суду хрестіянскомъ того, который вадить, и того, на кого важено, и, досмотрѣвъ межи ними, право вчинити ⁹⁸⁾; 22—32.

Б². *НВ. Дословно тоже, что и въ предыдущей грамотѣ.* 48—58

XVII. Право петицій.

1. А чоломъбитѣ намъ у Витблянъ пріймати; 40—41.

2. А чоломъбитѣ намъ въ Полочанъ пріймати. 248—249.

XVIII. Право выселенія изъ земли и государства.

1. Также Витблянномъ жити у Витебску доброволно, всякому, по старому, покуль хто всхоцеть; а которому Витблянину будетъ отъ насъ насилно, а будетъ ему нелюбо: намъ его силою не держати, ино ему путь чистъ, куды хочеть ⁹⁹⁾, безо всякоѣ зачѣпки ¹⁰⁰⁾; а пойти ему прочъ въ нашу отчину, въ Литву, не тайно, Светому Благовѣщенью чоломъ ударивши, и нашому воеводѣ объявивъся и своей братьи мужомъ Витблянномъ; 99—108.

2. Тежъ Полочаномъ всимъ жити въ Полоцку доброволно, покуль хто хочеть; а будетъ ли которому Полочанину отъ насъ насильство, намъ его силою не держати: ино ему путь чистъ, куды хто хочеть, безъ каждоѣ зачепки ¹⁰¹⁾; 230—235.

Г. О правахъ церкви, церковномъ имуществѣ и духовенствѣ.

XIX. О неприкосновенности православной вѣры.

3. На-первѣй, штожъ намъ хрестіянства Греческого закону не рушити, налоги ¹⁰²⁾ имъ на ихъ вѣру не чинити, 42—45.

⁹⁷⁾ Здѣсь „осадивъ“ употреблено ошибочно вм. „осудивъ“. Если кто провинится въ ч.-л., то, разсмотрѣвъ дѣло, виновнаго наказати по степени его вины, какъ рѣшитъ судъ.

⁹⁸⁾ Здѣсь почти дословно тоже, что и въ грамотѣ Полоцкой (см. гр. № 2 и примѣч. 94).

⁹⁹⁾ „Куда хочеть“ ограничено ниже словами: „въ нашу отчину, въ Литву“. Витеблянинъ можетъ выселиться изъ родной земли, но не изъ государства. Другое ограниченіе: Витеблянинъ долженъ покидати свою землю не тайно, но съ вѣдома воеводы и согражданъ.

¹⁰⁰⁾ Безпрепятственно.

¹⁰¹⁾ Здѣсь право выселенія не имѣетъ тѣхъ ограниченій, какія мы находимъ въ Витебской грамотѣ (см. примѣч. 99). Отсюда можно сдѣлать заключеніе, что Полочанинъ

XX. *Ограждение правъ Литвиновъ и Ляховъ, принявшихъ православіе.*

1. Такъ же которые будутъ, Литвинъ, або Ляхъ, крещены были у Витебску въ Рускую вѣру, а хто изъ того роду и тепере живеть, того намъ не рушити, права ихъ хрестіаньского ¹⁰³⁾ ни въ чомъ не ломити ¹⁰⁴⁾. 125—129.

XXI. *О невмѣшательствѣ свѣтской власти въ церковныя дѣла, церковныя доходы и недвижимыя имущества церкви.*

1. штожь намъ въ дома церковныя, въ домъ Божій светоѡ Богородицы, и въ домъ Божій Светого Духа, и тежь въ домъ Божій Благовѣщеня Пречистоѡ и въ иные церькви не вступатися ¹⁰⁵⁾; 21—25.

2. Напервѣй, въ церевы Божьи и въ имѣнья церковныя намъ

могъ безпрепятственно выселиться не только изъ родной земли, но даже изъ предѣловъ государства.

¹⁰³⁾ Притѣсненія.

¹⁰³⁾ Сумма правъ, которою обладалъ каждый гражданинъ земли, въ устав. земск. грамотахъ обыкновенно называется „правомъ хрестіаньскимъ“.

¹⁰⁴⁾ Потомковъ Литовцевъ и Поляковъ, принявшихъ въ Витебскѣ православіе, вел. князь обѣщаетъ не притѣснять и не ограничивать въ правахъ.

¹⁰⁵⁾ Здѣсь, какъ и въ нижеслѣдующихъ грамотахъ, вел. князь устраняетъ себя отъ всякаго вмѣшательства въ церковныя дѣла, доходы и недвижимыя имущества церкви. Отсюда можно заключить, что право „оброны, опеки и подаянъ“, или *ius patronatus*, надъ православными церквами въ нѣкоторыхъ древне-русскихъ городахъ, каковы, напр. Витебскъ, Полоцкъ и Смоленскъ, не принадлежало (по крайней мѣрѣ въ эпоху полнаго дѣйствія устав. земск. грамотъ) великимъ князьямъ Литовскимъ. *Ius patronatus*, тѣсно связанное съ вотчиннымъ правомъ на землю (патрономъ могъ быть не только вел. князь, но и всякій землевладѣлецъ), ставило церковь и ея служителей въ зависимость отъ патрона, который назначалъ и смѣнялъ священниковъ (въ монастыряхъ—игуменовъ), распоряжался церковными доходами и т. п. Если *ius patr.*, въ рукахъ лицъ православнаго исповѣданія, оказало большія услуги православію въ періодъ гоненія на него, то, съ другой стороны, въ рукахъ землевладѣльцевъ—католиковъ, оно послужило въ тотъ же періодъ надежнымъ орудіемъ притѣсненія православія и содѣйствовало распространенію униі. — Изъ нашихъ грамотъ видно, что приходское духовенство, по крайней мѣрѣ въ Витебскѣ, Полоцкѣ и Смоленскѣ, находилось въ зависимости отъ мѣстныхъ епископовъ (оно утверждалось епископами, платило налоги въ пользу его и было подсудно ему), а въ надзорѣ за церковнымъ имуществомъ принимали большое участіе прихожане, граждане города (см. слѣд. статьи). Впрочемъ, можно предполагать, что и самый выборъ священниковъ для городскихъ церквей производился, какъ это было искони въ древне-русскихъ земляхъ, прихожанами.

не вступатися, въ домъ Божій Святой Софіи и въ домъ Божій Святого Спаса и въ иные дома церковныя намъ не вступатися. 38—43.

3. а въ церковныя земли и въ воды не вступатися, такожь въ монастыри 45—46.

5¹. напередъ церквамъ Божьимъ. Въ церковныи люди, въ князскіи и въ панскіи и въ боярскіи ¹⁰⁶), и въ земли, и во вси доходы и въ приходы не вступатися, 19—22.

5². Напервѣй церквамъ Божьимъ: въ церковныя люди и въ земли и во вси доходы и приходы намъ не вступатися. 45—48.

XXII. О надзоръ за церковными домами и объ управленіи церковными землями.

2. а церковныи дома присмотряти старостамъ городскимъ ¹⁰⁷); а церковныхъ земель владычнымъ слугамъ не держати ¹⁰⁸). 218—221.

XXIII. Определение отношеній низшаго духовенства къ мѣстному епископу ¹⁰⁹).

1. И тежь Владыцѣ на попѣхъ Витебскихъ зборная куница шерстью ¹¹⁰). 90—91.

2. А также владыцѣ на попѣхъ Полоцкихъ куница соборная шерстью; а въ пригонъ попомъ и игуменомъ ко владыцѣ не ходити ¹¹¹); 216—218.

¹⁰⁶) Слова: „въ князскіи и въ панскіи и въ боярскіи“ здѣсь совершенно не нужны, такъ какъ рѣчь идетъ лишь о церковныхъ доходахъ и имуществѣхъ; въ подтвердит. грамотѣ указан. слова, какъ и слѣдовало, выпущены.

¹⁰⁷) Эти старосты выбирались прихожанами отдѣльныхъ городск. приходовъ для надзора какъ за зданіемъ самой церкви, такъ равно и за домами и усадьбами, принадлежавшими церкви и находившимися въ городѣ. Такое участіе городской общины въ надзорѣ за церквами и въ управленіи недвижимыми церковными имуществами объясняется тѣмъ, что и церкви и дома церковныя не только находились на городской землѣ, но и строились обыкновенно на добродотныя даянія прихожанъ, которые заботились о благолѣпіи храмовъ и безобидномъ существованіи причтовъ.

¹⁰⁸) Епископъ не долженъ отдавать въ пользованіе своимъ слугамъ церковныхъ земель.

¹⁰⁹) Объ отношеніяхъ слугъ и закладней, живущихъ на церковныхъ и монастырск. земляхъ и усадьбахъ, къ епископу и монастырск. властямъ и о правѣ послѣднихъ производить судъ надъ первыми см. ниже ст. XXXIV и XСШ.

¹¹⁰) „Зборная куница шерстью“ или просто „сборное“—сборъ съ духовенства на содержаніе архіерейскаго дома (Академич. Слов. IV, 85).

¹¹¹) Священники и игумены не обязаны отбивать натуральныхъ повинностей въ пользу владыки.

XXIV. Запрещеніе гривострижцу разъѣзжать по волости.

2. А гривостризцу ¹¹²⁾ по волости не ѣздити, а ни льну брати.
221—222.

Д. О сословныхъ правахъ и отношеніяхъ.

XXV. Уравненіе мѣстной шляхты съ Литовскою въ правахъ и обязанностяхъ.

3. А которое право далъ его милость княземъ и паномъ и бояромъ Литовскимъ, тое жъ право далъ его милость княземъ, паномъ, бояромъ Смоленскимъ ¹¹³⁾.
92—95.

4. И тежъ всемъ бояромъ, шляхтѣ и всему посполству въ повѣтѣ Кнетовскомъ такъ же дали есмы чрезъ нинѣйшій листъ и даемъ вси права и вольности хрестянскіи, яко есмо дали земли Литовской, и яко отецъ нашъ речоный ¹¹⁴⁾ ихъ продкомъ, бояромъ, то есть Бутрими, Стропѣ и Нарвидови, зъ иными боярьми и посполствомъ преречоного повѣту Кнетовского далъ; а тыи

Item omnibus nobilibus bojaris, totique communitati districtus Knitoviensis, similiter dedimus et concessimus, praesentium tenore mediante, concedimus et damus, omnia jura et libertates christianitatis, prout terrae Lithuaniae concessimus, et quemadmodum, ginitor noster praefatus, eorum praedecessoribus bojaris, videlicet: Batrimo, Stroupi et Giervido, cum ceteris bojaris et communitati dicti di-

¹¹²⁾ Постановление о „гривострижцѣ“ въ Полоцкой устав. грамотѣ стоитъ рядомъ съ постановленіями, приведенными въ двухъ предыдущихъ статьяхъ (см. ст. XXII и XXIII). Это обстоятельство заставляетъ думать, что гривострижецъ принадлежалъ къ числу лицъ, состоявшихъ при епископѣ. Кто такіе были, однако, „гривострижцы“, не упоминаемъ въ другихъ грамотахъ, опредѣленно сказать трудно. Можно лишь предполагать, что гривострижецъ называлось лицо, состоявшее при епископѣ и принимавшее известное участіе въ совершеніи обряда постриженія. Кромѣ того, на гривострижцѣ же, по всей вѣроятности, лежала обязанность взимать въ пользу епископа съ лицъ, посвящаемыхъ во священники и діаконы (и выбранныхъ для этой дѣли прихожанами), пошлинъ за поставленіе, или посвященіе.

¹¹³⁾ Рѣчь идетъ о правахъ и преимуществахъ, дарованныхъ шляхетскими грамотами (см. выше стр. 16—21) Литовской шляхтѣ. Всѣ эти права и преимущества распространяется на высшіе классы населенія земли Смоленской, а равно и другихъ земель (см. слѣд. грам.).

¹¹⁴⁾ Т. е. вел. кн. Казиміръ.

боярове и тыи шляхты того повѣту у томъ першомъ осмотреню ¹¹⁵⁾ будемъ держати, яко освѣдочный король Владиславъ, и освѣдочный князь Витовтъ, и тежъ отецъ нашъ мѣлъ и трималъ, со всеми вметыми и со всемъ посольствомъ пререченого повѣту.

53—66.

strictus Cnethoviensis, dederat et concesserat et bojaros ac nobiles ejusdem districtus, in eadem primeva honestate et provisionibus, tenebimus, eodem modo quo serenissimus dominus Vladislaus rex, et praeclarus dux Witowdus, nec non genitor noster, tenuit et habuit, cum omnibus cmetonibus et tota communitate districtus prae-fati.

61—78.

5¹. а) А Кіянина, какъ и Литвина, во чти держати и во всѣхъ врадѣхъ ни въ чомъ не понизити ¹¹⁶⁾.

99—101.

б) А которые князи и панове и бояре Литовскіе держатъ имѣнья въ Кіевской земли, тымъ служба заступати съ тыхъ имѣней съ Кіянны, самимъ своими головами ¹¹⁷⁾.

104—108.

5². *NB.* *Здѣсь въ обоихъ пунктахъ дословно тоже, что и въ предыдущей грамотѣ.*

124—125; 128—131.

6. нижъли, воли панове рада ¹¹⁸⁾ наша великого князства Литовского, для котороѣ великоѣ потребности земскоѣ ¹¹⁹⁾, зволятъ который платъ съ своихъ людей дати ¹²⁰⁾; тогда князи и панове и вся шляхта Волинскоѣ земли мають намъ такожъ тотъ платъ съ своихъ людей давати.

155—161.

¹¹⁵⁾ „У томъ першомъ (въ латин. текстѣ: *primeva*—*primaeva*) осмотреню“—съ прежнею заботливостію (попеченіемъ).

¹¹⁶⁾ А Кіянина (уроженца Кіевской земли) держатъ въ такомъ же почетѣ, какъ и Литвина, не понижая его въ к.-л. должностяхъ („уродахъ“).

¹¹⁷⁾ Литовская шляхта (князья, паны и бояре), владѣющая имѣніями въ Кіевской землѣ, несетъ военную службу съ своихъ имѣній лично, наравнѣ съ туземцами.

¹¹⁸⁾ Т. е. члены Литовской Ряди (см. примѣч. 24), которые въ то же время были и крупными землевладѣльцами (см. прим. 120).

¹¹⁹⁾ Для к.-л. настоятельной государственной нужды.

¹²⁰⁾ Т. е. согласится на обложеніе своихъ крестьянъ какою-либо временною податію. —Начиная съ половины XV в., со времени изданія шляхетской грамоты 1457 г. (см. въ ней ст. 11 *), владѣльческіе крестьяне постепенно и повсемѣстно (см. рубрику подъ лет. 3) освобождаются отъ различныхъ податей въ пользу великокняжеской и государственной казны. Отсюда и постановленіе Волинской грамоты: владѣльческіе крестьяне облагаются податію лишь въ случаѣ чрезвычайной государственной нужды и при томъ съ согласія

XXVI. Распространение дѣйствія польскаго земскаго права на шляхту (Бѣльскаго повѣта), какъ пожалованіе особенной льготы.

7. а ижьбы оны преречены земляны не были втѣснены нѣвоторымъ правомъ въ длогу и тежь въ несправедливости, а звлаща.... замково право: онымъ Польскій земскій (*привилей*) написанный допустилихмо, и нынѣшнимъ (листомъ) допушамы и даемы, въ онымъ правѣ оны хпунцы (*см. хотячи*) заховать во вшесткихъ оного въ правахъ и тежь у—въ обычаѣхъ и члонкахъ, едно вынемши нѣвоторе впады. Съ которыхъ же то первый есть ¹²¹⁾:

37—46.

Et ut expressi terrigenae, non opprimantur aliquo jure indebito, et injusto, et maxime castrensi: ipsis jus polonicum terrestre scriptum admisimus, et praesentibus admittimus et damus: in eo ipso conseruare uolentes in omnibus ipsius juris consuetudinibus, punctis, articulis; casibus duntaxat aliquibus exceptis. Quorum primus est.

42—49.

XXVII. Подтвержденіе шляхетскаго достоинства за мѣцами, пожалованными (въ Жмудской землѣ) имъ прежде.

4. Тежь то: которая шляхта была часу короля Владыслава, князя Витовта и тежь отца нашего, тыи вси, (съ) того часу, хочемъ мѣти и держати шляхта; 67—70.

Item, qui nobiles fuerunt tempore Vladislai regis et ducis Witowdi et genitoris nostri, eos omnes ut ex nunc pro nobilibus tenebimus et habebimus.

79—82.

вотчинниковъ. Впрочемъ, подать, которую согласились вносить съ своихъ крестьянъ землевладельцы Литовскіе, члены Литовской Рады (которая до половины, приблизительно, XVI в. представляла собою не только верховный совѣтъ при особѣ вел. князя, но и сеймъ Литовскій**), была обязательна и для крестьянъ всѣхъ прочихъ вотчинниковъ, владѣвшихъ имѣніями въ другихъ областяхъ Литовско-Русскаго государства.

*) Нумерація статей шлехетск. грам. 1457 г. здѣсь и ниже цитируется по изданію ея, помѣщенному въ „Христоматію по исторіи рус. права“ (вып. 2).

**) „Stagożytnosci Polskie“, t. II, 63; см. также „Христоматію по ист. рус. пр.“ (вып. 2, стр. 36) и выше примѣч. 24.

¹²¹⁾ Смысль тотъ: съ цѣлью гарантировать землянъ Бѣльскаго повѣта отъ несправедливаго суда, а въ особенности для того, чтобы освободить ихъ отъ замковой юрисдикціи (въ замкѣ судилъ въ Бѣльскомъ повѣтѣ староста), распространяется на нихъ

XXVIII. Право временнаго отъезда (представл. шляхты).

5¹. А которые князата и панове всхотятъ ѣхати до чужихъ земель, и они возвѣстившися намъ, а любо нашему намѣстнику ¹²²⁾ чоломъ ударивъ, и во своемъ имѣннѣ службу осадивъ, такъ добрую какъ бы и сами, а безъ себе зъ своими людьми, до кого будетъ дѣло, кому право велятъ давати: тогда могутъ, зъ довлaдомъ, ѣхати, а зъ земскоѣ службы не будетъ ¹²³⁾; а безъ нихъ, имѣней ихъ не рушити: только въ непріятельскую землю не ѣхати противъ насъ и наше земли ¹²⁴⁾. 81—91.

5². *НВ. Кромъ отличія, указаннаго въ 122 примѣчаніи, въ данномъ мѣстѣ подтвердит. грамота тождественна съ предыдущею.* 105—116.

XXIX. Личныя права шляхты по отношенію къ правительственной власти.

5¹. А коли проступитъ бояринъ, ино намѣстнику нашему осудивъ и за поруку давши, до насъ отложить; мы пакъ волни будемъ въ той винѣ ¹²⁵⁾, взяти и отпустить ¹²⁶⁾. 76—79.

5². *НВ. Кромъ отличія, указаннаго въ 122 примѣч., въ данномъ мѣстѣ подтвердит. грамота тождественна съ предыдущею.* 102—106.

дѣйствіе польскаго земскаго права, за исключеніемъ, однако, тѣхъ случаевъ, которые перечислены ниже, и въ которыхъ мѣстные обычаи сохраняютъ попрежнему свою обязательную силу.

¹²²⁾ Въ подтвердит. грамотѣ 1529 г.: „воеводѣ“.

¹²³⁾ Если не будетъ ратной службы, т. е. въ мирное время.

¹²⁴⁾ Въ мирное время мѣстной шляхтѣ („князямъ и панамъ“) дозволяется отправляться въ чужіе края съ разрѣшенія вел. князя или мѣстнаго намѣстника (воеводы), но съ условіемъ, чтобы уѣзжающій оставлялъ въ своемъ имѣннѣ надежное лицо для отправленія военной повинности съ имѣнія и исполненія въ немъ обязанностей вотчиннаго судьи; имѣнія уѣзжавшаго въ время его отсутствія не конфискуются, если только онъ не отправился въ непріятельскую землю. Слова: „только въ непріятельскую... и т. д.“ показываютъ, что отъездъ въ непріятельскую землю разсматривался, какъ побѣгъ, какъ верховная и земская измѣна.—Право, о которомъ говоритъ здѣсь Кіевская устав. грамота, и которое было предоставлено всей шляхтѣ Литовско-Русскаго государства жалованною грамотою Казимира, не представляетъ собою того права полного выселенія изъ земли или государства, о которомъ упоминаютъ Витебская и особенно Полоцкая устав. грамоты (см. ст. XIII свода): подъ нимъ разумѣется лишь право отлучки изъ предѣловъ государства для какой-либо временной цѣли. Это видно не только изъ приведеннаго мѣста Кіевской грамоты, но также изъ параллельныхъ мѣстъ шляхетской грамоты 1457 г. (см. 5 ст. этой грам.) и Л. Статута 1529 г. (р. III, ар. 8), гдѣ пояснено, что шляхтичъ можетъ уѣхать въ чужіе края для приобрѣтенія лучшихъ средствъ къ жизни или для полученія образованія.

6. А князей и пановъ и землянъ старостѣ нашему злыми словы не соромотити ¹²⁷⁾, у казнь и у вѣжу ¹²⁸⁾ ихъ не сажати; а естли бы который ся провинилъ въ чомъ, князь, або панъ, або землянинъ, ино старостѣ насъ обослати: какъ мы его научимъ нашимъ листомъ, або посломъ нашимъ, што бы мѣлъ съ тымъ вчинити, ино ему подлѣ науки наше то вчинити ¹²⁹⁾. 43—51.

XXX. Свобода шляхты отъ государственнаго тягла ¹³⁰⁾.

4. Тежъ тыи боярове ¹³¹⁾ не мають быти повинни, а ни поступовать жадныхъ работъ замковыхъ ¹³²⁾, а ни тежъ къ выправеню земскому, то есть на заставу ¹³³⁾. 102—105.

Item dicti bojari, ad labores castrorum ambulare non debent, nec tenebuntur, neque etiam ad expeditionem territorialem, alias на заставе. 116—119.

¹²⁵⁾ *Вина*—уголовный штрафъ.

¹²⁶⁾ Судъ по уголовному дѣлу надъ бояриномъ (или вообще—надъ лицомъ, пользующимся шляхетскими правами) принадлежитъ намѣстнику (воеводѣ), который и постановляетъ приговоръ; не приводя этого приговора въ исполненіе, намѣстникъ отдастъ подсудимаго на поруки, а о своемъ приговорѣ доноситъ вел. князю, отъ котораго уже и будетъ зависѣть взыскасть или не взыскасть съ обвиненнаго уголовный штрафъ.—Мѣсто это, какъ и параллельное мѣсто Волынской грамоты (№ 6), не только не противорѣчитъ общему правилу о непроизводствѣ суда (по уголовн. дѣламъ) за предѣлами земли (см. ст. свода XIII и примѣч. 79), но, напротивъ, подтверждаетъ его. Отсюда видно, однако, что мѣстная шляхта въ эпоху уставныхъ земск. грамотъ, хотя и подсудна была воеводскому или намѣстничьему суду, но пользовалась нѣкоторыми преимуществами: приговоръ воеводы надъ шляхтичемъ подлежалъ конфирмаціи вел. князя. Еще большія преимущества предоставлены были шляхтѣ Волынской земли. См. ниже примѣч. 129.

¹²⁷⁾ Не поносить браними словами (можетъ бытъ: не подвергать публичному выговору въ грубыхъ и оскорбительныхъ выраженіяхъ).

¹²⁸⁾ *Казнь и вѣжа (вѣжа)*—слова одозначуція: тюрьма.

¹²⁹⁾ Старостѣ хотя и принадлежитъ судъ надъ князьями, панами и землянами Волынской земли, но тотъ или иной приговоръ надъ ними онъ можетъ постановити не иначе, какъ съ вѣдома и по указанію („подлѣ науки“) вел. князя и отнюдь не долженъ (см. нач. приведен. пункта грам.) собственною властью подвергать ихъ какому-либо наказанію.

¹³⁰⁾ Многочисленные случаи освобожденія отъ податей и натуральныхъ повинностей прочихъ классовъ населенія сведены въ рубрику подъ литерой З.

¹³¹⁾ Въ подтвердит. грамотѣ 1574 г.: „шляхта, бояре“.

¹³²⁾ „Работы замковыя“—работы, состоявшія въ устройствѣ и исправленіи королевскихъ замковъ и городскихъ укрѣпленій.

¹³³⁾ Подъ „выправой земской“, поясненной словомъ—„застава“, разумѣется здѣсь охраненіе королевскихъ замковъ и различн. укрѣпленныхъ мѣстъ, другими словами, гарни-

5¹. А княземъ и паномъ и бояромъ съ послы въ Ордѣ не ходити, слугамъ ¹⁸⁴) ходити; а кого будетъ боярь въ Ордѣ надобѣ съ послы нашими ѣхати, и мы маемъ листомъ нашимъ тыхъ обослати, и они мають ѣхати, какъ было за великого князя Витовта ¹⁸⁵).

149—154.

5². *НВ. Кроме отличія, указаннаго въ 135 примѣчаніи, подтвердит. грамота съ данномъ мѣстѣ тождественна съ предыдущею.* 185—169.

XXXI. Регламентация совместнаго пользованія бояръ и мѣщанъ доходами съ городскихъ вѣсовъ (въ Полоцкѣ).

2. Такожь важницу мѣти въ замку, або въ мѣстѣ нашемъ Полоцкомъ, которую перво того держали бояре посполъ зъ мѣщаны ¹⁸⁶), за предковъ нашихъ и за отца нашего Казимера короля его милости, а потомъ съ тоѣжь важницы братъ нашъ Александръ король его милость платъ ¹⁸⁷) былъ взялъ въ его милости сварбу ¹⁸⁸): ино мы, зъ ласки наше, зася тую вагу и платъ съ нее дали бояромъ и мѣщаномъ на-полю, по давному, подтѣ суда и уставы отца нашего; мають въ каждый годъ держати по два боярины, а по два мѣщанины, и платъ съ нее избирати, и свою половину бояре мають обернути на свои потребы ¹⁸⁹).

115—128.

онная служба.—Этимъ пунктомъ шляхта (Жмуд. земли) освобождается не только отъ замковыхъ работъ, но и отъ гарнизонной службы. Личное участіе въ отбываніи военной повинности шляхта принимаетъ лишь въ случаѣ объявленія посполитаго руженья, т. е. всеароднаго ополченія.

¹⁸⁴) Т. е. путнымъ слугамъ, или такъ называемымъ путнымъ боярамъ (см. прим. 75).

¹⁸⁵) Князь, паны и бояре не обязаны сопровождать великокняжескихъ пословъ въ Орду (Крымскую), такъ какъ эта обязанность лежитъ на путникахъ (путныхъ боярахъ); впрочемъ, въ болѣе важныхъ случаяхъ можетъ быть посланъ для сопровожденія великокняжескихъ пословъ и бояринъ (слово „бояринъ“ употреблено здѣсь въ его древнѣйшемъ значеніи), но для этого требуется особый приказъ („листъ“) вел. князя.—Въ подтвердит. грамотѣ 1529 г. слова: „какъ было... Витовта“—опущены („а онъ маеть ѣхати въ посельствѣ“).

¹⁸⁶) Доходами съ которой (т. е. съ важницы, или городск. вѣсовъ) прежде пользовались бояре вмѣстѣ („посиоль“) съ мѣщанами.

¹⁸⁷) Доходъ.

¹⁸⁸) Въ великокняжескую казну.

¹⁸⁹) Въ подтвердит. грамотѣ 1547 г. слово „бояре“ совершенно основательно вынуждено, такъ какъ одна половина доходовъ съ городск. вѣсовъ шла въ пользу бояръ, а другая въ пользу мѣщанъ, а слѣд. и тѣ и др. могли одинаково обращать свою часть доходовъ на удовлетвореніе своихъ нуждъ.

XXXII. О кметяхъ (Бѣльскаго повѣта).

7. Часу Витовта, щастливей памѣти, вгды ку саженью ¹⁴⁰⁾ кмѣтове были везваны, теды 14 дни презъ еденъ рокъ вшелкй кмѣтъ зъ волоки ¹⁴¹⁾ робиль въ повѣтѣ. Мы уставили, изъ вшелкй кмѣтъ зъ волоки на тый-день ¹⁴²⁾ мялъ робить еденъ день, а съ полвлочи на двѣ недѣли день. Надъ то ино, таковѣ кмѣте на чотыри толови мають быть везваны въ рокъ.

И если бы кмѣтъ отъ нѣ-которого землянина до иншего землянина, або до князя великого, або до мѣста хотѣлъ бы ити, а рукоемъ бы за нь была ¹⁴⁵⁾: теды отстаного ¹⁴⁶⁾ зъ волоки ма за-

Tempore Withowdi felicis memoriae, dum ad possessionem seu locationem kmethones uocabantur, ex tunc quatuordecim dies in anno quilibet kmetho de manso laborabat in districtu. Nos vero statuimus quod unusquisque ¹⁴³⁾ kmetho de manso possessionato per eum, in septimana unam diem laborare tenebitur, de medio uero manso in duabus septimanis diem. Insuper, et huiusmodi kmethones, ad quatuor tlokas in anno uocati, laborare tenebuntur.

Et si kmeto alicuius terrigenae, sub alium terrigenam, aut ducem magnum, aut ciuitatem, surgere uoluerit, et fideiussus pro

¹⁴⁰⁾ Для поселенія.

¹⁴¹⁾ Волока—главная поземельная мѣра въ Литвѣ и Польшѣ. Литовская волока—участокъ земли нѣсколько болѣе 19 нашихъ десятинъ.

¹⁴²⁾ „На тыйдень“ (in septimana)—въ недѣлю.

¹⁴³⁾ Напечатанное курсивомъ—вставка Дзялмискаго.

¹⁴⁴⁾ Во времена Витовта вслѣдй изъ кметовъ (см. примѣч. 11), поселившихся по вызову на частновладѣльческихъ земляхъ, долженъ былъ работать въ пользу землевладѣльца 14 дней въ годъ за каждую занятую волоку. Велик. кн. Александръ увеличилъ число рабочихъ дней съ волоки до 52 въ годъ (въ недѣлю 1 день), а съ полволоки до 26, вм. прежнихъ 14 и 7. Сверхъ того кметы должны 4 раза въ годъ являться къ землевладѣльцу на толоку.—Толокою производились сельскохозяйственныя работы, требовавшія участія всего поселка (всѣхъ поселившихся въ извѣстномъ имѣнйи кметовъ): сборъ хлѣба, кошеиѣ сѣна, молотба и пр.

¹⁴⁵⁾ „Рукоемъ“, или рукоемство (въ латин. текстѣ: fideiussus)—порука, поручительство (fideiussio). Кметъ, за которымъ была „рукоемъ“—кметъ, связавшй себя извѣстнымъ условіемъ съ землевладѣльцемъ, напр., относительно срока своего выхода, обработки земли и т. п.,—обезпеченнымъ, кромѣ неустойки, поручительствомъ стороннихъ лицъ, заслуживающихъ довѣрія, напр., землевладѣльца, у котораго кметъ жилъ раньше, и который поручился за его исправность. Можно также допустить, что такими поручителями иногда являлись, какъ это было въ Московскомъ государствѣ, всѣ члены того поселка, къ кото-

платить копа грошей ¹⁴⁷⁾ земляни-
нови, отъ второго отходить, а
сходелного ¹⁴⁸⁾ ма заплатитъ пол-
копы; отъ полвочки (*же—поло-*
вину того) ¹⁴⁹⁾.

И если бы котры съ зе-
мянъ, для лѣпшого осаженья кмѣ-
тевь, легкойшу працу и давья въ
своей земли хотѣль бы уставитъ,
на шкѳду посполиту землянъ: тако-
вый землянинъ, не ховуючый тако-
выхъ уставъ нашихъ, намъ, за
вину нашу, ма дать сто копъ
грошей ¹⁵⁰⁾. 199 - 219.

eo fuerit, ex tunc, surrectiones,
alias wstanego de manso integro,
alias włoka, sexagenam terrigenae,
a quo recedit; in ortualium, alias
stodolnego, mediam sexagenam
soluere tenebitur; de medio uero
manso, medium huius.

Si quis terrigenarum, causa
possessionis melioris, kmethones,
leuiori datia et labore, in terra
sua locare vellet, in damnum com-
mune terrigenarum, talis terrigena
non obseruans huiusmodi instituta
nostra, camerae nostrae, pro poena,
centum sexagenas soluere tene-
bitur. 226—254.

рому принадлежалъ тотъ или иной вольный крестьянинъ (кметъ).—Совсѣмъ иначе объ-
ясняетъ слово „рукоемъ“ Ф. И. Леонтовичъ. По его мнѣнію, едвали согласному съ истинною,
рукоемъ—заемъ, пособіе, полученное кметомъ отъ землевладѣльца при своемъ поселеніи
(„Крестьяне Юго-Западной Россіи“, стр. 57). Не распространяясь по этому поводу, за-
мѣтимъ только, что при такомъ объясненіи выходило бы (см. текстъ грамоты), что кметъ
могъ уйти безъ возврата полученнаго пособія, отдѣлавшись лишь ничтожнымъ, сравни-
тельно, платежомъ „отстаного“, который Ф. И. Леонтовичу пришлось признать „процен-
томъ, платившимся за оказанное пособіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ выраженіемъ признанія
той зависимости, изъ-подъ которой крестьянинъ выходилъ“. (См. указан. изслѣд., стр. 57,
примѣч. 2).

¹⁴⁶⁾ „Отстаное“ (въ латин. текстѣ: *surrectio*)—отсталое (подъемное)—платежъ,
вносимый, какъ кажется, лишь тѣмъ кметомъ, который уходилъ съ нарушеніемъ заклю-
ченнаго условія (см. пред. примѣч.); такимъ образомъ, плата эта имѣла значеніе не-
устойки.

¹⁴⁷⁾ Копя грошей Литовскихъ въ нач. XVI в. стояла около 6 руб. нынѣш. монетомъ.

¹⁴⁸⁾ „Сходелное“—выходныя деньги, выходная куница—платежъ, вносимый всякимъ
кметомъ, покидающимъ свой участокъ; взносъ этотъ (сходный отчасти съ древне-русскимъ
пожилымъ) имѣлъ значеніе единовременной платы землевладѣльцу за пользованіе его
землею.

¹⁴⁹⁾ Кметъ, желающій оставить занимаемый имъ участокъ въ имѣніи одного и
перейти въ имѣніе другого землянина, или на землю вел. князя, или въ городъ, долженъ
уплатить выходныя деньги въ размѣрѣ полкопы грошей съ каждой волоки, которою онъ
пользовался; кромѣ того, если онъ былъ связанъ съ владѣльцемъ земли какимъ-либо усло-
віемъ (и нарушилъ его), то уплачиваесть въ видѣ неустойки копу грошей „осталаго“ съ
вобки; съ полвочки въ обонхъ случаяхъ уплачиваесть половина.

XXXIII. Воспрещеніе свободнаго перехода крестьянъ ¹⁵¹⁾ съ господарскихъ (в.-княжескихъ) земель на частныя и наоборотъ.

З. А бояромъ Смоленскимъ въ завладни ¹⁵²⁾ людей своихъ не казалъ его милость пріймати. 66—68.

Б¹. А имъ нашихъ людей ¹⁵³⁾, а ни Литовскихъ не пріймати, а намъ церковныхъ людей и князскихъ и панскихъ за себе не пріймати, отчанныхъ людей непоходячихъ ¹⁵⁴⁾. 144—147.

Б². А людей нашихъ тамошнихъ, а ни Литовскихъ имъ за себе не пріймовати, а намъ королю и великому князю церковныхъ людей и князьскихъ и паньскихъ за себе не пріймовати отчизныхъ людей непохожихъ. 158—163.

¹⁵⁰⁾ Если бы какой-либо землянинъ для привлеченія въ свое имѣніе кметовъ установить въ немъ (за пользованіе землею) болѣе легкія издѣльныя работы и меньшіе платежи, во вредъ прочимъ землянамъ, то таковой землянинъ, не соблюдающій вышеупомянутыхъ постановленій (о кметахъ), уплачиваетъ штрафъ въ пользу вел. князя въ размѣрѣ 100 копѣекъ литов. грошей.

¹⁵¹⁾ Здѣсь имѣются въ виду не вольные крестьяне (кметы, люди похожіе), но крестьяне зависимые, несвободные, прикрѣпленные къ землѣ и обыкновенно называемые *невозможими* въ противоположность людямъ *похожимъ*, или вольнымъ. Впрочемъ, для многочисленной категоріи несвободныхъ крестьянъ существовали и имѣя названія. См. изслѣдованіе *Θ. И. Леонтовича*: „Крестьяне Юго-Запад. Россіи по литовск. праву XV и XVI ст.“, Киевъ, 1868 г., стр. 19 и слѣд.

¹⁵²⁾ *Завладенъ* (см. ниже ст. XCIII: „человѣкъ, котораго держатъ въ пеньгахъ“) — должникъ, отдавшій себя въ закладъ своему кредитору, поступившій къ нему въ услуженіе до отработки долга.

¹⁵³⁾ Т. е. крѣпостныхъ крестьянъ. „Крѣпостное населеніе Литовской Руси сложилось въ теченіе XV и XVI ст. собственно изъ двухъ элементовъ: слугъ или челяди и людей (крестьянъ). Въ періодъ первыхъ двухъ Статутовъ было еще хоть формальное различіе между челядью и людьми, главнымъ образомъ въ томъ, что челядь относилась къ личной прислугѣ господина, тогда какъ отчизный человѣкъ сидѣлъ на господской землѣ... Но уже въ первомъ Статутѣ челядь и люди называются невольными, т. е. людьми безъ права выхода. Потеря этого существеннаго права каждымъ свободнымъ человѣкомъ положила первое начало сближенію людей съ челядью. Съ др. стороны, уже до Статута челядь составляла существенную часть имѣній, въ особенности королевскихъ..... Полное сліяніе сельской челяди съ отчизнами совершено Статутомъ 1588 г.“ (*Θ. И. Леонтовичъ*: указан. соч., стр. 14).

¹⁵⁴⁾ „Отчизненные люди непоходячіе“, или отчизные люди непохожіе — крѣпостные крестьяне, перешедшіе по наслѣдству вмѣстѣ съ землею.—Воспрещеніе свободнаго перехода крестьянъ съ господарскихъ земель на частныя и наоборотъ встрѣчается уже въ шляхетской грамотѣ 1457 г. (ст. 12). — О подчиненіи крестьянъ юрисдикціи землевладѣльцевъ см. ст. свода XCIII.

XXXIV. *Постановленія о слугахъ и закладняхъ, живущихъ въ городахъ (дозволеніе вотчинникамъ селить ихъ на своихъ дворахъ и городскихъ усадьбахъ и опредѣленіе отношеній между ними и вотчинниками).*

2. а) Такожъ которые дома и мѣстца церквамъ Божьимъ здавна наданы ¹⁵⁵⁾ отъ предковъ нашихъ, або владыка, и игуменья, и иные князи и бояре, и мѣщане, и люди добрые прикупили къ церквамъ Божьимъ, и тые дома и мѣстца ¹⁵⁶⁾ суть въ замку, або середь мѣста Полоцкого: и будутъ ли за панованья щастноѣ памяти отца нашего Казимера короля его милости, владыка и игуменья на тыхъ звѣчныхъ мѣстцахъ церковныхъ за собою слуги и иные закладни мѣли ¹⁵⁷⁾; мы и теперъ владыцѣ и игуменьи дозволяемъ въ тыхъ церковныхъ домѣхъ и на тыхъ мѣстцахъ ихъ слуги и иные закладни за собою мѣти и ихъ садити ¹⁵⁸⁾, а то тымъ обычаемъ, ихъ мають имъ служити, а поземъ ¹⁵⁹⁾ имъ господаремъ своимъ съ тыхъ мѣстъ мають давати; 128—144.

б) Такожъ бояре Полоцкіе, тымъ же обычаемъ, которые съ нихъ отчизные ¹⁶⁰⁾ свои дома и мѣстца внутри города мають, або на мѣстѣ Полоцкомъ, и тежъ естли будетъ еще за отца нашего Казимера и за брата нашего Александра, королей ихъ милости, отцы ихъ и они сами слупнымъ а врядовымъ обычаемъ ¹⁶¹⁾ которые дворища покупили, або зъ данины ихъ милости ¹⁶²⁾ мають: тымъ и теперъ мы дозволяемъ на тыхъ дворищахъ слугъ и людей за собою садити и ихъ судити потомужъ; 153—164.

¹⁵⁵⁾ Пожертвовани.

¹⁵⁶⁾ Усадьбынны мѣста.

¹⁵⁷⁾ См. примѣч. 152 и 153.

¹⁵⁸⁾ Въ подтвердит. грамотѣ 1547 г.: „судити“.

¹⁵⁹⁾ *Поземъ*—поземельная подать, плата за пользованіе землей; здѣсь: плата за пользованіе дворами и огородами (въ городѣ).—Это постановленіе о слугахъ и закладняхъ позднѣйшаго происхожденія, ибо въ грамотѣ, данной Полоцку въ 1456 г., сказано: „владыцѣ и бояромъ закладневъ за собою въ мѣстѣ Полоцкомъ не надобѣ мѣти, нижили толькѣ одного подворника по своимъ подворьямъ“ (Ак. Зап. Рос. I, № 60).

¹⁶⁰⁾ Полученные по наслѣдству.

¹⁶¹⁾ Законнымъ образомъ (съ соблюденіемъ всѣхъ обычныхъ формальностей).

¹⁶²⁾ Вслѣдствіе пожалованія вел. князей.

XXXV. *Запрещеніе селить на поляхъ и фольваркахъ за городомъ людей торговыхъ и ремесленныхъ.*

2. А которые за мѣстомъ фольварки ¹⁶³⁾ и поля и сѣножати церковные владыка и игуменья мають, на тыхъ поляхъ и на сѣножатехъ не мають торговыхъ людей. а ни ремесленныхъ за собою садити: ни жли мають садити людей сельскихъ, которые бы тамъ хлѣбъ робили ¹⁶⁴⁾. 147—153.

XXXVI. *Обязанность владѣльч. крестьянъ, поселенныхъ въ городъ, участвовать вмѣстѣ съ мѣщанами въ уплату государствен. налоговъ и въ отбываніи натуральныхъ повинностей.*

2. а) а будутъ ли которые въ нихъ ¹⁶⁵⁾ торговь ся обыходити ¹⁶⁶⁾, и они мають серебщизну и ордынщину ¹⁶⁷⁾ зъ мѣстомъ нашими платити. 144—147.

б) а которые бы съ нихъ ¹⁶⁸⁾ хотѣли купецтвомъ або ремесломъ которымъ ся обыходити, тые мають зъ мѣщаны нашими серебщизну и ордынщину платити и иные слушные поplatки, къ пожитку нашему и земскому ¹⁶⁹⁾. 164—169.

¹⁶³⁾ Фольваркъ—мыза, хуторъ, ферма.

¹⁶⁴⁾ Въ подтвердит. грамотѣ 1547 г. вм. „роблякъ“—„пахалы“.—Цѣль этого постановленія лишить всякаго занимающагося торговлею или ремеслами человека возможности уклониться отъ уплаты различн. государствен. налоговъ, которые онъ долженъ вносить наравнѣ съ мѣщанами. См. слѣд. ст. свода.

¹⁶⁵⁾ Рѣчь идетъ о церковныхъ слугахъ и закладникахъ.

¹⁶⁶⁾ Заниматься торговлею.

¹⁶⁷⁾ *Серебщизна* и *ордынщина*—подати, которыя вносились серебромъ. Последняя изъ нихъ въ актахъ упоминается довольно рѣдко и, повидному, не принадлежала къ числу постоянныхъ податей (см. Ак. Запад. Рос. II, стр. 78); общая сумма ордынщины распредѣлялась для уплаты между отдѣльными городами, какъ это видно изъ дошедшей до насъ росписи ордынщины отъ 1530 г. (Ак. Запад. Рос. II, № 168); отсюда также узнаемъ, что на г. Полодкъ ордынщина была наложена въ размѣрѣ 40 копѣ Литовскихъ грошей, а на г. Витебскъ—30 копѣ. Что же касается серебщизны, то это была постоянная подать, уплачиваемая сначала съ воловъ и лошадей, а потомъ, приблизительно съ полов. XVI ст., съ сохъ (Ак. Зап. Рос. II, № 12: „съ воловоѣ и коньскоѣ сохъ“); подать эта въ различное время вималась въ размѣрѣ 3 или 5 грошей. На ряду съ постоянною существовала и временная серебщизна, которая налагалась лишь въ чрезвычайныхъ случаяхъ (напр. по случаю войны) и на опредѣленный срокъ на всѣ податные классы населенія (при чемъ она платилась не только съ сохъ, но и съ земель. участковъ и дворовъ); такъ изъ одного акта (Ак. Зап. Рос. III, № 24, стр. 105) узнаемъ, что такая серебщизна назначена была на 2 года (въ размѣрѣ 5 грошей).

3. а) А люди князскіе и околничихъ, и боярскіе, и игуменскіе, которые въ мѣстѣ живутъ и торгомъ ся обходятъ, тые бы вси сторожовщину ¹⁷⁰⁾ въ мѣстомъ платили по силамъ. 216—220.

б) Такожъ которыхъ людей церковныхъ и князскихъ и боярскихъ ¹⁷¹⁾ маршалокъ нашъ ¹⁷²⁾ панъ Литаворъ Хребтовичъ привернулъ въ мѣстомъ службу тяглую тягнуги, кромъ дослѣшнихъ и служебныхъ мѣщанъ ¹⁷³⁾, тые люди вси зася отъ мѣста отнималися и не хотѣли посполъ въ мѣстомъ намъ служити; и коли будетъ потреба человекъ, або дву, къ нашей службѣ, подъ посла, або подъ гонца нашего, а любо на которую на иншую нашу потребу, ино деи подвойскій ¹⁷⁴⁾ зъ околничихъ слугами все мѣсто обходятъ, для одного человекъ, або для двухъ, реучи, а зъ людей по грошу поберуть, для чого жъ тому мѣсту нашему шеода и тяжесть великая дѣлалася ¹⁷⁵⁾: ино вжо мы писали о томъ до пана Юрья Глѣбовича, какъ отъ насъ Смоленскъ держалъ, приказуючи ему, абы тымъ людямъ церковнымъ и боярскимъ велѣлъ посполъ въ мѣстомъ служити, по тому какъ маршалокъ нашъ панъ Литаворъ ихъ къ мѣсту привернулъ; 224—244.

¹⁶⁹⁾ Т. е. изъ боярскихъ слугъ и закладней.

¹⁷⁰⁾ Въ пользу великаго князя и государств. казначейства.

¹⁷¹⁾ Такъ названъ здѣсь денежный сборъ, замѣнившій натуральную повинность—*сторожовщину*, или поставку сторожей въ замки, остроги и пр.

¹⁷²⁾ Подразумѣвается: живущихъ въ городѣ и занимающихся торговлею и ремеслами.

¹⁷³⁾ Т. е. маршалокъ дворный. Кромѣ маршалка земскаго (великаго), были еще маршалки дворные. Кругъ обязанностей и правъ маршалковъ (до Люблинской уніи) не достаточно выясненъ; обыкновенно маршалковъ дворныхъ приравниваютъ современнымъ министрамъ двора. Извѣстно, впрочемъ, что маршалки дворные имѣли право присутствовать въ засѣданіяхъ Ряди, были представителями в.-княжескихъ дворянъ, входили въ составъ великокняжескаго суда и пр. Маршалки дворные не всегда находились при вел.-княжескомъ дворѣ; нѣкоторые изъ нихъ посылались для управленія отдѣльными областями.

¹⁷⁴⁾ Тѣ изъ мѣщанъ Смоленскихъ, которые несутъ дослѣшную, или пандирную, службу (охраняютъ городскія укрѣпленія, содержатъ караулы въ пограничныхъ мѣстахъ) или иную к.-н. опредѣленную службу, освобождаются отъ всѣхъ прочихъ натуральныхъ повинностей.

¹⁷⁵⁾ *Подвойскіе*—исполнительные чиновники. Подвойскіе были не только въ Смоленскѣ, но и въ др. древне-русскихъ городахъ, напр., въ Полоцкѣ (см. Ак. Зап. Рос. I, № 60); въ Смоленскѣ они состояли при намѣстникѣ и околничихъ. См. также ст. XLII.

¹⁷⁶⁾ Владѣльческіе крестьяне, жившіе въ Смоленскѣ и приписанные къ нему для совмѣстнаго съ мѣщанами отбыванія различныхъ натуральныхъ повинностей, постольку уклонялись отъ всякихъ службъ. Этими пользовались подвойскіе: для того, чтобы отыскать

5². а въ право мѣстское, и въ службы, и въ полатыи людей ихъ не мають привлащати, кромѣ, хто будетъ въ рыноу клѣтку ¹⁷⁶) мѣти и купчити и торгомъ ся обходити, тотъ будетъ повиненъ зъ мѣстомъ полатыи наши господарскіе платити ¹⁷⁷); 273—279.

XXXVII. Освобожденіе владѣльческихъ крестьянъ, поселенныхъ въ городѣ, отъ войтовской (мѣщанской) юрисдикціи.

5². А людей ихъ, которые въ мѣстѣ нашомъ мѣшвають ¹⁷⁸), не мають они (войтъ и мѣщане) судити, а ни радити: судити тыхъ людей господаремъ ихъ, хто кому служить ¹⁷⁹); 270—273.

XXXVIII. Освобожденіе владѣльческихъ крестьянъ отъ городскихъ сборовъ и налоговъ.

2. А што ся дотычетъ серебщизны ¹⁸⁰), которую войтъ и бурмистры и радци ¹⁸¹) на своѣ потребности владуть на мѣсто наше, того церковнымъ и боярскимъ людемъ помогати не надобѣтъ. 169—173.

5². а поборовъ ихъ мѣстскихъ, што войтъ и мѣщане будутъ межи себе на свои потребности покладати, не будутъ повинни ¹⁸²) посполъ съ ними платити и въ томъ имъ помогати, а ни передъ ними въ жадное право не мають ся становити ¹⁸³). 279—284.

6. и тежъ войту Луцвому на людехъ князьскихъ и паньскихъ

одного или двухъ человекъ для сопровожденія великокняжескихъ пословъ или гонцовъ, они обходили весь городъ и со всякаго уклонявшагося отъ этой повинности крестьянина (приписаннаго къ городу) взискивали въ свою пользу по грошу; въ результатѣ же, вся тяжесть натуральныхъ повинностей падала на однихъ лишь мѣщанъ.

¹⁷⁶) Лавка (ларь, рундукъ) на рынокъ: „Такожъ который платъ рѣзники дадтъ съ клѣтокъ мясныхъ...“ (Ак. Запад. Рос. II, стр. 76).

¹⁷⁷) Къ мѣщанскому суду, къ отбыванію натуральныхъ повинностей и къ уплатѣ различн. городскихъ налоговъ княжескіе и боярскіе люди (живущіе въ городѣ) не должни бытъ привлекаемы; тѣ же изъ нихъ, которые занимаються торгомъ, обязани участвовать лишь въ уплатѣ налоговъ въ пользу вел. князя.

¹⁷⁸) Живуть.

¹⁷⁹) О вотчинномъ судѣ см. ст. ХСІІ.

¹⁸⁰) См. примѣч. 167. Здѣсь серебщизной названъ денежный сборъ на городскія нужды.

¹⁸¹) Бурмистръ и райчы (радци) избирались мѣщанами; первый былъ предсѣдателемъ, а вторые членами городской рады, завѣдывавшей городскими дѣлами и городскими имуществами. О войтѣ см. примѣч. 8.

¹⁸²) Подразумѣвается: владѣльческіе крестьяне.

¹⁸³) Владѣльческіе крестьяне не подчиняются войтовской юрисдикціи.

помѣрного ¹⁸⁴) не велѣлъ брати: нижъли его милость велѣлъ ему по старому тое помѣрное брати зъ мѣщанъ и зъ гостей. 119—123.

Е. Постановленія, относящіяся къ организаціи мѣстнаго управленія.

XXXIX. *Воспрещеніе воеводѣ и его слугамъ производить судъ въ центральнаго города земли (въ видахъ предоставленія суда въ волостяхъ выборнымъ тиунамъ).*

2. А на Черствяти ¹⁸⁵) воеводинымъ слугамъ не судити, судити тивуну по старой пошлинѣ; также на Невлѣ ¹⁸⁶) судѣ не быти и по всей волости Полоцкой, судити воеводѣ Полоцкому на городѣ ¹⁸⁷). 211—216.

XL. О городскомъ тиунствѣ.

2. а) А воеводинымъ слугамъ тивунства городского не держати, 207—208.

б) а тивуну городскому давати на нашъ дворъ по три грошы на день ¹⁸⁸). 210—211.

¹⁸⁴) *Помѣрное*—одна изъ видовъ торговаго мыта, или торговыхъ пошлинъ (вѣснее, помѣрное, повозное и пр.). См. примѣч. 247.

¹⁸⁵) Черствять—небольшая волость Полоцкой земли, лежавшая къ югу отъ Полоцка, съ г. г. Черствіе.

¹⁸⁶) Невельская волость лежала къ с.-в. отъ г. Полоцка и граничила съ Велико-Лудскимъ уѣздомъ; во 2-ой полов. XVI в. эта волость вошла въ составъ Московскаго государства.

¹⁸⁷) Воевода судить лишь въ центральномъ городѣ земли; судъ же въ пригородахъ и волостяхъ „по старой пошлинѣ“ принадлежитъ мѣстнымъ тиунамъ. Сопоставляя данную статью съ ст. XL и XLV, можно сдѣлать выводъ, что Полоцкіе тиуны (волостные и городскіе) избирались для суда мѣстнымъ населеніемъ изъ среды мѣстныхъ же жителей и были независимы отъ мѣстныхъ правительствен. органовъ. См. также „Исторію Полоцка“ Бѣляева (стр. 401—403) и ссылку тамъ же на „Skarbies dipl.“ (т. II, № 2349).

¹⁸⁸) Кромѣ тиуновъ въ волостяхъ и пригородахъ, были тиуны и въ центральномъ городѣ земли—городскіе тиуны. Какова была судеб. компетенція этихъ тиуновъ, неизвѣстно. Изъ Полоцкой земск. грамоты видно только, что городскимъ тиуномъ не могъ быть слуга воеводи, и что отношенія между тиуномъ городскимъ и воеводой („дворъ“ или замокъ—мѣстопребыванія воеводи) заключались въ уплатѣ первымъ послѣднему определенной ежедневной пошлины (въ три гроша). Установлена эта плата, по всей вѣроятности, съ цѣлью предоставить воеводѣ часть тиунскихъ доходовъ отъ суда.—Городскіе тиуны упоминаются также и въ грамотѣ, пожалованной Кіевскимъ мѣщанамъ въ 1506 г. Впрочемъ, изъ этой послѣдней видно, что въ Кіевѣ тиунами были слуги воеводи. Ак. Зап. Рос. Ц, № 3.

XL I. *Замѣна должности дѣтскаго должностною вознаго (въ Бѣльскомъ повѣтѣ).*

7. Для того, преречены земьяне повѣту Бѣльскаго вызволямы отъ повзу ¹⁸⁹⁾ презъ дѣцкаго, такъ, ихъ не мають быть презъ оного позваны, але презъ вознаго того повѣту ¹⁹⁰⁾; 34—37.

Proinde supradictos terrigenas districtus bielscensis eximimus, et eliberamus a consuetudinibus citandi per praecones, wlgariter per dzieckie, ita, quod citari per eos non debent, et tenebuntur, sed per ministerialem, alias woznego, ipsius districtus. 36—41.

XL II. *Приказаніе намѣстнику избирать въ подвойскіе людей надежныхъ и съ согласія городскихъ жителей.*

3. а подвойскихъ ¹⁹¹⁾ бы которыхъ збродневъ ¹⁹²⁾ отставилъ и обралъ бы на подвойщанье добрыхъ людей, не збродневъ, которые бы мѣщаномъ любы были; а люди бы давали на службу чергами ¹⁹³⁾, и оболничихъ бы слуги не казали имъ людей драпежити ¹⁹⁴⁾. 244—250.

XL III. *Постановленіе относительно выбора низшихъ должностныхъ лицъ (въ Бѣльскомъ повѣтѣ).*

7. А служебника и строжа, оправца, судья съ подсудкомъ мають выбирать. 220—221.

Ministerialem ¹⁹⁵⁾ alias służebnika et custodem, straże, oprawcę, iudex cum subjudice eligere debent. 252—254.

¹⁸⁹⁾ *Позовъ* (citatio)—вызовъ въ судъ.

¹⁹⁰⁾ *Вознаге* (должность вознаго польск. происхождения), замѣнявшіе въ Бѣльскомъ повѣтѣ древне-русскихъ дѣтскихъ (при вызовѣ въ судъ землянъ), исполнили обязанности нашихъ судебныхъ приставовъ. Вознаге, какъ это видно изъ грамоты, выданной Дрогоичинской землѣ (Ак. Зап. Рос. П, № 64), выбирались шляхтою совмѣстно съ судьей и подсудкомъ. (Въ Бѣльской, равно какъ и въ Дрогоичинской областяхъ уже въ началѣ XVI в. судъ надъ шляхтою по всѣмъ дѣламъ, за исключеніемъ лишь нѣкоторыхъ уголовныхъ, принадлежалъ выборнымъ органамъ—судѣй и подсудку. См. ст. XC и XCI).

¹⁹¹⁾ См. примѣч. 174.

¹⁹²⁾ *Людей нечестныхъ, позволяющихъ себѣ различныя поборн съ жителей.* См. примѣч. 175. (Zbrodzien, собственно говоря,—злодѣй, преступникъ).

¹⁹³⁾ По очереди. См. Слов. Лннде, т. I, стр. 464.

¹⁹⁴⁾ Угнетать различными незаконными поборами (собственно—грабить: dgarieksa—грабитель, хищникъ).—Все это мѣсто Смоленск. грамоты находится въ связи съ пунктомъ, отнесеннымъ въ XXXVI ст. свода (грам. № 3, b).

Ж. Мѣры обезпеченія населенія отъ самоуправства, притѣсненій и всякаго рода злоупотребленій со стороны органовъ мѣстнаго управленія.

XLIV. *Мѣра, ограждающая жизнь, свободу и имущество жителей земли отъ произвола воеводъ.*

1. а пріѣхавши воеводѣ нашему къ Витебску, первого дня цѣловати ему крестъ къ Витблянномъ, на томъ, штожь безъ права ихъ не казнити по вадамъ ¹⁹⁶⁾ ни въ чомъ. 95—99.

2. а пріѣхавши воеводѣ нашему къ Полоцку, первого дня ему крестъ цѣловати къ Полочаномъ, на томъ, штожь безъ ихъ sprawy Полочанина ¹⁹⁷⁾ не казнити ни въ чомъ ¹⁹⁸⁾. 226—230.

XLV. *Запрещеніе воеводъ и проч. органамъ мѣстнаго управленія разъѣздовъ по волости, съ цѣлью охранити населеніе отъ поборовъ.*

1. А по волости по Витебской воеводѣ нашему не ѣздити; а поѣдетъ въ ловы ¹⁹⁹⁾, ино его по станомъ ²⁰⁰⁾ не дарити. 49—52.

2. а) А по волости нашей воеводѣ нашему Полоцкому не ѣздити; а поѣдетъ ли коли въ ловы, ино по станомъ не дарити. 108—111.

б) и съ тивуномъ воеводиннымъ слугамъ не ѣздити по волости Полоцкой ²⁰¹⁾; 208—210.

XLVI. *Особыя постановленія (Кіевск. устав. грамоты), охраняющія землевладельцевъ и ихъ крестьянъ отъ всякихъ поборовъ, самоуправства и притѣсненій со стороны воеводы и его слугъ.*

Б². а) Также въ щедробливости наше господарскоѣ, хочемъ заховати князей и пановъ и ихъ людей, отчизныхъ и выслужныхъ ²⁰²⁾,

¹⁹⁶⁾ Такъ обыкновенно называется въ актахъ, писанныхъ на латинск. яз., дѣтскій (см., напр., ст. XIII, 4, латинск. текстъ). Если и въ данномъ случаѣ подъ „ministerialis“ разумѣется дѣтскій, то надо допустить, что на ряду съ возними (см. ст. XLI), которые вызывали въ судъ землягъ, были оставлены въ Бѣльскомъ повѣтѣ и дѣтскіе для вызова лицъ не принадлежавшихъ къ шляхетскому сословію (по Бѣльск. грамотѣ—Русиновъ).

¹⁹⁶⁾ Вада тоже, что и обада (см. примѣч. 89)—обвиненіе, доносъ.

¹⁹⁷⁾ Безъ суда съ участіемъ представителей земщины.

¹⁹⁸⁾ Оба приведенныя мѣста находятся въ связи съ тѣми, которыя отнесены къ XI ст. свода.

¹⁹⁹⁾ На охоту.

²⁰⁰⁾ На мѣстахъ остановокъ, отдыха.

²⁰¹⁾ См. примѣч. 187.

²⁰²⁾ Объ „отчизныхъ“ людяхъ см. выше примѣч. 154. „Вислужные“—люди пожалованные. „Кромѣ населенныхъ мѣстнъ и земель, раздавались также королевскіе люди, не-

во всех имѣньяхъ ихъ, въ таковыхъ вольностяхъ: ижъ воеводы Киевскіе нынѣшніе и потомъ будущіе не маюť въ имѣнья ихъ всылати, по пасѣбамъ и по землямъ бортнымъ медовъ на себе брати, а по рѣкамъ не маюť бобровъ гонити, и озерь ихъ волочити ²⁰³⁾, а ни по лукамъ ²⁰⁴⁾ ихъ осетровъ брати, а ни по ловомъ ²⁰⁵⁾ ихъ всякого звѣру ловити, ни стрѣляти, ни птахъ не ловити, а ни стрѣльцовъ своихъ не маюť въ ихъ имѣнья всылати. А на службахъ нашихъ у князятъ и панятъ Киевскихъ силою языковъ ²⁰⁶⁾ воеводѣ Киевскому не отнимати. А по подворьямъ, въ замку и въ мѣстѣ Киевскомъ, по князьскимъ и по паньскимъ, слугамъ воеводинымъ и жолнеромъ нашимъ ²⁰⁷⁾ безъ воли ихъ не стояти, и зъ ѣзовъ ²⁰⁸⁾ ихъ по Днѣпру и по Припети и по всимъ рѣкамъ, въ имѣньяхъ ихъ, десятоѣ рыбы на себе воеводамъ не брати. А на мѣстѣ Киевскомъ и по инымъ замкомъ нашимъ, што-кольвекъ ²⁰⁹⁾ люди ихъ на продажу привезутъ, медовъ, жить и зринъ, и бобровъ, и куницъ, и лисицъ, и рыбъ свѣжихъ и вялыхъ: того всего воеводы Киевскіе пѣнязей не заплативши, силою не маюť брати, и людей ихъ и чолновъ въ нихъ не маюť брати и въ подводы посылати. 219—246.

б) А коли воеводы наши Киевскіе отъ насъ до Киева ѣдутъ або съ Киева до насъ, а любо по пригородкамъ нашимъ ѣздятъ, або слугъ своихъ посылаютъ: ино людемъ церковнымъ, и князьскимъ и

зависимо отъ земли, на которой они сидѣли. Такіе люди назывались обыкновенно внслуженными, наданными, дарованными... Раздача людей происходила по числу службъ, семействъ, иногда поголовно, а иногда и цѣлыми мѣстностями... Пожалованіе составляло впрочемъ только производный, но не первоначальный источникъ зависимости. Предметъ даренія составляли только челядь и люди подъ разными названіями—тяглыхъ, данникихъ (данниковъ) и пр. Если въ жалован. имѣніи жили вольные люди, то за ними признавалось право выхода". *Ф. И. Леонтовичъ: „Крестьяне...“*, стр. 24—25.

²⁰³⁾ Забрасывать въ озера невода, ловить въ озерахъ рыбу.

²⁰⁴⁾ Лука—теченіе рѣки изгибомъ (Акад. Слов. II, 267).

²⁰⁵⁾ Въ мѣстахъ для охоты.

²⁰⁶⁾ Трудно рѣшить, что именно разумѣется здѣсь подъ „языками“. Обичное техническое значеніе этого слова: плѣнникъ, отъ котораго узнавали о состояніи непріятельск. войска (а также: лицо, показывавшее на к.-л. предъ судомъ),—повидимому, сюда не подходитъ.

²⁰⁷⁾ Королевскимъ солдатамъ.

²⁰⁸⁾ Ёзъ—заколь (перегородка) въ рѣкѣ для ловли рыбы (Акад. Слов. IV, 471).

²⁰⁹⁾ Если что-либо.

паньскимъ и боярскимъ, на воеводѣ становѣ не рядити ²¹⁰⁾, и стацей ²¹¹⁾ имъ и слугамъ ихъ и подводѣ не давати. 249—256.

XLVII. Определения размѣровъ нѣкоторыхъ пошлинъ (кромя судебныхъ), взимаемыхъ органами мѣстнаго управленія, въ видахъ охраненія населенія отъ произвольнаго ихъ возвышенія.

а) Соляная пошлина.

2. Также воеводѣ нашему отъ варь ²¹²⁾ имати гостинца, по полукопѣ грошей ²¹³⁾ отъ всякоѣ вари. 249—251.

б) Пошлина со стадъ.

3. а) Тежъ въ томъ же листѣ его милости выписано, абы воиюшые ²¹⁴⁾ брали съ конского и зъ животинного стада зъ мѣстского куницу, по двадцати грошей на лѣто, подлѣ давнего обычая, какъ передъ тымъ бывало, за великого князя Витовта и за Живгимонта. 198—203.

γ) Мостовая пошлина.

б) А хто коли помостное завѣдаетъ ²¹⁵⁾ на городѣ, тотъ бы съ тыхъ людей, которыхъ дѣлница сказится ²¹⁶⁾, а всяя ²¹⁷⁾ замостить, по грошу бралъ; а чія дѣлница мосту будетъ цѣла, на томъ бы ничего не бралъ ²¹⁸⁾. 209—214.

δ) Брачныя пошлыны.

с) А куницы змирскіе ²¹⁹⁾, свадебныя ²²⁰⁾ брано бы зъ нихъ по шести грошей, а вдовью куницу ²²¹⁾ по дванадцати грошей. 214—216.

²¹⁰⁾ Квартиръ не отводить (для ночлега, отдыха и пр.).

²¹¹⁾ Стацеи—повинность, состоявшая въ доставкѣ (безденежно) равныхъ съѣстныхъ припасовъ для вел. князя и его свиты, а равно для воеводъ съ его слугами и проч. должностныхъ лицъ, во время ихъ проѣзда, остановки, ночлега и пр.

²¹²⁾ Варь (варница)—соловарня, заводъ для выварки соли.

²¹³⁾ См. прилѣч. 147.

²¹⁴⁾ Конюшые—шталмейстеры.

²¹⁵⁾ Наблюдающій за исправностью мостовъ.

²¹⁶⁾ Чей участокъ испортится.

²¹⁷⁾ Слова, потомъ.

²¹⁸⁾ Указанная пошлина взыскивалась только съ того, чей участокъ пришелъ въ неисправность вслѣдствіе плохого за нимъ присмотра. Отсюда, однако, не слѣдуетъ, что мостовая повинность замѣнена денежнымъ взносомъ: тотъ, чей участокъ пришелъ въ неисправность, сверхъ уплаты одного гроша, долженъ самъ привести свой участокъ въ надлежащій видъ.

Б¹. што ся тычеть кунницъ свадебныхъ, коли нашъ человекъ въ князского человекъ, або въ панского, або въ землянского пойметъ дѣвку, ино выводная кунница тому государю, въ чіего человекъ дѣвку пойметъ; а пойметъ князскій, або панскій, або землянскій человекъ въ нашего человекъ дѣвку, ино кунница выводная нашому воеводѣ зъ нашего человекъ ²²²). 166—174.

Б². *NB. Дословно то же, что и съ предыдущей грамоты.* 182—190.

XLVIII. Запрещеніе органамъ мѣстнаго управленія брать незаконныя пошлины.

2. А воеводѣ нашому отъ пригоновъ городскихъ посуловъ не брати ²²³). 246—248.

<p>4. Тежь, вгды бы есмо, зъ наше ласки, нѣвторому нѣшто дали, або его чимъ осмотрѣли ²²⁴): отъ того жадный тивунъ, маючи взглядъ на таковое опатренье и обдаренье, не маеть брать отъ таковыхъ посуду. 119—123.</p>	<p>Item, quando de liberalitatis nostrae gratiae, quid dabimus, aut providebimus alicui, ab illo, respectu ejusmodi nostrae donationis et provisionis, nullus civonorum, euxemia alias possuły repetere et exigere non debet. 133—138.</p>
---	--

²¹⁹) *Кунница змирская*—мировая пошлина, пошлина съ тажущихся сторонъ, припрившихся до судебного разбирательства. См. ст. СЦ.

²²⁰) *Кунница свадебная*—брачная пошлина. Пошлина эта, взимаемая съ брачующихся мѣщанъ и крестьянъ, обыкновенно шла въ пользу представителя мѣстной власти (воеводи, намѣстника или старосты). Впрочемъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда невѣста (крестьянка) бралась изъ шляхетскаго имѣнія, брачная пошлина шла въ пользу владѣльца этого имѣнія. См. слѣд. грамоту.

²²¹) *Кунница одошья*—пошлина (брачная) съ вдови, вступающей въ новый бракъ. Пошлина эта, какъ отсюда видно, была въ два раза больше обыкновенной брачной пошлины.

²²²) Здѣсь обстоятельно опредѣляется, въ какихъ случаяхъ брачная пошлина съ крестьянъ шла въ пользу воеводи и въ какихъ—въ пользу землевладѣльцевъ. Что же касается того, въ какихъ размѣрахъ пошлина эта взималась въ Кіевской землѣ, данная устав. грамота умалчиваетъ; въ устав. же грамотѣ, пожалованной (въ 1494 г.) Кіевскимъ мѣщанамъ, находимъ слѣд.: „А свадебную кунницу давати имъ шерстью; а не будетъ кунницы шерстью, ино пять грошей за кунницу“ (Ак. Запад. Рос. I, № 120).

²²³) *Посулъ*—взятка, незаконный поборъ. Такъ какъ „пригованы“ обыкновенно назывались различ. тягла, издѣльными работы, то общій смыслъ настоящаго пункта, по-видимому, слѣдующій: воевода не долженъ извлекать для себя к.-л. личныхъ выгодъ съ производящихся въ городѣ тяглыхъ работъ.

6. А слугамъ старостиннымъ, ѣздячи по селомъ, заручъ не заручати ²²⁵): нижели бы хто хотѣлъ на чье имѣнье мощно наѣхати, альбо кого збити, а онъ будетъ заручати, а на то доводъ вчинить: то есть справная зарука ²²⁶). 77—81.

7. Зася по вмерломъ чоловѣцѣ, близкими будучимъ, за добра, правомъ близкости, отъ оного жо ниць не ма быть взято отъ старосты и судьи и подсудка ²²⁷). 91—94. Item post mortuam manu, propinquis, agentibus pro bonis jure propinquitatis, ab eisdem, nihil recipi debet, а capitaneo, judice et subjudice. 99—102.

XLIX. Отмѣна, по жалобѣ населенія, всякаго рода нововведеній и притѣсненій, вызванныхъ корыстолобіемъ и самовластіемъ органовъ мѣстнаго управленія.

8. а) А што его милость смотрѣлъ ихъ съ паны радою своею, о томъ, иже панъ Миколай Радивилевичъ, воевода Виленскій ²²⁸), канцлеръ нашъ, какъ отъ его милости Смоленскъ держалъ, хотѣлъ имъ новины вводити тые: коли зъ города Смоленска ѣздивалъ по

²²⁴) „Осмотрѣть“—тоже, что лат. providere и польск. opatrzyć; отсюда упомянутое ниже „опатренье“ (opatrzenie; в лат. текстѣ—provisio)—попеченіе, забота, поддержка.

²²⁵) *Зарука*—обезпеченіе, закладъ, а также пеня за самоуправство. Изъ различныхъ литовско-русскихъ законодат. памятниковъ видно, что тотъ, на жизнь или имущество котораго послѣдовали угрозы со стороны другого, обыкновенно хлопоталъ о выдачѣ ему заручнаго или охранительнаго листа, въ которомъ опредѣлялись размѣры пени на случай исполненія угрозы (листы эти обыкновенно выдавались изъ вел.-бнѣжеской канцеляріи). Во время земельныхъ тяжбъ заручные листы выдавались той изъ тѣхъ сторонъ, которая опасалась наѣздовъ и грабежа, т. е. самоуправнаго нарушенія своего владѣнія противною стороною. См. Лит. Стат. 1529 г., р. I, ар. 12; р. VII, ар. 7; Лит. Стат. 1566 г., р. I, ар. 21, а также Ак. Зап. Рос. т. III, стр. 34, 181 и др.

²²⁶) Слуги старость при разъѣздахъ своихъ по частновладѣльческимъ имѣніямъ не въ правѣ взыскивать собственною властью „заручъ“ или штрафовъ за самоуправство; „зарука“ считается взысканной законнымъ образомъ („справная зарука“) лишь въ томъ случаѣ, когда тотъ, на жизнь и владѣльческія права котораго было сдѣяно посягательство со стороны другого, докажетъ это на судѣ („на то доводъ вчинить“) и будетъ требовать взысканія съ виновнаго пени за самоуправство.

²²⁷) Органы мѣстнаго управленія не должны взимать съ лицъ, наследующихъ по закону („по праву близкости“, т. е. по праву родства) никакихъ пошлинъ.

²²⁸) Николай Радзивилъ, управлявшій Смоленскою землею при Казимірѣ, былъ назначенъ воеводою Виленскимъ въ 1508 г. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ: „Рус. Исторія“, т. II, в. I, стр. 79.

дворомъ Смоленскимъ, а любо въ ловы, тогда въ нихъ подводи бириваль зъ мѣста подь себе и подь свои рѣчи, и околничіе Смоленскіе, и намѣстникъ, и слуги пана Николаевы такожь въ нихъ подводы зъ мѣста биривали; а коли на Глушницы панъ Миколай мѣшкиваль, ино слуги его много въ нихъ зъ мѣста чолнеовъ зъ людьми ²²⁹⁾ бирали подь его рѣчи, которые коли до него въ Глушницы проваживали; такожь, коли самъ мѣшкиваль въ городѣ въ Смоленску, тогда велѣль имъ сторожи ²³⁰⁾ давати на свой дворъ со всего мѣста, чого жъ здавна, за великого князя Витовта и за Жикгимонта и за отца нашего короля его милости, николи не бывало: нижли только давали по два сторожи до скарбу намѣстниковъ Смоленскихъ, въ тотъ часъ, коли они зъ города зѣвѣждали, и то съ тяглыхъ людей, которые здавна тую службу служивали. 98—121.

b) Такожь рядничій пана Николаевъ бираль звѣстѣу у гостей у купцовъ ²³¹⁾, которые пріѣзджають со Мстиславля, съ Крычова и зъ иншихъ городовъ, чогожь передь тымъ не бывало, а противъ того ²³²⁾, на Смолнянѣхъ во Мстиславли и въ Крычовѣ и въ иныхъ городѣхъ звѣстѣу бирали; а здавна, рядничіи намѣстниковъ Смоленскихъ на Мстиславцахъ и на Кричовцахъ и на иныхъ купцахъ нашихъ городовъ и мѣстъ звѣстки не бирали, нижли бирали звѣстѣу на Мосевичахъ, на Тферичахъ и на иныхъ купцахъ чужоземцахъ. 142—153.

c) Такожь околничіе Смоленскіе и вранники намѣстниковъ ²³³⁾ Смоленскихъ ново ввели: на тыхъ купцахъ, которые зъ Вязмы и зъ Дорогобужа и во Мстиславля и зъ сель привозятъ въ городу мясо

²²⁹⁾ Лодокъ съ гребцами.

²³⁰⁾ Сторожей.

²³¹⁾ Подь *рядничимъ* здѣсь разумѣется намѣстничій урядникъ, заведывавшій торговни рядами; на немъ, какъ это видно изъ даннаго пункта грамоты, лежала, между прочимъ, обязанность взимать торговня пошлины. *Взвѣстка* или вѣсчее—пошлина за взвѣшываніе товара; пошлина эта взималась въ Смоленскѣ лишь съ пріѣзжихъ купцовъ и при томъ чужеземныхъ, а не иноземныхъ или иногородныхъ. Въ Полоцкѣ доходъ съ городскихъ вѣсовъ былъ предоставленъ въ пользу города,—боярь и мѣщанъ Полоцкихъ. См. ст. XXXI.

²³²⁾ А вслѣдствіе этого.

²³³⁾ „Вранники (урядники) намѣстниковъ“—низшіе органы мѣстнаго управленія, состоявшіе при намѣстникѣ.

продавати дѣльми стяги ²³⁴), бирали съ стягу по полугрошку; а того здавна не бывало, нижли съ тыхъ рѣзниковъ, которые въ мѣстѣ живутъ и мяса продають, тотъ доходъ околничіе бирали. 153—161.

d) Такожъ и тую новину панъ Миколай ввелъ былъ имъ: велѣлъ имъ со всего мѣста люди выгоняти на Есеную, прудовъ сыпати ²³⁵), а здавна того мѣщане не дѣльвали, нижли тяглые люди пруды сыпывали. И отецъ нашъ король его милость, съ паны радюю своею, довѣдавшися того достаточнѣ отъ нихъ и отъ князей и пановъ и бояръ земли Смоленскоѣ, ижъ тые пошлыны вси имъ ново введены, и зася тые вси новины вышечисанные его милость имъ отложилъ, а вчинилъ все по старому, какъ передъ тымъ бывало. 169—180.

Б¹. Такожъ просили насъ князи и паны и земляне Кіевскіе, ижъ бы имъ новины вводили врандники наши воеводы Кіевскіе: зъ ихъ людей куницы свадебныя берутъ, и тежъ на имѣнья ихъ слугъ своихъ насылають и безъ каждаго права грабятъ ²³⁶) ихъ самихъ и людей ихъ; такожъ хто бы ся заложилъ ²³⁷) у которое право на насъ господара, и они ихъ до насъ не допускають; тежъ о мыта ²³⁸) новыя, гдѣ здавна не бывали, а ново вставлены; и били намъ чоломъ, абыхмо имъ тые новины отложили. И мы о томъ помысливши съ паны радюю нашою, уставляемъ такъ ²³⁹): 154—166.

Б². NB. То же, что и въ предыдущей грамотѣ.

169—182.

²³⁴) Стягъ—туша убитаго рогатаго скота. Акад. Слов. IV, 248.

²³⁵) Рыть пруды.

²³⁶) *Грабежъ*—обычная мѣра приведенія въ исполненіе судебного приговора, въ случаѣ уклоненія осужденной стороны отъ добровольнаго удовлетворенія истца или потерпѣвшаго (Л. Стат. 1529 г., р. VI, ар. 31). Такой грабежъ назывался „урядовымъ“ въ отличіе отъ „безправнаго“, или самоуправнаго. Въ данномъ мѣстѣ рѣчь идетъ о наездѣ и грабежѣ, учиненныхъ безъ уполномочія суда („безъ каждаго права“), т. е. о самоуправномъ нарушеніи владѣнія. См. также ст. свода СП.

²³⁷) См. ст. ХCVIII. Здѣсь имѣется въ виду тотъ случай, когда тяжущіяся стороны приходили къ взаимному соглашенію передать свой споръ на рѣшеніе вел. князя. Изъ ст. ХСП видно, что обращеніе (по гражд. дѣламъ) къ суду великокняжескому или суда воеводы допускали и Кіевская и Волынская устав. грамоты; срокъ для явки къ суду вел. князя назначалъ воевода. См. примѣч. къ ст. ХСП.

²³⁸) См. ст. LXV, а также примѣч. 247.

²³⁹) Постановленія, вызванныя этою просьбою объ отиѣнѣ новинъ, введенныхъ Кіевскими воеводами, отнесенны по принадлежности къ различнымъ статьямъ свода. См. ст. XLVII (грам. № 5), СП, ХСП и LXV.

*Л. Право и способъ обжалованія неправильныхъ по суду дѣйстви
органовъ мѣстнаго управленія (въ Бѣльскомъ повѣтѣ).*

7. Едно бы ся кгды при-
годило съ пригоды, судья съ под-
судкомъ нѣктогого землянина
судили, а естли бы ся ему ви-
дѣло зъ того кривду; теды тако-
вый землянинъ може судью съ
подсудкомъ позвать предъ насъ.

113—117.

Casu p̄ero quo iudex cum sub-
iudice terrigenam iudicarent ut ex
eorum sententia, sibi uideretur
grauamen, extunc, talis terrigena,
iudicem et subiudicem euocare et
citare ad nostram praesentiam
poterint ²⁴⁰). 122—127.

**3. Постановленія относительно государственныхъ податей, пошляинъ и натураль-
ныхъ повинностей; многочисленные случаи освобожденія населенія отъ различ-
ныхъ господарскихъ даней и службъ.**

*ЛІ. Подымщина (подать съ дымовъ или жилищъ); освобожденіе отъ
нея владѣльческихъ крестьянъ.*

Б¹. А о подымщинѣ, какъ будетъ было за великого князя Ви-
товта. 79—81.

Б². А подымщины людемъ ихъ намъ господарю ²⁴¹) не давати:
нижли мають они паномъ своимъ давати, хто кому служить ²⁴²).

261—264.

²⁴⁰) Такъ у Дзялинскаго (Zb. pr. lit., 80); между тѣмъ по смыслу должно быть—
„poterit“.

²⁴¹) „По литовскимъ законамъ, государственныя подати назначались на господарскую
(королевскую) „потребу“ и потребу земскую. Подъ господарскою потребою разумѣлись
издержки, шедшія собственно на короля и дворъ... Потребы земскія обозначали преиму-
щественно чрезвычайныя издержки, въ какихъ нуждалось государство только въ извѣст-
ныхъ случаяхъ, напр., въ виду предстоявшей войны и въ др. случаяхъ. Потребы первого
рода имѣли постоянное значеніе; поэтому и назначавшіяся на нихъ подати были постоян-
ными, собиравлись на основаніи опредѣленныхъ окладовъ и въ положенные сроки“. *Ө. И.
Леонтовичъ*: „Крестьяне...“, 80.

²⁴²) См. также ст. LIII, LVIII, LX, LXI и др. Свобода владѣльческихъ крестьянъ
отъ многихъ господарскихъ податей и повинностей была провозглашена еще шляхетскою
грамотою 1457 г. (ст. 11), но полного и всеобщаго освобожденія своихъ имѣній отъ
господарскихъ налоговъ, поборовъ и повинностей землевладѣльцы достигли (какъ это
видно, между прочимъ, изъ нижеслѣдующихъ статей настоящей рубрики) лишь въ началѣ
XVI в. Такимъ образомъ, то, что въ Московскомъ государствѣ (а до половины XV в. и въ
Литовскомъ) было предметомъ содержанія особихъ (льготныхъ) грамотъ, являлось особю

LII. Куничная дань или промысловая подать.

4. А которыи за дань давали
буницы, часу князя Витовта, тыи
и теперь мають давать и платить
тыи куницы. 116—118.

Qui vero contributiones mardo-
rum, tempore ducis Witowdi solve-
bant et contribuebant illos et nunc
dictos mardores et contribuere et
exolvere volumus. 128—132.

*LIII. Освобожденія владѣльческихъ людей (въ Волынск. земль) отъ
платежа воловщицы ²⁴³).*

6. А къ тому тежь, зъ особливоѣ ласки нашео, бачучи ихъ
вѣрную, а пильную, накладную, нивколи не отмѣшканую службу ²⁴⁴),
которую жъ они здавна, завжды, не лютуючи горль своихъ, цно-
тливѣ ²⁴⁵), предкомъ нашимъ и намъ, пану своему дѣдичному, оевы-
вали, зъ ласки нашео на ихъ покорную просьбу и чоломбитье, по-
жаловали есмо ихъ, отпустили есмо имъ зъ ихъ людей воловщину по
всей Волынской земли, которую жъ воловщину здавна, за предкомъ
нашихъ, люди ихъ даивали; а пожаловали и отпустили есмо имъ вѣчно
на вѣки вѣчныи, и тоѣ воловщины мы вжо господарь не маемъ зъ
людей ихъ брати, а ни потомовѣ наши: 141—155.

*LIV. Освобожденіе жителей (Полоцкой области) отъ уплаты по-
стоянной серебщицны.*

2. а) и тежь серебщицну ²⁴⁶) отпустили есмо имъ вѣчнѣ. 195—196.

б) *НВ. Постановленіе о совместной уплатѣ временной серебщицны и ордынничны
мѣщанами и крестьянами вошло въ составъ XXXVI ст. свода.*

привилегіей для некоторыхъ отдѣльныхъ лицъ и учреждений, въ Литовской Руси, благо-
даря унадуку великокняжеской власти и неνομѣрному возвышенію шляхетскаго сословія
(см. выше стр. 19—21), обратилось въ нач. XVI в. въ общее правило, въ общую юридич.
норму, санкціонированную Литовскимъ Статутомъ (Л. С. 1529 г., р. I, ар. 22).

²⁴³) *Воловщина*—подать съ крестьянскихъ волеѣ. Отъ этой подати мѣшкія Волин-
ской шляхты были освобождены еще въ 1508 г. (вел. кн. Александромъ), но только на
14 лѣтъ (Ак. Зап. Рос. I, № 201); настоящимъ пунктомъ Волыиск. устава грамоти (1599
г.) воловщина отмѣняется навсегда.

²⁴⁴) Вѣрную, усердную, накладную (убыточную) и всегда безотлагательную службу.

²⁴⁵) Не щадя своей жизни, доблестно...

²⁴⁶) О серебщицнхъ и ордынничнхъ см. прим. 167.

LV. Случай освобождения жителей от платежа провозных пошлин²⁴⁷⁾ (на пространство всего юсударства).

1. Также есмо имъ и мыта отпустили по всей отчинѣ нашей вѣчно. 75—76.

2. Также есмо и мыта имъ отпустили по всей нашей державѣ, 194—195.

LVI. Постановленіе о тампѣ.

3. Тежь тамга²⁴⁸⁾ на горожаныхъ Смоленскихъ намъ не надобѣ, нижли на гостѣхъ тамга брата. 53—55.

LVII. Отмѣна нѣкоторыхъ налоговъ, существовавшихъ лишь въ Смоленскѣ.

3. А сто рублевъ, што зъ города даивали на годѣ, то его милость имъ на вѣки отпустилъ; а што Тѣричи, мѣстичи Смоленскіе²⁴⁹⁾, двадцать рублевъ грошей даивали, и то его милость имъ такожь отпустилъ. 62—66.

LVIII. Тямыя работы (полевая, муговая, дворцовая, пѣдовая и пр.) и случаи освобожденія отъ нихъ.

1. А сябровъ городскихъ²⁵⁰⁾ въ пригонѣ нашѣ не гнати, а ни въ подводы, а ни въ ловы. 60—62.

²⁴⁷⁾ Въ приведенныхъ ниже постановленіяхъ рѣчь идетъ именно о провозныхъ пошлинахъ, или проѣздномъ и подорожномъ мытѣ (различался мытъ водяной, сухопутный, мостовой и пр.), а не о торговомъ мытѣ, или пошлинахъ при продажѣ товаровъ, състинныхъ припасовъ и пр. (вѣсчее, помѣрное, повозное и пр.; мытъ рыбный, мясной, хлѣбный и пр.). Такое заключеніе, между прочимъ, можно сдѣлать изъ слѣд. пункта грамоты на магдебургское право, пожалованной Полоцку въ 1510 г.: „Вудуть тежь волики вси хѣщане Полоцкіе отъ мыта, сухимъ путемъ и водою, черезъ все князьство великое Литовское..“ (Ак. Зап. Рос. II, № 61).

²⁴⁸⁾ Тамга (первонач. значеніе—вклеймо, знакъ)—внутренняя таможенная пошлина. См. „Христоматію по ист. рус. пр.“ I, 126; Анад. Слов. IV, 270.

²⁴⁹⁾ Рѣчь идетъ о выходцахъ изъ Тверской земли, бѣжавшихъ отсюда въ Литву, можетъ быть, вслѣдствіе событий 1484 г. и приобрѣвшихъ осѣдлость въ г. Смоленскѣ. (Въ 1484 г. Тверское княжество было занято войсками вел. кн. Иоанна III, а кн. Тверской Михаилъ Борисовичъ бѣжалъ къ Казивіру).

²⁵⁰⁾ Въ ст. свода ХСШ: „мѣщанскіе сябры“. Трудно рѣшить, кто именно разумѣется здѣсь подъ сябрами. Въ Псков. суд. грамотѣ слово „сябры“ употреблено въ смыслѣ совладѣлецъ земли, сотоварищъ по предпріятію. См. „Христом.“ по ист. рус. пр.“ I, 165 и 160. Въ смыслѣ же совладѣльца нераздѣленного движимаго или недвижимаго имущества упо-

2. такожь зъ боярскихъ и зъ мѣщанскихъ сель людемъ не надобѣ ни на какую службу тянути въ нашимъ княжимъ дворомъ.

99—102.

4. а) И тымъ, которыи, часу пановъ князей Витовта и Казимира наречонныхъ, не косили сѣна, тьи и теперь не мають косити.

30—32.

б) а которыи люди зъ посполства поступовали службы, часу короля Владыслава и князя Витовта и тежь отца нашего, таки тежь службы и намъ мають поступовати.

70—74.

с) А нашихъ коней не мають они николи стравовати²⁵¹⁾ а ни пастьвити.

114—115.

Item qui tempore dominorum ducum, Witowdi et Casimiri, praefatorum faenum non falcarunt, isti modo etiam falcare non tenentur.

36—39.

Quicumque vero homines de communitate seruitutes suas quomodo exhibebant tempore Vladislai regis, ducis Witowdi et genitoris nostri: pari modo nobis eadem seruitutes debent et nunc impendere.

82—87.

et equi nostri per eos non debent pabulari.

127—128.

5¹⁾. А церковнымъ людемъ и князскимъ и панскимъ ѣзвѣ²⁵²⁾ не ѣзити, а сѣна не косити, а дворовъ нашихъ не селити: только имъ знати своихъ государовъ, хто кому служить, какъ будетъ было за великого князя Витовта²⁵³⁾; а наши дворы нашими людьми селити. А што придали люди князь Александро и князь Семень²⁵⁴⁾, тымъ

треблено слово „сябрь“ и въ Лит. Стат. 1529 г. (р. VI, ар. 32). Указанное затрудненіе происходитъ глав. образомъ оттого, что въ ст. XCIII мѣщанскіе сябры упоминаются на ряду съ боярскими людьми, при чемъ и тѣ и др. освобождаются отъ суда мѣсти. правит. органовъ и подчиняются суду „своихъ государей“. Впрочемъ, имѣя въ виду, что слово „сябрь“ значитъ не только—участникъ, товарищъ, но и сосѣдъ (см. Слов. Линде т. V, 249; Акад. Слов. IV, 285), можно предположить, что въ Витебскѣ и Полоцкѣ „сябрами“ именовались такъ называемые *подсосѣдки*, т. е. крестьяне, которые, по словамъ О. И. Леонтовича, не имѣли своихъ дворовъ и земель, но жили по чужимъ угламъ („Крестьяне...“, стр. 29); мѣщанскими же или городскими—сябры, упоминаемые Витебской и Полоцкой грамотами, назывались и. б. оттого, что жили въ сосѣдствѣ или подсосѣдствѣ на дворахъ, принадлежавшихъ мѣщанамъ. (Разрядъ крестьянъ, называемыхъ „подсосѣдками“ или просто „сосѣдами“, былъ извѣстенъ еще Вислицкому Статуту. См. Ак. Зап. Рос. I, стр. 12).

²⁵¹⁾ Кормить, доставлять кормъ.

²⁵²⁾ См. примѣч. 208.

²⁵³⁾ Въ подтвердит. грам. 1529 г. слова: „какъ будетъ ...Витовта“—опущены.

людемъ также ѣздовъ не ѣздити, а сѣна не косити и дворовъ нашихъ не селити. 122—131.

б) А въ облаву церковнымъ людемъ и князьскимъ и панскимъ не ходити. 147—149.

Б². а) *NB.* То же, что и съ предыд. грамоты, только съ отличіемъ, указаннымъ съ 253 примѣчаніи. 146—153.

б) *NB.* То же, что и съ параллельн. жстью предыдущей грамоты. 163—164.

с) А сокольныхъ гнѣздъ людемъ ихъ не стеречи. 264—265.

В. Такожь што били чоломъ брату нашему его милости, о томъ, штожь которыи люди церковныи, князьскіи, паньскіи и землянскіи хоживали на роботу къ замку Лудскому и къ дворомъ нашимъ, орати, и жати, и сѣно косити, и его милость то имъ отпустилъ²⁵⁵); 113—119.

LIX. Оправа замковая и городовая (устройство и исправленіе королевскихъ замковъ и городскихъ укрѣпленій); случаи освобожденія отъ этой повинности.

4. а) И тежь на работы замковыи не мають ходити, яко и за князей Витовта и Казимира не ходили. 33—35.

б) Тежь двory наши новыи у ихъ повѣтѣхъ не мають быти черезъ насъ будованы²⁵⁶), одно оныи двory мають быти направованы и будутъ тыи, которыи были часу князя Витовта. 106—110.

Б¹. А городки²⁵⁷) Кіевскіе по старому: дѣлати города каждому надобѣ. 131—132.

Б². *NB.* То же, что и съ предыдущей грамоты. 153—155.

Item ad labores castrorum ambulare non debent, sicuti et tempore ducum, Witowdi et Casimiri, non ambulabant. 40—42.

Curiae nostrae novae in ipsorum districtibus per nos non sunt erigendae, aut edificandae, nisi illae, quae tempore ducis Witowdi erant ab antiquo reficiendae et reformandae. 120—124.

²⁵⁴) Здѣсь рѣчь идетъ о крѣпостныхъ крестьянахъ, пожалованныхъ различ. вотчинникамъ Кіевскими князьми Александромъ Владиміромъ и Симеономъ Александромъ. О времени ихъ княженія см. выше стр. 67—68.

²⁵⁵) См. примѣч. 242.

²⁵⁶) Не будутъ строняться.

²⁵⁷) Городскіи укрѣпленія.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКІЯ РОСПИСНЫЯ ВАЗЫ.

Les céramiques de la Grèce propre, par *Albert Dumont et Jules Chaplain*. Paris, Didot, 1881—1888, fasc. 1—5.

Histoire de la céramique grecque, par *Oliver Rayet et Maxime Collignon*. Paris, 1888.

Произведенія греческой керамики или росписныя глиняныя вазы составляютъ продукты промышленности наиболѣе популярной въ древнемъ мірѣ. Помимо назначенія служить для разныхъ домашнихъ потребностей всеневной жизни, глиняные сосуды въ древности имѣли религіозно-символическое значеніе, какъ предметы, сопровождавшіе погребеніе. До насъ дошли различнаго рода вазы почти исключительно изъ гробницъ, куда ихъ помѣщали вмѣстѣ съ предметами вооруженія и разными домашними вещами и украшениями. Большинство этихъ сосудовъ даже нарочно изготовлено для похороннаго обряда; ихъ практическое назначеніе отвергаетъ недостаточная плотность матеріала, изъ котораго они сдѣланы. Только небольшая часть, очевидно, была въ употребленіи до помѣщенія въ гробницы. Украшать жилища усопшихъ предметами утвари заставляли древнихъ вѣра въ загробную жизнь и убѣжденіе, что эти предметы будутъ служить умершимъ и за предѣлами гроба. Соединенный съ этимъ вѣрованіемъ обычай помѣщать въ гробницы глиняные сосуды существовалъ въ цвѣтущее время Греціи и способствовалъ тому, что греки довели керамическое искусство до высочайшей степени совершенства. Ему обязаны мы тѣмъ обиліемъ матеріала, который теперь находится въ нашемъ распоряженіи: въ настоящее время въ европейскихъ музеяхъ заключается до двадцати тысячъ глиняныхъ вазъ¹⁾.

¹⁾ Collignon, *L'archéologie grecque*. Paris, 1884, p. 254 (Bibliothèque de l'enseignement des beaux-arts).

Эти вазы приобрѣтають для исторіи искусства и культуры такое же значеніе, какое окаменѣлые остатки животныхъ и растений имѣють для исторіи природы, и Земперу, автору сочиненія „О стилѣ въ техническомъ и тектоническомъ искусствахъ“, принадлежитъ слѣдующая извѣстная фраза: „Покажите только горшки, выдѣланные какимъ ни есть народомъ, и тогда можно уже сказать вообще, каковъ былъ этотъ народъ и на какой степени цивилизаціи онъ стоялъ“¹⁾.

Еще Винкельманъ такъ выражался о греческихъ вазахъ: „Всѣ формы ихъ построены на правилахъ изящнаго вкуса и похожи на прекраснаго юношу, у котораго любое тѣлодвиженіе граціозно безъ его вѣдома и помимо его воли; граціозность распространяется здѣсь даже на ручки сосудовъ. Подражаніе этимъ формамъ могло бы водворить у насъ совершенно иной вкусъ и отъ ухищреннаго повести къ природѣ. Красота греческихъ сосудовъ зависитъ отъ мягкаго изгиба формъ, которыя какъ формы молодаго тѣла скорѣе еще только растутъ, нежели вполне закончены, какъ бы нарочно уклоняясь отъ взгляда, чтобы онъ не сразу, не вдругъ насыщался слишкомъ легкимъ обзоромъ совершеннаго полукружія, да и не спотыкался притомъ ни о какіе углы, не цѣплялся ни за какіе остроконечные выступы“²⁾.

Но греческіе сосуды имѣють еще другое важное значеніе, независимо отъ изящества и красоты своихъ формъ. Подобно тому, какъ рѣзные камни могутъ отчасти замѣнить недостающія произведенія скульптуры, изображенія, которыми украшены вазы, знакомятъ насъ съ состояніемъ античной живописи. Какъ извѣстно, въ области живописи намъ ничего не осталось отъ классическаго міра. Всѣ произведенія погибли, и мы знаемъ о нихъ только по преданію; даже способы ихъ техническаго исполненія остались большею частью намъ неизвѣстны. Немногочисленные остатки живописи, которые дали намъ раскопки Помпей, принадлежать уже поздней эпохѣ, такъ называемому эллинистическому времени, послѣдовавшему за смертью Александра Великаго. Кромѣ того, они открыты на почвѣ Италіи и относятся до исторіи римскаго искусства.

¹⁾ Semper, Der Stil in den technischen und tektonischen Künsten. II Band. München, 1879. p. 3.

²⁾ Переводъ взятъ у Карьера, Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры. Перев. Е. Корша. Москва. 1871. Т. II стр. 136.

Понятно, поэтому, что за отсутствием другихъ памятниковъ живописныя изображенія, которыми украшены греческія вазы, получаютъ особенную важность; они служатъ какъ бы живымъ отголоскомъ великихъ художественныхъ созданій, которыя, къ сожалѣнію, должны считаться навсегда для насъ утерянными, и о которыхъ мы знаемъ лишь по описаніямъ. Рисунки на вазахъ, это единственный матеріалъ, который позволяетъ намъ понимать древнихъ писателей, сохранившихъ воспоминаніе о славныхъ живописцахъ древности.

Съ другой стороны, на вазахъ мы находимъ изображенія греческихъ боговъ и героевъ, сюжеты историческіе ¹⁾ и въ особенности сцены, взятая изъ обыкновенной, ежедневной жизни и домашнего быта. Произведенія гончарнаго ремесла, отвѣчавшія требованіямъ моды и торговли, были тѣснѣе связаны съ жизнью народа, стояли въ большей зависимости отъ нея, нежели памятники монументальнаго искусства. Поэтому, они съ большей полнотой могутъ выражать всѣ особенности характера извѣстной эпохи и всѣ подробности эллинской жизни, нежели произведенія свободнаго художественнаго творчества или памятники литературные.

Въ виду такого значенія, греческія вазы съ давнихъ поръ служили предметомъ вниманія ученыхъ. Но только съ недавняго времени, благодаря обильнымъ находкамъ на почвѣ собственной Греціи, стала возрастать интересъ къ научной разработкѣ этого важнаго матеріала.

Греческія вазы находили вездѣ, куда только успѣла проникнуть эллинская цивилизація. Больше всего ихъ найдено въ Италіи. Однѣ только раскопки некрополя въ Вульчи въ 1830 г. дали до пяти тысячъ вазъ. Всѣ глиняные сосуды, находимые въ Италіи, долгое время были извѣстны подъ названіемъ этрусскихъ. Такое названіе дали итальянскіе археологи прошлаго столѣтія отчасти изъ патріотическаго желанія приписать древнеиталійское происхожденіе наибольш-

¹⁾ Историческіе сюжеты на вазахъ не многочисленны. О нихъ кратко излагаютъ O. Jahn въ Ueber die Darstellungen griechischer Dichter auf Vasenbildern (Leipzig. 1861). Это—изображенія Кодра, Аркезилая и Дарія на кострѣ. Большой художественный и историческій интересъ представляетъ великолѣпная ваза изъ собранія древностей Босфора Киммерійскаго (Эрмитаж); она происходитъ изъ Пантикапея и носитъ на себѣ подпись художника Ксенофанта; рисунокъ на ней изображаетъ охоту Дарія и знатныхъ персовъ за грифонами и сфинксами.—Изъ числа поэтовъ мы встрѣчаемъ на вазахъ изображенія Музея, Орфея, Лина, Алкея, Сафо и Анакреона. Отвѣтныи фактъ, что среди этихъ поэтовъ нѣтъ Гомера, несмотря на то, что живописцы, росписывавшіе вазы, въ изобиліи заимствовали свои сюжеты изъ гомеровскаго эпоса.

пему числу художественныхъ произведеній, отчасти на основаніи одной эпиграммы Марціала, въ которой сосуды сдѣланные въ Аггетіумъ греческими горшечниками изъ Самоса, названы этрусскими¹⁾. Въ настоящее время большую часть вазъ, открытыхъ въ Италіи, Сициліи и на сѣверномъ берегу Чернаго моря, принимаютъ за продукты греческой промышленности, завезенные сюда путемъ торговли; только немногія изъ нихъ принадлежатъ мѣстному производству.

Собственная Греція и греческіе острова менѣе богаты подобнаго рода находками, чѣмъ Италія. Это объясняется тѣмъ, что греческія страны только въ недавнее сравнительно время сдѣлались доступны для раскопокъ, и потому на самомъ мѣстѣ производства было сдѣлано гораздо менѣе обширныхъ находокъ, нежели въ тѣхъ мѣстахъ, куда глиняные сосуды попали какъ предметы ввозной торговли.

Еще Отто Янъ въ предисловіи къ описанію Мюнхенскаго собранія вазъ (1854 г.) считалъ самыми древними сосуды азіатскаго или такъ называемаго коринѣскаго стиля. Въ 1870 г. Конце обратилъ вниманіе на большое число совершенно иного рода глиняныхъ сосудовъ, покрытыхъ геометрическимъ орнаментомъ, и доказалъ, что эти сосуды древнѣе коринѣскихъ²⁾. Значительныя находки послѣднихъ десятилѣтій въ разныхъ пунктахъ Греціи обогатили европейскіе музеи и открыли широкое поле для новыхъ заключеній. Находки Шлиманна въ Гиссарликѣ и Микенахъ, раскопки Фуке и членовъ французской школы въ Аѣинахъ Gogseix и Mamet на островѣ Санторикѣ, изслѣдованія Зальцманна и Бильотти на Родосѣ, громкія открытія Чеснолы на Кипрѣ, въ небольшой промежутокъ времени произвели переворотъ въ научныхъ воззрѣніяхъ, доставивъ обильный матеріалъ для исторіи греческой керамики древнѣйшаго періода. Этотъ періодъ вазъ обнималъ слишкомъ шесть вѣковъ; онъ соответствовалъ тому состоянію промышленности, когда одни и тѣ же приемы и образы господствовали во всѣхъ странахъ восточной части Средиземнаго моря. Такимъ образомъ, мы получаемъ свѣдѣнія о культурѣ Греціи въ эпоху, далеко предшествовавшую гомеровскимъ былинамъ и троянской войнѣ, когда письменность была еще неизвѣстна грекамъ.

Во главѣ трудовъ, въ которыхъ новый матеріалъ нашелъ уже

1) Brongniart, *Traité des arts céramiques*. Paris, 1854, t. I, p. 548.

2) Conze, *Zur Geschichte der Anfänge griechischer Kunst* (Sitzungsber. d. Wiener Akad. d. Wissensch. 1870).

свою научную разработку, стоит капитальное сочинение Альберта Дюмона, *Les ceramiques de la Grèce propre*. Въ настоящей статьѣ мы желаемъ познакомить читателей съ результатами изслѣдованій о древнѣйшихъ греческихъ вазахъ, сдѣланныхъ этимъ французскимъ ученымъ. Къ сожалѣнію, Дюмонъ умеръ, успѣвъ выпустить въ свѣтъ только первыя двѣ части своего сочиненія въ 1881—1883 г. Послѣ его смерти, изданіе его рукописи продолжалъ Эдмондъ Потье, который редактировалъ двѣ или три главы, оставленныя слишкомъ неполными, и прибавилъ къ книгѣ обширныя примѣчанія; въ нихъ помѣщены необходимыя указанія, заимствованныя изъ новѣйшихъ сочиненій, которыя были еще неизвѣстны Дюмону. Такимъ образомъ, уже вышелъ весь первый томъ сочиненія, состоящій изъ пяти выпусковъ и содержащій исторію живописи на греческихъ вазахъ отъ ея возникновенія до V в. до Р. X. Потье обѣщаетъ изданіе втораго тома, который будетъ заключать статьи Дюмона, разсѣяанныя по періодическимъ изданіямъ и излагающія о различныхъ памятникахъ греческаго искусства, сосудахъ, терракотахъ, бронзахъ и мраморахъ, собранныхъ въ собственной Греціи ¹⁾.

Свою рукопись Дюмонъ довелъ только до чернофигурныхъ вазъ включительно. Если, поѣтому, книга Дюмона не представляетъ полной исторіи греческой керамики, то взамѣнъ того она содержитъ изслѣдованіе о первомъ, наиболѣе интересномъ періодѣ этого искусства. Это изслѣдованіе есть результатъ продолжительнаго и тщательнаго изученія памятниковъ на самомъ мѣстѣ ихъ находженія.—Первое путешествіе Дюмона въ Грецію относится къ 1872 г. Онъ отправился туда въ сопровожденіи французскаго художника-гравера Жюля Шаплена, руководимый мыслью издать обширное сочиненіе о греческихъ вазахъ и терракотахъ, которое бы имѣло разомъ научный и художественный интересъ. По первоначальному плану, который изложенъ Дюмономъ въ его *Rapport sur une mission archéologique en Grèce* ²⁾ и въ письмѣ, посланномъ въ Академію Надписей ³⁾, авторъ думалъ посвятить свое сочиненіе изслѣдованію росписныхъ сосудовъ

¹⁾ Въ то время, какъ наша статья приготавлилась къ печати, вышелъ шестой выпускъ сочиненія Дюмона, содержащій небольшіе этюды по исторіи греческой керамики, которые могутъ служить дополненіемъ предшествующаго изложенія.

²⁾ Archives des Missions, série II, t. VII (1872), pp. 479—483.

³⁾ Comptes rendus des séances de l'année 1872, p. 108.

классической эпохи, происходящих какъ изъ многихъ мѣстъ собственной Греціи, такъ и изъ некрополей Италіи; все изложеніе имѣло цѣлью служить для разъясненія вопроса о происхожденіи этихъ продуктовъ античной керамики; вмѣстѣ съ тѣмъ, Дюмонъ имѣлъ въ виду коснуться нѣкоторыхъ общихъ вопросовъ исторіи и выяснитъ торговыя отношенія, существовавшія съ древнѣйшихъ временъ между народами, населявшими берега Средиземнаго моря. Результатомъ этой поѣздки былъ богатый матеріалъ, добытый Дюмономъ въ общественныхъ и частныхъ собраніяхъ Аѣинъ; цѣлый рядъ прекрасныхъ рисунковъ, исполненныхъ Шапленомъ, былъ предоставленъ рѣзцу Жюля Жаке.

Однако сочиненію не суждено было выйти въ томъ видѣ, какъ предполагалъ сначала Дюмонъ. Занятія его были прерваны назначеніемъ на мѣсто директора *École de Rome*, а вслѣдъ за тѣмъ онъ былъ сдѣланъ директоромъ школы въ Аѣинахъ, гдѣ руководилъ изданіемъ *Institut* и *Bulletin de correspondance hellénique*. Здѣсь Дюмонъ продолжалъ разработку данныхъ, относящихся къ исторіи греческой керамики. Но важныя археологическія открытія, о которыхъ мы упомянули, заставили автора отступить отъ его первоначальнаго плана. Вмѣсто того, чтобы продолжать изслѣдованіе вазъ классическаго періода, онъ занялся изученіемъ самыхъ древнихъ произведеній греческой керамики. Вотъ какъ самъ Дюмонъ говоритъ объ интересѣ возбуждаемомъ этимъ изученіемъ:

„Изученіе античныхъ предметовъ, объясняющихъ въ Греціи исторію цивилизацій, предшествовавшихъ развитію классическаго искусства, тѣмъ болѣе занимаетъ умы, что въ подобныхъ изысканіяхъ заключается наибольшая новизна. Съ одной стороны, на классической почвѣ эллинскихъ странъ мы находимъ памятники, которые восходятъ къ самымъ отдаленнымъ временамъ; съ другой стороны, восточная археологія научаетъ насъ, что въ тѣ эпохи, т. е. съ XX вѣка до нашей эры, египтяне (?) и финикіяне посѣщали эти страны, переносили туда продукты своей промышленности и, безъ сомнѣнія, колонизовали или эксплуатировали берега, подобно тому, какъ современные народы колонизируютъ и эксплуатируютъ острова Океаніи. Научная исторія, такая, какою она была обновлена пятьдесятъ лѣтъ назадъ, древнія легенды, которыя съ каждымъ днемъ заслуживаютъ все большаго вниманія, новѣйшія открытія, какъ на Санторинѣ, Ро-

досѣ, Кипрѣ, въ равнинѣ Трои и въ Микенахъ: таковы элементы изученія, высокая важность котораго неоспорима. Оно имѣетъ цѣлью научно возсоздать исторію классическихъ странъ той продолжительной эпохи, которую мы знаемъ только въ легендѣ¹⁾.

Интересъ, который представляетъ этотъ новый матеріалъ, не можетъ заставить автора забыть объ осторожности, съ какою возможна его научная разработка. Раскопки въ греческихъ странахъ далеко еще не приведены къ своему полному окончанію. Каждый день можетъ принести что нибудь новое, и то, что сегодня можетъ считаться, повидимому, правильнымъ и непреложнымъ, завтра прямо и смѣло опровергается.

Мы можемъ сказать болѣе. Исслѣдованію греческихъ сосудовъ, найденныхъ въ Италіи, до сихъ поръ посвящено было наибольшее число работъ. Эта часть исторіи греческой керамики изложена въ многочисленныхъ трактатахъ Эдуарда Гергарда, Отфр. Мюллера, Крамера, Тирша, де-Витта и Отто Яна. Однако, несмотря на такое обиліе сочиненій, посвященныхъ италійскимъ вазамъ, вопросъ объ ихъ происхожденіи до сихъ поръ еще не получилъ своего окончательнаго рѣшенія. Генрихъ Бруннъ заявилъ въ своихъ *Probleme in der Geschichte der Vasenmalerei* (Abhandl. d. bayeg. Akad. d. Wissensch. I Kl. XII, 2. München 1871), что большую часть росписныхъ вазъ, найденныхъ въ Этруріи, онъ принимаетъ за позднѣйшія подражанія, принадлежащія III в. до Р. X. Такъ какъ его выводы не встрѣтили сочувствія, то свое воззрѣніе Бруннъ высказалъ вторично въ *Über die Ausgrabungen der Certosa von Bologna* (Abhandl. d. bayeg. Akad. d. Wissensch. I Kl. XVIII, 1. München 1887).

Еще труднѣе избѣжать погрѣшностей въ той области, которая занимала Дюмона. Поэтому, какія бы неточности въ выводахъ не представлялъ трудъ Дюмона, это нисколько не умаляетъ его заслуги, какъ исслѣдователя, идущаго по новому, еще мало извѣданному пути. *Les céramiques de la Grèce propre* это—трудъ капитальный, составленный на основаніи тщательнаго изученія литературныхъ памятниковъ и строго-научной обработки археологическаго матеріала.

Работу Дюмона дополняетъ второй трудъ, выписанный нами въ

¹⁾ Этотъ отрывокъ предназначался авторомъ для *введенія* къ его книгѣ и помѣщенъ Потье въ *Introduction*, р. III, къ пятому выпуску.

заголовкѣ настоящей статьи; но онъ отличается инымъ, болѣе общимъ характеромъ изложенія. Автора его, Olivier Rayet, въ теченіи многихъ лѣтъ занимала мысль написать сочиненіе, въ которомъ бы представлена была въ общей и цѣльной картинѣ вся исторія греческой керамики. Къ сожалѣнію, эта задача была исполнена авторомъ только наполовину. Rayet умеръ въ февралѣ 1887 года, не успѣвъ довести до конца свою работу. Одинъ изъ друзей покойнаго, Maxime Collignon продолжалъ сочиненіе на основаніи уже своихъ собственныхъ изслѣдованій, стараясь сохранить единство изложенія. Такимъ образомъ, *Histoire de la céramique grecque* представляетъ историческій ходъ и характеристику керамического искусства въ Греціи съ самаго его возникновенія до позднѣйшаго состоянія.

Въ изданной книгѣ Collignon'у принадлежитъ, кромѣ введенія и X главы, излагающей о глиняныхъ росписныхъ дощечкахъ, которыми греки украшали стѣны своихъ храмовъ и гробницъ, послѣдняя часть тома, XIV—XXII гл. Къ книгѣ приложены прекрасные рисунки, исполненные P. Laurent'омъ.

I.

Древнѣйшій, доисторическій періодъ греческой керамики. Вазы Гиссарлика, Санторина и Микенъ.

Древнѣйшіе глиняные сосуды, открытые въ области Эгейскаго моря, были найдены Генрихомъ Шлиманномъ съ 1871 по 1873 г. при раскопкахъ на Гиссарликскомъ холмѣ въ Троадѣ. Въ историческое время этотъ холмъ былъ занятъ греческой колоніей, носившей въ послѣдствіи названіе Новаго Иліона. Ниже эолийской колоніи Шлиманнъ открылъ четыре слоя доисторическихъ поселеній, изъ которыхъ послѣднее лежало на глубинѣ 16 метровъ отъ поверхности земли. Предметы, найденные здѣсь, состояли изъ каменныхъ орудій, золотыхъ и серебряныхъ вещей, бронзоваго оружія и глиняной посуды примитивнаго стиля¹⁾. Всѣ бытовые предметы носятъ одинъ

---

¹⁾ Троянская коллекція въ настоящее время находится въ Берлинѣ. Не мало предметовъ, найденныхъ въ Гиссарликѣ, содержатъ также Константинопольскій музей.

общій характеръ, который позволяетъ разсматривать ихъ, какъ произведенія, принадлежація одной и той же степени цивилизаціи и одной и той же эпохѣ.

Многочисленные глиняные сосуды Гиссарлика частью сдѣланы отъ руки, частью приготовлены на гончарномъ колесѣ. Они различнаго цвѣта, черные, темно-бурные, красные, желтые или сѣрые. Это различіе цвѣта Дюмонъ объясняетъ большей или меньшей степенью обжиганія глины. Многіе изъ троянскихъ сосудовъ имѣютъ прекрасно глазированную, блестящую поверхность. Всѣ они служили для домашняго употребленія и не принадлежали къ предметамъ роскоши подобно многимъ сосудамъ, найденнымъ въ гробницахъ.

По формамъ вазы Гиссарлика довольно разнообразны. Нѣкоторыя изъ нихъ очень близко напоминаютъ позднѣйшія эллинскія *амфоры*, *энохос* и *кратеры*; другія имѣютъ выпуклое туловище съ основаніемъ или безъ основанія въ нижней части, вверху оканчивающееся узкой и длинной или широкой шеей. Большинство же троянскихъ сосудовъ представляетъ грубыя указанія на человѣческое лицо или фигуру. Также характерны для Гиссарлика сосуды въ видѣ различныхъ животныхъ, особенно кабановъ. Довольно многочисленны сосуды для питья въ видѣ прямаго рога съ двумя круглыми ручками. Нѣкоторыя вазы представляютъ соединеніе нѣсколькихъ формъ; такъ мы встрѣчаемъ вазы съ выпуклымъ туловищемъ и двойнымъ горломъ. Многія изъ вазъ Гиссарлика приспособлены для привѣшиванія, т. е. имѣютъ просверленные ручки для ношенія ихъ на шнуры, что особенно было необходимо потому, что большинство троянскихъ сосудовъ не имѣло ножекъ. Но сосуды, предназначенные, вѣроятно, для кипяченія жидкостей, утверждены на трехъ ножкахъ.

Что касается украшеній, покрывающихъ нѣкоторыя вазы Гиссарлика ¹⁾, то очень немногія изъ нихъ воспроизведены кистью. Въ большинствѣ случаевъ орнаменты выпараны какимъ нибудь острымъ орудіемъ на свѣжей глинѣ и состоятъ изъ геометрическихъ начертаній, прямыхъ, ломанныхъ и волнистыхъ линій, круговъ, треугольниковъ, и тому подобныхъ линейныхъ чертежей. Очень часто эти нацарапанные орнаменты сверху покрыты бѣлой глиной. Геометрическая

¹⁾ Большинство троянскихъ сосудовъ не имѣетъ никакихъ украшеній.

орнаментация является здѣсь въ самомъ зачаточномъ состояніи. Мы не находимъ здѣсь ни одной сколько нибудь сложной композиціи, гдѣ бы отдѣльные элементы орнамента были связаны болѣе или менѣе искусно.

Невозможно съ точностью опредѣлить время троянскихъ сосудовъ. Такъ какъ предметы Гиссарлика принадлежатъ цивилизаціи еще полу-варварской и не обнаруживаютъ никакихъ ясныхъ слѣдовъ восточныхъ вліяній, то Дюмонъ полагаетъ, что они восходятъ ко времени, когда восточный бассейнъ былъ еще свободенъ отъ финикійской торговли, и на основаніи сближеній съ предметами, найденными въ Санторикѣ, относитъ троянскіе сосуды къ началу втораго тысячелѣтія до Р. Х.

Касаясь того-же вопроса, Гельбигъ дѣлаетъ сравненіе культуры Гиссарлика съ культурой гомеровскаго вѣка и приходитъ къ заключенію, что дата троянскихъ находокъ древнѣе гомеровскаго времени ¹⁾. Поселенія, открытыя Шлиманномъ, жили въ ту эпоху, когда большая часть орудій и утвари дѣлалась еще изъ камня, а желѣзо вовсе не было извѣстно. Изъ камня приготовлялись ножи, топоры, молотки, жернова, пилы и т. п. Кромѣ камня былъ въ употребленіи и металлъ; такъ оружіе и украшенія сдѣланы изъ бронзы и золота. Но камень оставался главнымъ матеріаломъ, изъ котораго приготовлялись орудія и инструменты открытыхъ поселеній. Слѣдовательно, здѣсь еще не совсѣмъ окончился тотъ культурный періодъ, который принято называть каменнымъ вѣкомъ. — Напротивъ, въ гомеровскихъ стихотвореніяхъ нельзя доказать никакихъ слѣдовъ этого періода. Гомеру извѣстно даже желѣзо ²⁾. Въ эпосѣ описываются почти исключительно металлическіе предметы и металлическая скульптура, служившая для украшенія щитовъ, панцирей, рукоятокъ мечей, кубковъ и тому подобныхъ предметовъ вооруженія и домашняго обихода; и тогда какъ произведенія гомеровскаго времени украшены богатыми орнаментами и фигурами, всюду обличающими вліянія восточныхъ цивилизацій, украшенія троянскихъ предметовъ бѣдны и принадлежатъ еще мало опытному творчеству.

Такимъ образомъ, нижней границей времени для троянскихъ

¹⁾ W. Helbig, Das Homerische Epos aus d. Denkmälern erläutert. 2 Aufl. Leipz. 1887. p. 47

²⁾ Илиад. XXIII, ст. 826.

находокъ Гельбигъ принимаетъ XI или X ст. Въ это время началась колонизація грековъ на малоазіатскомъ побережьи и были сложены первыя пѣсни Гомера.—Другое хронологическое основаніе даютъ открытія, сдѣланныя на островѣ Терѣ. Еще въ доисторическую пору этотъ островъ былъ разрушенъ вулканическимъ изверженіемъ; центральная часть его была залита водой, образовавъ вокругъ себя кольцо изъ острововъ Санторина, Теразіи и Афронизи. Раскопки, начатыя здѣсь въ 1866 г. Фуке и оконченныя только въ послѣднее время Горсе и Мамэ, обнаружили остатки доисторическихъ поселеній, пострадавшихъ отъ изверженія. Среди развалинъ грубо построенныхъ жилищъ найдена домашняя утварь, въ томъ числѣ множество глиняныхъ сосудовъ. Утварь сдѣлана изъ камня, а предметовъ изъ металла открыто очень немного. Этотъ фактъ даетъ право заключить, что остатки поселеній на Терѣ также принадлежатъ догомеровской эпохѣ. Но сосуды Санторина, въ сравненіи съ троянскими, представляютъ болѣе развитой стиль; слѣдовательно, они ближе къ вѣку Гомера, нежели вазы Гессарлика. Геологическія изысканія привели Фуке къ заключенію, что вулканическое изверженіе на Терѣ произошло почти за двѣ тысячи лѣтъ до Р. X. Это мнѣніе раздѣляетъ и Fritsch, который вмѣстѣ съ Фуке изучалъ геологическое свойство острова Санторина. Если оно справедливо, и поселенія на Терѣ относятся къ началу втораго тысячелѣтія, то троянскіе сосуды принадлежатъ еще болѣе древнему времени.

Вазы Гессарлика не стоятъ отдѣльно въ исторіи древнѣйшаго періода греческой керамики. Вокругъ троянской коллекціи возможно собрать подобные сосуды, открытые въ другихъ мѣстахъ греческаго міра, и такимъ образомъ показать, что культурное состояніе, наиболѣе рельефный типъ котораго представляетъ Гессарликъ, принадлежало всему эллинскому востоку. Сосуды древняго поселенія въ Тиринѣ носятъ одинаковый первобытный характеръ; также на Цикладскихъ островахъ найдены однородныя вазы. Но особенно въ близкой связи съ троянскими находятся сосуды, открытые въ древнѣйшихъ гробницахъ острова Кипра. Обзору этихъ сосудовъ Дюмонъ отводитъ небольшое мѣсто въ третьемъ выпускѣ своего сочиненія. О близкомъ сродствѣ ихъ съ троянскими говорятъ Райе (стр. 7) и Бруннъ въ своемъ историческомъ вступленіи къ сочиненію Theodor'a Lau, Die griechische Vasen, ihr Formen—und Decorationssystem

(Leipz. 1877). Болѣе подробно останавливается на немъ Neumann von Rohden ¹⁾.—Сосуды, открытыя на Кипрѣ, также какъ и троянскіе, сдѣланы изъ грубой, непромытой глины и также имѣютъ глазированной буро-красную, рѣже черную поверхность. Большинство кипрскихъ сосудовъ, подобно троянскимъ, ручной работы. Многіе изъ нихъ имѣютъ сферическое туловище и частью приспособлены для привѣшиванія, частью устроены на трехъ ножкахъ. Наиболѣе употребительная форма для кипрскихъ сосудовъ—круглая, оканчивающаяся сверху длинной шейю съ отливомъ; такихъ сосудовъ въ формѣ *энохе* множество найдено и въ Гессарликѣ. Вазы въ формѣ животныхъ также нерѣдки на Кипрѣ. Украшенія кипрскихъ сосудовъ, также какъ и троянскихъ, состоятъ изъ простыхъ линейныхъ начертаній и не подчинены никакой опредѣленной системѣ, которая бы находилась въ связи съ формою сосуда. Орнаменты, также какъ и на троянскихъ сосудахъ, выцарапаны острымъ орудіемъ и заполнены бѣлой глиной.

Глиняныя вазы Санторина, въ сравненіи съ троянскими и кипрскими сосудами, представляютъ значительный успѣхъ въ технику ²⁾. Геологи относятъ изверженіе на Терѣ къ началу втораго тысячелѣтія до Р. Х. Дюмонъ старается найти въ классическихъ текстахъ доказательство глубокой древности открытыхъ на Терѣ поселеній. Исторія острова хорошо извѣстна съ VII в., когда отсюда была выведена колонія Кирены въ Ливію (Африка). Геродотъ сообщаетъ о двухъ колонизаціяхъ на Терѣ, предшествовавшихъ этому времени (Herod. IV, 147, 148). Одна, современная Кадму, финикійская, приписывается Мембліару; другую произвелъ, триста лѣтъ спустя, Терасъ, сынъ Автезіона, прибывшій сюда съ лакедемонянами и минійцами. Первую колонизацію Дюмонъ относитъ къ XVI ст., другая произошла въ XIII в. Такимъ образомъ, еслибы изверженіе на Терѣ приходилось между этими двумя датами или послѣ нихъ, то преданіе, которое сообщаетъ намъ эти факты, сохранило бы воспоминаніе и объ этомъ важномъ событіи въ жизни острова. Остается, поэтому, предположить, что оно случилось до XVI ст. ³⁾.

¹⁾ Baumeister, Denkmäler d. klassisch. Altert. p. 1934.

²⁾ Вазы Санторина находятся частью въ Парижѣ, часть въ École d'Athènes.

³⁾ Rayet дѣлаетъ остроумную догадку, что извѣстный разсказъ Гезіода о столкновеніи между богами и титанами (Геогонія, 655 и дал.) навѣянъ воспоминаніемъ объ этомъ удивитель-

Всѣ сосуды, найденные на Санторинѣ, служили для домашняго употребленія и всѣ мѣстной фабрикаці. Они сдѣланы изъ глины, взятой на югѣ острова (въ окрестностяхъ Акротири). Исслѣдованіе глины этихъ сосудовъ подѣ микроскопомъ убѣдило въ присутствіи здѣсь небольшихъ частичекъ мрамора. Отсюда заключили, что большая часть сосудовъ высушена на солнцѣ или подвергалась очень слабому обжиганію; иначе, отъ сильнаго огня, эти частицы подверглись бы совершенному измѣненію, какъ это и замѣчено на нѣкоторыхъ вазахъ. Сосуды Санторина сдѣланы большею частью на гончарномъ колесѣ и только очень немногіе—ручной работы. Въ конструкціи они отличаются отъ троянскихъ. Къ сочиненію Дюмона приложены двѣ таблицы рисунковъ, воспроизводящія главные типы санторинскихъ вазъ. Формы этихъ вазъ представляютъ болѣе удобства и изящества, нежели формы троянскихъ сосудовъ. Наиболѣе характерны сосуды въ видѣ *энохое*, представляющіе подражаніе человѣческому тѣлу; туловище, выдающееся въ передней части, на подобіе женскаго живота, сверху украшено двумя небольшими коническими возвышеніями, обозначающими грудь. Не менѣе употребительны сосуды въ видѣ цилиндровъ и прамаго рога съ небольшимъ отверстіемъ внизу и маленькой ручкой.

Украшенія этихъ сосудовъ воспроизведены при помощи кисти темно-бурой, черной, красной или бѣлой краской. Въ орнаментациі сосудовъ къ тѣмъ элементамъ, которые господствуютъ на троянскихъ вазахъ, присоединились совершенно новыя, иного характера. Въ сочиненіи рисунковъ, которыми украшены вазы, господствуютъ не однѣ только геометрическія начертанія. Растенія и фигуры животныхъ начинаютъ входить въ составъ украшеній. Но эта растительная орнаментациі говоритъ еще о неопытности живописцевъ; растенія нарисованы неуклюже и свидѣтельствуютъ о наивномъ подражаніи природѣ.

Сосуды одинаковаго типа съ санторинскими встрѣчаются на другихъ Цикладскихъ островахъ, Паросѣ, Мелосѣ, Наксосѣ, а также

номъ изверженіи. Нѣкоторыя черты изъ описанія поэта, удары, колеблющіе въ основаніи небо и горы, градъ камней, метаемый гигантами, молніи Зевса, пламя, выходящее изъ распаленной земли, все это, по мнѣнію Rayet, не могло быть измышлено фантазіей поэта, если бы сама природа не дала къ тому мотива (стр. 8).

въ Ялизѣ (на островѣ Родосѣ), Спатѣ и Кипрѣ. Кромѣ того, вазы Санторина во многихъ отношеніяхъ приближаются къ древнѣйшимъ микенскимъ сосудамъ. Обзорѣніе вазъ Санторина вообще приводитъ къ заключенію, что глиняная посуда Цикладскихъ острововъ образуетъ промежуточную ступень между древнѣйшей керамикой Гессарлика и болѣе богатой и молодой керамикой Микенскаго стиля.

Микенскіе сосуды найдены въ гробницахъ, которыя Шлиманнъ въ 1876 г. открылъ въ западной части микенскаго акрополя ¹⁾. Въмѣстѣ съ скелетами и остатками труповъ въ гробницахъ находились кромѣ глиняныхъ и алебастровыхъ сосудовъ вазы изъ золота и серебра, различные предметы и украшенія изъ бронзы, золота, янтара и горнаго хрустала. — Всѣ произведенія керамическаго искусства, найденныя въ Микенахъ, сдѣланы на гончарномъ колесѣ и отличаются хорошимъ исполненіемъ. Почти всѣ имѣютъ писанныя украшенія, вродѣ тѣхъ, какія воспроизведены на золотыхъ микенскихъ предметахъ, а также вырѣзаны на фризахъ изъ зеленого и краснаго гранита *сокровищницы царя Атрея*. Эти украшенія состоятъ изъ разныхъ геометрическихъ чертежей и формъ растительнаго и животнаго царства. Глина микенскихъ сосудовъ желтаго или сѣраго цвѣта; на глиняномъ фонѣ нанесены орнаменты большею частью одноцвѣтной темно-бурой или красной, рѣже бѣлой краской. Формы сосудовъ частью тѣже, что и на Санторинѣ, частью представляютъ дальнѣйшее ихъ развитіе. Глиняныхъ сосудовъ, хорошо сохранившихся, въ гробницахъ очень немного; но золотыя и серебряныя вазы представляютъ болѣе разнообразныя типы и даютъ большее число формъ, которыя были во вкусѣ той эпохи. Эти формы горшечники, безъ сомнѣнія, переносили и на глиняные продукты своей промышленности. Всѣ формы образованы уже гармонически и сосуды получаютъ цѣлесообразную, соотвѣтственную своему понятію конструкцію. Украшенія распределены сообразно характеру сосуда. Орнаменты расположены большею частью горизонтально, окружая рядами туловище вазы. Украшенія состоятъ частью изъ орнаментовъ, частью изъ животныхъ и растительныхъ формъ и даже человѣческихъ фигуръ. Орнаментація—чисто геометрическая, заимствованная у искусства плетенія: спиральныя и прямыя лініи, шахматныя узоры, круги, треу-

1) Коллекція микенскихъ сосудовъ хранится въ афинскомъ музеѣ *Polytechnieion*.

гольники, кресты, розетки и т. п. Формы растительнаго и животнаго царства носят особый характеръ; эти формы должны были произойти вблизи моря. Сюда входило все то, что только могло плѣнить глазъ приморскаго жителя: на сосудѣ изображались волны, морскія рыбы и птицы, полипы, морскія улитки, караллы и раковины. Изъ растений встрѣчаются листья плюща, цвѣты лиліи и пальмовыя деревья.

Всѣ эти разнообразныя изображенія носятъ чисто декоративный характеръ; онѣ размѣщены въ шаблонномъ однообразіи рядами, одно возлѣ другаго, почти также, какъ части геометрической орнаментаціи. Подобной-же системѣ подчинены изображенія человѣческихъ фигуръ; по большей части это—сцены, заимствованныя изъ дѣйствительной жизни, эпизоды битвъ и охоты, шествія колесницъ, похоронныя процессіи и т. п. Все это воспроизведено схематически, грубо и однообразно. Нерѣдко среди этихъ изображеній проникаетъ линейный орнаментъ и является между отдѣльными фигурами, наполняя собою каждый свободный промежутокъ. Мотивы геометрическіе и взятые изъ царства животнаго и растительнаго иногда смѣшиваются до того, что трудно сказать, имѣемъ ли мы предъ глазами кривую линію или древесный стволъ. Всѣ эти изображенія характеризуютъ вкусъ эпохи, который стремился болѣе къ сложнымъ, нежели къ красивымъ композиціямъ, и предпочиталъ количество изображеній ихъ качеству. Отсюда понятно то впечатлѣніе, которое микенскіе предметы сначала производили на многихъ ученыхъ, какъ произведенія времени упадка, а не опыты первоначальнаго искусства ¹⁾.

Всѣ эти предметы принадлежать эпохѣ, когда орудія изъ камня почти совершенно вышли изъ употребленія. Эпитетъ *πολύχρυσος*, который Гомеръ даетъ Микенамъ въ Иліадѣ, вполне подтверждается обиліемъ золота, которое найдено въ гробницахъ. Изъ золота сдѣланы короны, діадемы, пояса, маски, нагрудники, пуговицы и другія украшенія. Эта богатая культура выросла на почвѣ разнородныхъ азіатскихъ вліяній, занесенныхъ въ Арголиду при посредствѣ финикійской торговли. Золото, какъ и другіе цѣнные матеріалы, напр. янтарь и слоновая кость, безъ сомнѣнія, привозные. Между массой золота находятся предметы чисто восточнаго стиля рядомъ съ гру-

¹⁾ Ср. сужденіе высказанное Курціусомъ въ Nord und Süd, Band I, p. 91 и приведенное у Герца, Раскопки Шлиманна въ Микенахъ (Русск. Вѣстн., 1877, кн. 4).

были туземными издѣліями, возникшими подъ вліяніемъ этого стиля. Среди всѣхъ чужеземныхъ наслоеній замѣтны положительные элементы самостоятельнаго своеобразія, зачатки котораго коренятся въ опытахъ болѣе древнихъ. Формы и мотивы микенской декораціи могутъ быть объяснены только въ связи съ предшествующимъ развитіемъ. —Таковъ выводъ, къ которому приводитъ Дюмона обзорѣніе микенскихъ предметовъ.

Микенскія гробницы относятся къ послѣдней четверти втораго тысячелѣтія до Р. Х., точнѣе къ концу XIII или къ XII ст., слѣдовательно принадлежать къ эпохѣ болѣе древней, нежели вѣкъ Гомера.

Сопоставляя рядомъ двѣ культуры—время Гомера (XI—VII вв. до Р. Х.) и микенскую, мы находимъ сходство между ними только въ немногихъ пунктахъ: на микенскихъ произведеніяхъ искусства воспроизведены сцены, характеризующія героическую жизнь, — битвы, ѣзда на колесницахъ и охота. Въ остальномъ микенская культура значительно отличается отъ гомеровской. Такъ какъ мы имѣемъ здѣсь дѣло съ гробницами, то прежде всего замѣчается разница въ погребальныхъ обычаяхъ. Изъ эпоса мы знаемъ, что въ гомеровское время трупы сжигались на кострахъ, остатки костей и пепла собирались въ урны и погребались въ могилу, надъ которой насыпался высокій курганъ. Такъ хоронили Патрокла ¹⁾, Гектора ²⁾ и Ахилла ³⁾. —Совершенно иного рода обычай мы видимъ въ Микенахъ. Микенскія гробницы вовсе не имѣютъ кургана и находятся внутри городскихъ стѣнъ, что стоитъ въ противорѣчій съ позднѣйшимъ греческимъ обычаемъ хоронить умершихъ за предѣлами городской черты, обыкновенно вдоль обѣихъ сторонъ ведущей къ городу дороги. Хотя на стѣнахъ микенскихъ гробницъ сохранились ясные слѣды огня, но эти слѣды, какъ утверждаетъ Гельбигъ ⁴⁾, должны были произойти отъ сжиганія жертвъ надъ трупами, такъ какъ ни у одного изъ нихъ не были сожжены не только кости, но у иныхъ не тронуты даже мясистыя части закрытыя золотой маской. Слѣдовательно, въ Ми-

¹⁾ Илиад. XXIII, 139, 253—257.

²⁾ Илиад. XXIV, 787—801.

³⁾ Одисс. XXIV, 65—84.

⁴⁾ Helbig, Das Homerische Epos, p. 40.

кенахъ мы имѣемъ обрядъ простаго погребенія, а не сожиганія труповъ.

Далѣе, разница между микенскимъ вѣкомъ и гомеровскимъ заключается въ одеждѣ и вооруженіи. На микенскихъ изображеніяхъ мы не встрѣчаемъ плащей или хитоновъ; одежда муштинъ состоитъ только изъ пояса, которымъ прикрывали бедра. Что до вооруженія, то кромѣ шлемовъ и большихъ щитовъ, которые отчасти могутъ соотвѣтствовать гомеровскимъ описаніямъ, мы не находимъ здѣсь ни панцирей, ни набедренниковъ, характеризующихъ вооруженіе гомеровскихъ героевъ. Ударнаго оружія микеняне не имѣютъ вовсе; оружіемъ защиты служатъ: въ рѣдкихъ случаяхъ копье, чаще острый съ одной стороны ножъ и длинный двуострый мечъ, находимые не только на изображеніяхъ, но и въ самыхъ могилахъ.

Микенская орнаментация въ теченіи долгаго времени господствовала въ разныхъ пунктахъ греческаго міра. Глиняные сосуды, найденные въ Спатѣ (Аттика), Навплии и Кноссѣ (Критъ), принадлежать къ одному и тому-же типу съ микенскими. Тоже нужно сказать о сосудахъ, которые недавно открыты въ гробницахъ Ялиза, на островѣ Родосѣ, и нынѣ занимаютъ почетное мѣсто въ Британскомъ музеѣ. Дюмонъ относитъ ихъ къ XIV в. Эти сосуды обнаруживаютъ нѣкоторыя точки соприкосновенія съ вазами Санторина, но самое тѣсное сродство они имѣютъ съ микенскими сосудами. Въ гробницахъ найденъ скарабей съ именемъ египетскаго царя Аменофиса III (18 династіи), который царствовалъ въ XVI ст. Однако, время родосскихъ сосудовъ лучше всего можетъ быть опредѣлено на основаніи микенскихъ гробницъ, которыя по содержанію очень близки съ некрополемъ Ялиза.

II.

Геометрическая орнаментация.

Въ то время, какъ въ Ионическихъ городахъ Малой Азіи слагались эпическія повѣствованія, обозначаемыя именемъ Гомера, въ греческихъ странахъ появляется родъ глиняныхъ сосудовъ, украшенія которыхъ состоятъ изъ геометрическихъ начертаній весьма характер-

наго стиля. Мѣстомъ находокъ этихъ сосудовъ были острова Эгейскаго моря, въ особенности Тера и Мелось. Нѣсколько экземпляровъ открыто въ Атикѣ, въ округѣ Лавріона, и на островѣ Кипрѣ. Ленорманъ утверждаетъ, что почва акрополя Мегары также содержала черепки подобныхъ сосудовъ. Но главнѣйшую часть этого собранія сосудовъ составляютъ вазы, найденныя въ Аѳинахъ. Еще въ началѣ настоящаго столѣтія Fauvel и Burgon открыли въ западной и южной части города сосуды геометрическаго стиля въ гробницахъ, которыя находились внутри древнихъ стѣнъ, окружавшихъ Аѳины. т. е. въ такомъ мѣстѣ, гдѣ съ давнихъ поръ перестали погребать мертвыхъ. Въ 1871 году Іоаннъ Палеологъ предпринялъ раскопки въ части города, которая носила названіе Керамика и простиралась отъ сѣверо-западной отлогости крѣпостнаго холма. Мѣстомъ раскопокъ была часть Керамика, лежащая внѣ городскихъ стѣнъ, къ сѣверо-востоку отъ *Дипилонскихъ* воротъ. Въ верхнемъ слоѣ здѣсь были открыты гробницы классической эпохи. Въ томъ-же самомъ мѣстѣ, значительно глубже, лежалъ другой слой гробницъ, вырытыхъ въ землѣ и содержащихъ частью сожженные, частью погребенныя трупы. Въ гробницахъ находились предметы вооруженія, сдѣланные изъ желѣза, тяжелые мечи съ деревянными рукоятками, длинные ножи и острія копій. На одеждѣ, покрывавшей покойниковъ, были нашиты ленты изъ тесненнаго золота, украшенныя то орнаментомъ, состоящимъ изъ зигзаговыхъ линий, то изображеніями, представлявшими шествія животныхъ, львовъ, пантеръ, оленей, иногда даже человѣческія фигуры. Кромѣ упомянутыхъ предметовъ въ могилахъ были сосуды небольшихъ размѣровъ, а въ мусорѣ надъ каждой гробницей находили черепки большой вазы, разбитой послѣ совершенія погребальной церемоніи. По типу и геометрическимъ украшеніямъ дипилонскіе сосуды одинаковы съ тѣми, которые найдены на островахъ.

Трудно сдѣлать точное хронологическое опредѣленіе сосудовъ геометрическаго стиля. Нужно полагать, что этотъ стиль развился вскорѣ послѣ разцвѣта микенской керамики, такъ какъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ геометрическаго, микенскій стиль дѣлается все декоративнѣе и наконецъ совершенно теряетъ свой оригинальный характеръ. Появленіе сосудовъ геометрическаго стиля на островахъ относить къ X в. до Р. X. Сосуды-же Дипилона не столь древни, какъ тѣ, которые происходятъ изъ Мелоса и Теры. Такъ какъ въ

дипилонскихъ гробницахъ найдено оружіе изъ желѣза, а Гомеръ въ своихъ поэмахъ говоритъ только о бронзовомъ оружіи ¹⁾, то Гельбигъ полагаетъ, что гробницы Керамика принадлежатъ эпохѣ, когда гомеровскія эпопеи уже существовали. ²⁾ По мнѣнію Дюмона, геометрической стиль дипилонскихъ сосудовъ господствовалъ въ Аѳинахъ въ теченіе VII ст.

Формы сосудовъ геометрическаго стиля красивы и, разнообразны. Онѣ имѣютъ мало сходства съ формами микенскихъ сосудовъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ амфоры съ широкой шейей и двумя ручками, горизонтально прикрѣпленными къ верхней части туловища, кратеры на высокой цилиндрической ножкѣ, сосуды въ формѣ энохое и прокуса, глубокія чаши, кубки, вазы въ формѣ цилиндра, кнису съуживающагося, и т. п. Глина этихъ сосудовъ гораздо болѣе чиста и болѣе старательно приготовлена, чѣмъ то замѣтно на вазахъ предшествующей эпохи. Цвѣтъ глины древнѣйшихъ сосудовъ этого типа свѣтло-желтый, а болѣе позднихъ—розовый; рисунки сдѣланы темно-бурой краской. Тонкая глазурь покрываетъ какъ наружную, такъ иногда и внутреннюю поверхность вазы. Употребленіе гончарнаго колеса повсемѣстно; Гомеръ, дѣлая поэтическое описаніе хоровада, изображеннаго на щитѣ Ахилла искусною рукою Гефеста, говоритъ о гончарномъ кругѣ какъ объ инструментѣ уже хорошо извѣстномъ.—

Тамъ же Гефестъ знаменитый извилъ хоровадъ разнообразный.

Юноши тутъ и цвѣтуція дѣвы, желанныя многимъ,
Пляшутъ, въ хорѣ круговидный любезно сплетая руками.

Пляшутъ они и ногами искусными то закружатся,
Столь-же легко, какъ въ стану колесо подъ рукою испытной,
Если скудельщикъ его испытуетъ, легко ли кружатся.
То разовьются и пляшутъ рядами, одни за другими.

(Иліад. XVIII, 590—603. Гнѣдичъ).

¹⁾ За исключеніемъ желѣзной булавы аркадянина Арейеоя, упоминаемой въ VII пѣсни Иліады (v. 141):

Мощный, не лукомъ тутимъ, не копьемъ длиннотѣннымъ сражался,

Онъ (т. е. Арейеоя) булавою желѣзною ряды разрывалъ сопротивныхъ.

Другое мѣсто Иліады (IV, 123), гдѣ говорится о желѣзномъ наконечникѣ стрѣлы Пандара, Гельбигъ считаетъ позднѣйшей вставкой.

²⁾ Helbig, Das Homerische Epos, p. 80.

Орнаментация сосудов геометрического стиля значительно отличается от микенской. Въ микенской декорации главное мѣсто принадлежало мотивамъ, заимствованнымъ изъ природы; одна только спираль имѣла тамъ широкое примѣненіе въ украшеніи сосудовъ. Теперь главную роль играютъ геометрическія начертанія. Сосудъ, въ видѣ обручей, окружаютъ параллельныя линіи, узкія или широкія, въ большемъ или меньшемъ разстояніи другъ отъ друга, раздѣляя такимъ образомъ туловище сосуда на горизонтальныя полосы. Иногда эти полосы расчленены на метопы, которыя симметрично наполняются орнаментомъ. Самое богатое украшеніе является въ верхней части туловища и на шеѣ сосуда. Здѣсь мы видимъ въ разнообразныхъ сочетаніяхъ мѣандры, ряды круговъ и точекъ, шахматные узоры, кресты, ромбы и концентрическіе круги, соединенные касательными. Все это воспроизведено изящно и со вкусомъ. Спираль и растительныя формы почти не встрѣчаются. Къ геометрическимъ начертаніямъ присоединяются изображенія водныхъ птицъ и животныхъ, лошадей, барановъ, быковъ, оленей, а на болѣе позднихъ сосудахъ также человѣческія фигуры. Антилопы, изображенныя на одной кипрской вазѣ, вмѣстѣ съ подобными изображеніями на золотыхъ лентахъ диллонскихъ гробницъ, указываютъ на вліяніе Финикіи; но эти изображенія, какъ утверждаетъ Cayet, являются исключеніемъ; всѣ другія животныя, представленныя на вазахъ, происходятъ изъ самой Греціи.

Изображенія человѣческихъ фигуръ, равно какъ и животныхъ, не обнаруживаютъ никакой самобытной художественности и вполнѣ носятъ на себѣ отпечатокъ геометрическихъ узоровъ; формы угловаты и условны; непропорціонально длинныя и тонкія фигуры воспроизведены простыми очертаніями и силуэтами; постановка ихъ неестественна: нижней части тѣла и головѣ дано профильное положеніе, тогда какъ грудь представлена спереди; этотъ способъ изображенія напоминаетъ памятники восточнаго искусства, особенно египетскаго. Каждая фигура нисколько не разнится въ этомъ отношеніи отъ остальныхъ. Однако рядомъ съ этимъ замѣчается нѣкоторое стремленіе приблизиться къ природѣ; дѣтскій смыслъ къ живой природѣ особенно замѣтенъ въ передачахъ подкожныхъ мускуловъ (лядвей). Фигуры по большей части нагія; головы мужчинъ покрываютъ шлемы съ развивающимся султаномъ; обычнымъ оружіемъ служатъ особой формы щиты и мечи.

Изображенія человѣческихъ фигуръ встрѣчаются только на большихъ, самыхъ великолѣпныхъ сосудахъ геометрическаго стиля. Здѣсь, также какъ и на микенскихъ вазахъ, сюжеты взяты изъ дѣйствительной жизни. Живопись представляетъ торжественныя шествія колесницъ и воиновъ, сцены битвъ, морскихъ сраженій и праздничныя игры. Дипилонскія вазы, какъ назначенныя служить для культа мертвыхъ, очень часто содержатъ изображенія погребальныхъ церемоній. На этихъ рисункахъ мы видимъ тѣже погребальные обычаи, какіе господствовали въ гомеровское время. Мертвыхъ заворачиваютъ въ ткани, какъ поступили съ трупомъ Патрокла.—

Послѣ на одрѣ положивъ, полотномъ его тонкимъ покрыли

Съ ногъ до главы и сверху одѣли покровомъ блестящимъ.

(Ил. XVIII, 352. Гнѣдичъ).

На играхъ въ честь умершихъ устраиваются бѣга на колесницахъ и побѣдной наградой служатъ треножники, какъ было сдѣлано на похоронахъ Патрокла ¹⁾.

Особенный интересъ представляетъ изображенія морскихъ битвъ. Нарисованные на вазахъ корабли имѣютъ съ передней части иглу, ἔμβολος, rostrum. Это устройство указываетъ на ихъ военное назначеніе. На одномъ фрагментѣ вазы сохранилось даже изображеніе корабля во время битвы. Гомеру, повидимому, такое устройство кораблей не извѣстно; у поэта корабли служатъ исключительно для перевоза десанта, и объ ихъ военномъ употребленіи въ поэмахъ ничего не говорится.—Древнѣйшій памятникъ, на которомъ изображенъ военный корабль, снабженный иглою, это рельефъ изъ дворца Сангерба въ Куянджикѣ, принадлежащій концу VIII или началу VII ст. ²⁾ На рельефѣ представлено, какъ жители одного изъ приморскихъ городовъ, осажденные съ суши ассиріянами, ищутъ спасенія въ бѣгствѣ на корабляхъ. Корабли двухъ различныхъ формъ. Одни съ высокой палубой, мачтой и парусомъ, имѣютъ съ передней части иглу; другіе не имѣютъ ни мачтъ, ни иглы. Если этимъ приморскимъ городомъ долженъ быть, какъ полагаютъ, одинъ изъ городовъ Финикіи, то финикіяне уже въ VIII в. снабжали свои корабли иглою. Нужно-ли приписать изобрѣтеніе корабельной иглы самимъ финикія-

¹⁾ Иллад. XXIII, 262 и д.

²⁾ Helbig, Das Homerische Epos, p. 77 и д.

намъ, грекамъ или карійцамъ, которые также были искусными моряками, остается неизвѣстнымъ. Во всякомъ случаѣ, оно явилось, по мнѣнію Гельбига, какъ слѣдствіе соревнованія между мореплавателями Средиземнаго моря и должно быть отнесено къ концу героической эпохи.

Распространеніе геометрической орнаментаціи не ограничивается бассейномъ Средиземнаго моря. Ее находятъ на предметахъ изъ бронзы и терракоты въ большей части Европы, — въ Италіи (въ Кіузи, Цере и Вилляновѣ), въ Германіи (въ Гальштадтѣ), въ Венгріи, Даніи, Швеціи и во Франціи. Фрагменты вазъ съ геометрическимъ украшеніемъ найдены также въ Іерусалимѣ и Куянджикѣ (въ Ассиріи). Такое широкое распространеніе геометрическаго орнамента вызвало на очередь вопросъ о его происхожденіи. Возникла теорія, по которой геометрической стиль считается общимъ наслѣдіемъ индо-европейскихъ народовъ, принесеннымъ ими изъ своей первоначальной, арийской родины. Впервые эта теорія была выставлена Конце, который далъ греческой глиняной посудѣ съ геометрическимъ украшеніемъ наименование пеласгической. Къ такому рѣшенію вопроса склонились Гиршфельдъ и Брунъ ¹⁾. Гельбигъ, напротивъ, рѣшительно высказался противъ него и доказывалъ, что колыбелью геометрической орнаментаціи была передняя Азія.

Райе заявилъ себя въ этомъ вопросѣ сторонникомъ арийской теоріи. Онъ не признаетъ случайнымъ нахожденіе геометрическаго стиля въ различныхъ частяхъ Европы. По его мнѣнію, этотъ фактъ доказываетъ, что геометрическая орнаментаціа составляетъ исключительную собственность арийской расы, что она существовала съ древнѣйшаго времени у всѣхъ племенъ этой расы и занесена ими во всѣ мѣста, гдѣ эти племена нашли свою осѣдлость. — Съ другой стороны, восточные памятники показываютъ, что геометрическая орнаментаціа не принадлежитъ Востоку. Нѣсколько глиняныхъ черепковъ, найденныхъ въ Сиріи, Іерусалимѣ и Куянджикѣ, какъ полагаетъ Райе, не могутъ служить доказательствомъ, что Востоку была присуща геометрическая орнаментаціа. Сосуды съ геометрическимъ орнаментомъ легко могли быть принесены сюда путешественниками, купцами или

¹⁾ Brunn въ историческомъ вступленіи къ изданію Lau, Die griechische Vasen, ihr Formen- und Decorationsystem, Leipz. 1877, p. 5.

даже плѣвными. Геометрическое начертаніе, извѣстное подъ именемъ мѣандра, и своеобразное изображеніе креста, носящее названіе свастикки, вовсе не встрѣчаются на памятникахъ иранскаго и семитическаго племени; ихъ нѣтъ также въ Египтѣ. Напротивъ, мѣандры и свастикки господствуютъ въ орнаментациі крайняго Востока, и именно на памятникахъ Индіи и Китая¹⁾.

Равнымъ образомъ, Раіе отвергаетъ мнѣніе, по которому мѣстомъ, откуда выпла геометрическая орнаментациа, признается Карія. Это мнѣніе основано на слѣдующихъ соображеніяхъ. По словамъ Фукидида²⁾, аэиыяне, очищая Делось, узнавали карійскія гробницы только по оружію, положенному вмѣстѣ съ трупами. Дипилонскія гробницы также содержатъ предметы вооруженія. Одна изъ карійскихъ рѣкъ носитъ названіе Мѣандра, фактъ, который связываютъ съ наименованіемъ извѣстнаго геометрическаго начертанія³⁾. Изъ Геродота мы знаемъ, что національнымъ головнымъ уборомъ карійскихъ воиновъ были мѣдные племы съ развѣвающимися перьями; такіе же племы покрываютъ головы воиновъ на дипилонскихъ вазахъ. Карійцы были смѣлыми моряками и пиратами; это можетъ объяснить, почему сцены морскихъ сраженій и путешествій были особенно многочисленны на дипилонскихъ вазахъ.—Однако Раіе не придаетъ значенія ни одному изъ этихъ сопоставленій. Обычай погребать мертвыхъ съ оружіемъ могъ существовать у эллиновъ также, какъ и у карійцевъ; оружіе среди другихъ предметовъ найдено въ микенскихъ гробницахъ; сверхъ того, этотъ обычай существовалъ у германцевъ и кельтовъ. Неизвѣстно, затѣмъ, кто далъ карійской рѣкѣ названіе Мѣандра, карійцы или ихъ предшественники, делеги, по происхожденію такіе же арійцы, какъ и эллины. Головной уборъ съ развѣвающимися перь-

¹⁾ По словамъ Kayet, свастика у индійцевъ имѣла религіозно-символическое значеніе, какъ знакъ, выражающій божеское покровительство надъ тѣми предметами, на которыхъ онъ начертанъ.—Толкованіе свастикки предлагаетъ Максъ Мюллеръ, который доказываетъ, что въ Индіи свастика появляется не ранѣе IV в. до Р. X. (Герцъ, Генрихъ Шлиманъ, его жизнь, раскопки и литературные труды, въ Русскомъ Вѣстникѣ, 1882, февраля, стр. 905.)

²⁾ *Thucyd.* I, 8.

³⁾ На одной чашѣ, найденной въ некрополѣ древняго города Камира, на островѣ Родосѣ, существуетъ изображеніе быка, стоящаго на мѣандровой полосѣ. По мнѣнію Longpérier, это изображеніе есть азиатскій символъ рѣки, оно встрѣчается также на монетахъ греческихъ городовъ Сибариса, Гелы, Пандоин и др. На монетахъ городовъ Магнесіи въ Іоніи и Антиохіи въ Каріи рѣка Мѣандръ олицетворяется также въ видѣ быка, стоящаго на греческомъ орнаментѣ. *Adrien de Longpérier, Musée Napoléon III. Paris, Pl III. № 2.*

ями существовалъ у грековъ въ эпоху созданія Илиады, т. е. съ IX в.; но онъ могъ существовать у нихъ и въ болѣе раннее время. Въ морскомъ дѣлѣ эллины не уступали карійцамъ: походъ противъ Трои, колонизація острововъ Эгейскаго моря, береговъ Малой Азии, Кирены, южной Италіи служатъ тому достаточнымъ доказательствомъ. Наконецъ, противъ карійской гипотезы говоритъ отсутствіе геометрическихъ начертаній на памятникахъ карійскаго искусства(?).

По мнѣнію Райе, начало греческой геометрической орнаментации нужно искать на почвѣ самой Эллады, у ея арійскаго населенія. Райе не находитъ основаній, чтобы приписать эту орнаментацию пеласгамъ, ахеянамъ и лелегамъ, и останавливается на іонянахъ, которыхъ столица, Аѣины, обладала самой значительной фабрикой, производящей сосуда геометрическаго стиля (стр. 31—35).

Что касается Дюмона, то онъ признаетъ, что ученые, принимающіе арійскую теорію, стоятъ на слишкомъ шаткой почвѣ, а потому ихъ выводамъ нельзя придавать рѣшающаго значенія. Конце, выставившій въ 1870 году теорію арійскаго происхожденія геометрическаго стиля, не зналъ еще открытій на Санторинѣ и въ Микенахъ; эти открытія показали, что геометрическая орнаментация не можетъ быть признана первоначальной въ греческихъ странахъ, что рядомъ съ нею стоитъ растительная орнаментация, которая заявляетъ о своемъ столь-же древнемъ происхожденіи. „Нужно замѣтить, говоритъ Дюмонъ, что пеласгическій и арійскій характеръ геометрической орнаментации не доказанъ никакимъ положительнымъ свидѣтельствомъ. Самое большое, если нѣкоторыя доказательства, извлеченныя изъ языка, удостовѣряютъ, что Арійцамъ до ихъ раздѣленія были извѣстны ткани; а такъ какъ этотъ стиль, говорятъ, происходитъ, отъ подражанія тканямъ, то можно думать, что его знали Арійцы. Слабость подобнаго аргумента очевидна. Мы мало знаемъ о пеласагахъ; мы не увѣрены даже, чтобы они принадлежали къ арійской расѣ. Мы не имѣемъ никакихъ точныхъ свѣдѣній ни объ ихъ искусствѣ, ни объ ихъ промышленности. Весьма опасно вводить въ археологію формулы, которыя кажутся точными, а на самомъ дѣлѣ скрываютъ лишь пустыя идеи; чтобы обозначить именемъ народовъ систему декораціи, здѣсь, какъ и во многихъ случаяхъ, необходимо предложить себѣ вопросъ, хорошо ли намъ извѣстны эти народы и можемъ ли мы говорить о какомъ нибудь предметѣ, какъ навѣрное имъ принадлежащемъ. Та-

кимъ образомъ, мы въ правѣ требовать, чтобы намъ указали то, что можно знать объ этомъ мнимомъ искусствѣ первоначальныхъ Арійцевъ и Пеласговъ; а до тѣхъ поръ, пока это не сдѣлано, мы не можемъ имѣть довѣрія къ упомянутой теоріи“ (стр. 88).

По мнѣнію Дюмона, въ геометрической орнаментациі преобладаетъ вліяніе восточнаго стиля. Во множествѣ элементовъ, которые составляютъ эту орнаментацию, онъ видитъ формы, имѣющія аналогію въ системѣ формъ азіатскаго искусства. Треугольники, пирамиды, шевроны, круги, звѣзды, кресты, даже мѣандры, все это элементы восточной декораціи. Но въ особенности вліяніе восточныхъ художественныхъ образцовъ отражается на употребленіи поясовъ и метоповъ. Тонина ножекъ и ручекъ на нѣкоторыхъ сосудахъ геометрическаго стиля указываетъ на то, что образцами для этихъ сосудовъ могли послужить металлическія издѣлія; даже самая декорація ихъ легко можетъ быть произведена чеканкою на металлѣ. Это обстоятельство также указываетъ на восточное вліяніе, такъ какъ финикіяне первые перенесли металлическое производство въ Европу. Поэтому Дюмонъ а priori допускаетъ вліяніе финикійской или вообще азіатской промышленности на начала и развитіе геометрическаго стиля. ¹⁾

Къ дипилонскимъ вазамъ близко примыкаютъ сосуды, найденные въ аттическихъ гробницахъ вблизи Фалерона. Несмотря на нѣкоторые различія, тѣ и другіе имѣютъ родственныя черты. Глина и техника ихъ одинаковы; геометрическія украшенія почти тѣже. Различіе состоитъ въ томъ, что линейное украшеніе на верхней и нижней части туловища сосудовъ изъ Фалерона напоминаетъ листья, верхніе кончики которыхъ загнулись напередъ и свисли до самого корня, такъ что сосудъ кажется какъ бы выходящимъ изъ цвѣточнаго вѣнка. Главное украшеніе помѣщается въ полосѣ, занимающей средину со-

¹⁾ Гельбигъ видитъ азіатское вліяніе даже въ изображеніяхъ женскихъ фигуръ на дипилонскихъ вазахъ. На одной вазѣ эти фигуры представлены нагими. Онѣ не могли быть взяты съ натуры, такъ какъ трудно предположить, чтобы въ то время греческія женщины ходили безъ одежды. Для сравненія Гельбигъ приводитъ золотыя бляхи, найденныя въ одной изъ микенскихъ гробницъ и представляющія изображеніе финикійской богини Астарты. Сходство не ограничивается здѣсь одною наготою, но распространяется даже на способъ изображенія. Какъ Астарта, такъ и женскія фигуры на дипилонскихъ вазахъ имѣютъ слишкомъ острый лицевой уголъ и одинаковую постановку: ноги и голова представлены въ профиль, а грудь прямо. Поэтому Гельбигъ полагаетъ, что изображенія Астарты и другіе подобные памятники финикійскаго искусства должны были послужить образцами при украшеніи дипилонскихъ сосудовъ.

суда. На одной вазѣ мы здѣсь находимъ рядъ большихъ собакъ, которыя преслѣдуютъ убѣгающаго зайца; шею сосуда украшаетъ изображеніе пѣтуха. На другой вазѣ мы видимъ изображеніе сфинкса, собакъ и летящихъ птицъ.

Сравнивая эти изображенія съ тѣми, которыя воспроизведены на диллонскихъ вазахъ, мы замѣчаемъ, что, несмотря на свою грубость, онѣ отличаются большею правильностью рисунка и большимъ стремленіемъ къ идеалу, нежели диллонскія изображенія. Также въ геометрическомъ украшеніи фалеронскихъ сосудовъ замѣчаются нѣкоторые новые элементы, какъ штрихованные треугольники, спираль, и т. п. Вообще сосуда Фалерона представляютъ новую отдѣльную фазу въ развитіи геометрическаго стиля. По своей формѣ, эти сосуда бывають преимущественно *ольмы* или *энохосе* у которыхъ шея несоразмѣрно высока и широка въ сравненіи съ туловищемъ.

III.

Восточное вліяніе. Сосуды Кипра, Родоса и Мелоса.

Рядомъ съ диллонскимъ стилемъ и въ одно и то же время, т. е. въ VII ст., въ греческихъ странахъ развивается восточная орнаментация, которая, кромѣ растительныхъ и декоративныхъ мотивовъ, какъ цвѣты лотоса, пальметы, плетенки и т. п., доставляетъ греческой керамикѣ типы различныхъ животныхъ, дѣйствительныхъ и символическихъ, сочетанія фантастическихъ существъ, получившія свое начало въ разныхъ религіозныхъ системахъ Египта, Халдеи и Финикіи. Главными посредниками между Востокомъ и Западомъ въ то время были финикійцы, которые вмѣстѣ съ товарами заносили въ греческія страны всю эту смѣсь фантастическихъ образовъ, заимствованныхъ изъ источниковъ, частью азіатскихъ, частью египетскихъ. Славу Сидонскихъ художниковъ неоднократно превозноситъ Гомеръ въ своихъ поэммахъ. Чаши изъ золота и серебра, исполненныя мастерами Финикіи, нѣсколько разъ упоминаются въ Иліадѣ и Одиссеѣ, какъ предметы роскоши тогдашней Греціи. Когда Ахиллъ устроилъ игры въ честь Патрокла, то въ числѣ наградъ побѣдителямъ былъ предложенъ —

. . . . . серебряный, пышный сосудъ, шестигранный чаша,
 Чудной своей красотой помрачавшая въ цѣлой вселенной
 Славныя чаши, Сидонянь искусныхъ изящное дѣло.
 Мужъ ее Финикійцы, по мглистому плавая понту,
 Въ Лемносъ продать привезли, но какъ даръ предложили Ѡасу;
 Царь же Эвней Язонида, выкупая Пріамова сына,
 Падшаго въ плѣнь Ликаона, отдалъ Менетиду Патроклу.

(Иліад. XXIII, 740—747. Гнѣдичъ).

Въ другомъ мѣстѣ Гомеръ говоритъ о великолѣпномъ пеллосѣ,
 о пышноузорныхъ ризахъ,—

Женъ Сидонскихъ работы, которыхъ Парисъ боговидный
 Самъ изъ Сидона привезъ, преплывая пространное море.

(Иліад. VI, 289—291).

„Мы не знаемъ, говоритъ Райе, находились-ли между товарами, привозимыми въ Грецію торговлей Тира и Сидона, глиняные сосуды, которые прямо могли послужить образцами для греческихъ горшечниковъ. Этотъ вопросъ останется безъ отвѣта до тѣхъ поръ, пока правильныя раскопки, предпріятыя въ Сиріи, не позволятъ намъ узнать въ точности финикійскую керамику. Тѣмъ не менѣе, если этотъ ввозъ дѣйствительно существовалъ, то мало вѣроятнаго въ томъ, чтобы онъ былъ значительнымъ, и видъ греческихъ сосудовъ восточнаго стиля, къ какой бы фабрикѣ они не принадлежали, скорѣе указываетъ на то, что орнаментація ихъ была заимствована изъ тканей“ (стр. 42).

Не только рисунки ковровъ и вышитыхъ тканей переносились на глиняные сосуды; образцами и узорами для нихъ, безъ сомнѣнія, служили также другія произведенія восточнаго искусства, многочисленные предметы вооруженія, вещи изъ металла и слоновой кости и въ особенности золотыя, серебряныя и бронзовыя чеканныя чаши, которыя найдены въ Ассиріи, въ Греціи (на Кипрѣ и Родосѣ) и въ Италіи (въ Царе, Салерно и Палестринѣ).

Азіатская орнаментація господствовала въ греческихъ странахъ рядомъ съ геометрической, часто смѣшиваясь съ нею; этотъ фактъ, быть можетъ, говоритъ о сродствѣ обоихъ стилей въ ихъ началахъ. Отъ вкуса мѣстной фабрики уже зависѣло преобладаніе той или другой орнаментаціи. Въ то время, какъ геометрический стиль является

господствующимъ на керамическихъ произведеніяхъ Санторина, Мелоса и Аттики, восточные мотивы преобладаютъ на глиняныхъ сосудахъ Кипра, Родоса и Коринѳа.

На островѣ Кипрѣ печать азіатскаго вліянія обнаруживается наиболѣе явственно. Этотъ островъ, самый близкій къ берегамъ Финикіи, рано былъ колонизованъ финикіянами, поселенія которыхъ существовали на югѣ острова, въ Киттіѣ, Паеосѣ и Амагонтѣ; завоеванный потомъ Египтомъ, а въ VIII ст. Ассиріей, островъ Кипръ лучше всякой другой греческой страны узналъ типы и технику Востока. Неудивительно, поэтому, если здѣсь встрѣчаются памятники чисто восточнаго искусства: египетскія и ассирійскія статуи и рельефы, ассирійскіе цилиндры, рѣзные камни, финикійскія серебряныя чаши и проч., и памятники туземные, возникшіе подъ вліяніемъ этого стиля. Мы уже имѣли случай говорить о кипрскихъ сосудахъ, это были вазы, покрытыя линейнымъ орнаментомъ и по стилю тождественныя съ троянскими. Отъ этихъ вазъ ясно отличается другой родъ кипрскихъ сосудовъ, несомнѣнно принадлежащихъ времени *финикійскаго* владычества. Эти сосуды приготовлены изъ свѣтло-сѣрой глины. Рисунки на нихъ воспроизведены красной и бѣлой краской, контуры обведены черной. Нѣкоторыя вазы имѣютъ исключительно геометрическое украшеніе, хотя уже къ этимъ геометрическимъ орнаментамъ присоединяются мотивы восточной декораціи, розетки и плетенки. Въ составъ украшеній другихъ сосудовъ входятъ растенія, главнымъ образомъ цвѣты лотоса, фигуры людей и животныхъ, дѣйствительныхъ и фантастическихъ. По своимъ формамъ кипрскіе сосуды представляютъ большое разнообразіе; нѣкоторые изъ нихъ напоминаютъ диллонскія амфоры, другіе имѣютъ вмѣсто шеи женскую голову; довольно употребительна форма энохое съ овальнымъ туловищемъ и очень низкимъ горломъ. Въ украшеніи сосудовъ нѣтъ определенной системы. Какъ формами, такъ и украшеніемъ сосудовъ здѣсь руководилъ только одинъ причудливый вкусъ мастеровъ.

Сосуды Родоса въ своей орнаментаціи также представляютъ подражаніе азіатскимъ мотивамъ, но въ нихъ уже болѣе явственно отражается греческій характеръ. Эти сосуды были найдены при раскопкахъ, произведенныхъ Зальцманномъ въ некрополѣ древняго города Камира. Финикійское вліяніе въ Камирѣ доказываютъ древнѣйшія гробницы, содержащія произведенія чисто финикійской промышленности

ности, какъ напр. серебряныя чаши, по стилю тождественныя съ тѣми, которыя были открыты на Кипрѣ. Сосуды, найденныя въ эллинскихъ гробницахъ Камира, по формамъ бываютъ преимущественно энохое и плоскія чаши и блюда (*πίνακες, δίσκοι*). Многіе изъ нихъ сдѣланы изъ особой, мелковеристой глины. Всѣ сосуды Камира отличаются блѣдно-желтымъ цвѣтомъ глины. Фигуры и орнаменты писаны черной или темно-коричневой краской, а нѣкоторыя части красной или бѣлой. Орнаментація ихъ состоитъ изъ треугольниковъ, квадратовъ, шевроновъ, завитковъ, свастики и концентрическихъ круговъ. Къ геометрическимъ украшеніямъ присоединяются мотивы восточной декораціи: плетенки, розетки и пальметы. На сосудахъ появляются сверхъ того изображенія растений, цвѣтовъ лотоса, животныхъ, львовъ, быковъ, степныхъ барановъ, зайцевъ, оленей и т. п., фантастическихъ существъ, сфинксовъ и грифоновъ.

На одной плоской чашѣ представлена Химера ¹⁾, совершенно согласно съ гомеровскимъ описаніемъ:—

Левъ головою, задомъ драконъ и коза серединой,
Страшно дыхала она пожирающимъ пламенемъ бурнымъ.

(Иліад. VI, 181—182.)

На другой чашѣ изображенъ сфинксъ, имѣющій туловище льва, голову женщины и выгнутыя къ верху крылья ²⁾). На амфорѣ мы видимъ изображеніе бѣгущаго человѣка съ головою зайца ³⁾). Всѣ эти образы, безъ сомнѣнія, заимствованы камирскими художниками изъ азіатскихъ образцовъ.

На вазахъ (энохое, гидріяхъ и амфорахъ) изображенія дѣйствительныхъ и фантастическихъ животныхъ расположены поясами. Пустыя пространства между фигурами заполнены геометрическимъ орнаментомъ. Шею сосуда обыкновенно украшаетъ плетенка или меандръ, а нижняя часть туловища, возлѣ ножки, обвита вѣнкомъ изъ цвѣтовъ лотоса.—На чашахъ мы встрѣчаемъ два способа композиціи. Первый способъ состоитъ въ томъ, что въ центральномъ медальонѣ

1) Longprérier, Musée Napoléon III. Pl. III. Этотъ прекрасный атласъ знакомитъ насъ съ родосскими сосудами, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ поступили въ Луврскій музей.

2) *ibid.* Pl. XII.

3) *ibid.* Pl. IX.

помѣщена розетка, и медальонъ окруженъ концентрическими поясами изъ геометрическихъ украшеній; пояса иногда бывають раздѣлены на метопы, въ которыхъ изображены головы животныхъ ¹⁾. Второй, позднѣйшій способъ представляетъ чашу, раздѣленную тесмой, плетенкой или мѣандромъ на двѣ неравныя половины; въ большой помѣщенъ главный сюжетъ, какое нибудь животное, стоящее на тесмѣ или мѣандрѣ, а нижняя часть занята полу-розеткой или другими украшениями.

Изображенія человѣческихъ фигуръ очень рѣдки на родосскихъ сосудахъ. Большой интересъ въ этомъ отношеніи представляетъ одна чаша изъ Камира, изображенная у Baumeister'a въ *Denkmäler d. klassisch. Altert. p. 730*. Прежде всего она замѣчательна тѣмъ, что на ней мы впервые находимъ надписи. Живопись чаши представляетъ двухъ сражающихся воиновъ, у ногъ которыхъ лежитъ убитый воинъ. Имена этихъ воиновъ написаны старинными греческими буквами возлѣ каждаго лица. Съ этихъ поръ надписи начинаютъ составлять обычную особенность живописи на вазахъ. Съ другой стороны родосская чаша служитъ доказательствомъ начинающагося вліянія гомеровской поэзіи на живопись вазъ. Начертанныя на чашѣ имена показываютъ, что живописецъ хотѣлъ здѣсь представить не обыкновенныхъ воиновъ, но эпическихъ героевъ. Мы видимъ передъ собою битву Менелая и Гектора. Цѣль битвы, повидимому, есть обладаніе трупомъ убитаго троянца Эвфорба. Это состязаніе героевъ описано въ XVII книгѣ Иліады. Сказаніе поэта касается смерти Патрокла. Первый ранитъ Патрокла—

Славный Эвфорбъ Панеонидъ, который блисталъ между сверстныхъ
Ногъ быстротой и метаніемъ копія и искусствомъ возницы.

Ему помогаетъ Гекторъ и наноситъ смертельный ударъ Патроку. Тѣло сраженнаго героя защищаетъ Менелай. Эвфорбъ, гордый своей побѣдой, вызываетъ его на бой; онъ ударяетъ своимъ копьемъ въ мѣдннй щитъ Менелая.

Но не пробилъ онъ мѣди щита. Отъ мощной оковы
Пика погнулась. Тогда въ свою очередь съ мѣста поднялся
Русый Атридъ Менелай и призвалъ отца Зевса въ молитвѣ.

¹⁾ Longpérier, Musée Napoléon III. Pl. XXXVIII.

Тутъ Эвфорбъ отшатнулся, копье жь ему мѣтко попало
 Въ самое горло. Атридъ надавилъ рукою тяжелой,
 И остріе насквозь пронзило нѣжную шею.
 Глухъ былъ звукъ отъ паденья; броня зазвенѣла на павшемъ;
 Кровь оросила власы, что Харитинскимъ были подобны,
 И дорогими иглами продѣтые кудри...¹⁾

Такимъ образомъ смерть Патрокла была отмщена: Эвфорбъ лежалъ мертвый подлѣ трупа Патрокла. Менелай хочетъ овладѣть доспѣхами Эвфорба, но, вида приближающагося Гектора, отступаетъ. Гекторъ обнажаетъ Патрокла; Менелай на защиту тѣла зоветъ Эанта и другихъ ахейскихъ героевъ. Загорается ужасная, бѣшеная битва. Объ Эвфорбѣ поэтъ больше не упоминаетъ.

Какъ мы видимъ, живописецъ допустилъ значительное уклоненіе отъ гомеровскаго описанія, представивъ на чапѣ Менелая и Гектора, сражающимися надъ трупомъ Эвфорба.—Оба героя стоятъ въ боевомъ положеніи одинъ противъ другого. Въ правыхъ поднятыхъ рукахъ они держатъ копья, готовясь нанести ударъ другъ другу, а въ лѣвыхъ выдвинутыхъ впередъ круглые щиты. Головы ихъ украшаютъ шлемы съ султаномъ и щиткомъ для носа и щекъ (*μέτοπον*), какъ шлемъ Гиппоооа у Гомера—

. . . . . осѣненный

Гривою конской и мѣднымъ блестящій забраломъ.

Сверхъ нижняго платья надѣты панцыри; ноги закрываютъ на-
 ножники (*κνημίδες*). Лежащій Эвфорбъ представленъ въ такомъ-же
 вооруженіи и также со щитомъ.

Орнаментация, состоящая изъ розетокъ, мѣандровъ и ионическихъ
 завитковъ, по обыкновенію, наполняетъ пустыя пространства чаши.
 Два глаза, нарисованные надъ щитами героевъ, имѣютъ значеніе
ἀποτρόπαια, какъ глаза Медузы; они отвращаютъ дурной глазъ отъ
 пьющихъ изъ чаши. Такіе глаза часто украшаютъ верхнюю часть
 шеи родосскихъ сосудовъ.

На основаніи нѣкоторыхъ буквъ надписей Кирхгофъ относитъ
 этотъ памятникъ керамическаго искусства ко времени около 47 ол.,

¹⁾ Мы приводимъ эти стихи Гомера въ переводѣ Леонтьева (Прописки, кн. I, стр. 79).

т. е. къ концу VII в. Восьмое и седьмое столѣтія вообще могутъ считаться временемъ процвѣтанія родосской керамики.

Довольно близко къ родосскимъ сосудамъ подходятъ вазы, найденныя на островѣ Мелосѣ, хотя вліяніе геометрическаго стиля замѣчается здѣсь въ гораздо большей степени, нежели на родосскихъ сосудахъ. Рядомъ съ геометрическими начертаніями мы находимъ здѣсь мотивы, свойственные Востоку, и ряды шествующихъ животныхъ азіатскаго характера. Въ составъ украшеній кромѣ того входятъ изображенія человѣческихъ фигуръ, въ которыхъ видно подражаніе природѣ, и божествъ, которыя, за исключеніемъ нѣкоторыхъ восточныхъ подробностей, сохраняютъ печать личного вдохновенія художника.

Въ Аѣинахъ, въ министерствѣ культовъ и народнаго просвѣщенія находятся три большія амфоры (высота каждой—три фута), происходящія изъ Мелоса. Своими формами онѣ напоминаютъ сосуды Дипилона. Рисунки на нихъ воспроизведены темно-коричневою, красной и фіолетовою краскою на блѣдно-желтомъ фонѣ глины. Нѣкоторыя подробности рисунка исполнены остріемъ.

Въ украшеніи первой амфоры преобладаютъ завитки и пальметы. Вторая имѣетъ болѣе сложную декорацію¹⁾. Шея вазы раздѣлена вертикальными лентами на метопы и украшена завитками и пальметами очень оригинальнаго и сложнаго рисунка азіатскаго характера. Туловище сосуда окружаютъ пояса; одинъ изъ нихъ занятъ изображеніемъ цвѣтовъ лотоса. Въ другомъ, самомъ широкомъ поясѣ съ одной стороны вазы представлены два всадника, съ другой двѣ лошади. Между фигурами помѣщенъ орнаментъ, состоящій изъ завитковъ и пальметъ; пустыя мѣста заполнены ромбами, шевронами и розетками. Въ нижнихъ поясахъ орнаментация состоитъ изъ завитковъ и пальметъ. Ножка вазы украшена круговыми лентами, мэандрами, пальметами, шевронами и зубцами.

Третья, самая великолѣпная амфора, къ сожалѣнію, сохранилась только въ фрагментахъ. Живопись главной метопы на шеѣ вазы изображаетъ двухъ сражающихся воиновъ, представленныхъ почти также, какъ и на родосской чашѣ. Бой ведется, очевидно, изъ-за обладанія доспѣхами, изображеніе которыхъ раздѣляетъ фигуры бойцовъ. Съ обѣ-

¹⁾ Она изображена у Райе, Pl. 2.

ихъ сторонѣ къ этой картинѣ примыкають небольшія метопы, въ которыхъ изображены двѣ женскія фигуры, обращенныя къ сражающимся и движеніями рукъ показывающія свое участіе въ главной сценѣ. Можетъ быть, этотъ сюжетъ также заимствованъ изъ гомеровскаго эпоса, однако надписей нѣтъ. Въ поясѣ, обвивающемъ туловище вазы, представлена колесница, запряженная четырьмя крылатыми лошадьми. Въ колесницѣ стоитъ Аполлонъ съ семиструнной лирой въ рукахъ и двѣ женскія фигуры; противъ колесницы выступаетъ Артемида съ колчаномъ за спиной, правой рукой поднимающая за рога оленя. Надъ этой картиной слѣдуетъ узкая тесьма, въ которой изображены идущія птицы, можетъ быть лебеди ¹⁾).

По достоинству, живопись этого памятника ниже живописи родосской чаши; однако и здѣсь подражаніе природѣ составляетъ главную черту изображеній. Въ исполненіи фигуръ мы не видимъ заимствованій изъ египетскихъ или ассирійскихъ образцовъ, какъ на кипрскихъ сосудахъ; художникъ, очевидно, рисовалъ прямо съ природы.

Этотъ памятникъ интересенъ кромѣ того въ отношеніи костюмовъ и вооруженія, которые съ этой поры становятся обычными на вазахъ. Мушцины носятъ длинные волосы, ниспадающіе на спину, — что было обыкновеннымъ у іонянъ гомеровскаго времени. Поэтъ очень часто даетъ ахеянамъ эпитетъ *χάρη κομόωντες Ἀχαιοί* ²⁾). Этотъ обычай сохранялся еще долгое время послѣ гомеровской эпохи. Длинные волосы мы находимъ на архаическихъ изваяніяхъ мужскихъ фигуръ ³⁾). Фукидидъ говоритъ, что незадолго до его времени въ Аѳинахъ богатые старики собирали себѣ волосы на головѣ въ пучекъ, закалывая ихъ золотыми булавками ⁴⁾). Вооруженіе носятъ всѣ черты гомеровской эпохи; оно совершенно такое-же, какъ и вооруженіе героевъ на родосской чашѣ.

Женщины заплетаютъ свои волосы въ косы, какъ дѣлала Гера, собираясь къ Зевсу на Иду, —

¹⁾ Рисунки у Райе, стр. 39 и Pl. 3.

²⁾ Илиад. II, 11, 28, 51, 65; III, 43, 79; IV, 261, 268, и т. д. См. Helbig, Das Homerisch. Epos, p. 236.

³⁾ Напр. статуя Аполлона Тенейскаго въ монхенской Глиптотекѣ.

⁴⁾ Thucyd. I, 6: Καὶ οἱ πρεσβύτεροι αὐτοῖς (т. е. у Аѳинянъ) τῶν εὐδαίμωνων διὰ τὸ ἀβροδίαιτον οὐ πολλὸς χρόνος ἐπειδὴ χιτῶνάς τε λινοῦς ἐπαύσαντο φοροῦντες καὶ χρυσῶν τεττίγων ἐνέρεσι κρωβύλον ἀναδοῦμενοι τῶν ἐν τῇ κεφαλῇ τριχῶν.

власы расчесала,
 Хитро сплела и сложила, и волны блестящих кудрей,
 Пышных, небеснодушистых съ бессмертной главы испустила.
 (Иліад. XIV, 175—177).

Голову окружаетъ повязка, которая спереди имѣетъ орнаментъ, напоминающій діадему. Составными частями женской одежды служатъ: длинная туника, гиматіонъ и *χάλαρα*, вуаль или покрывало, которое носили то на головѣ, то на плечахъ, то на поясѣ.

Хронологію этого памятника опредѣляютъ на основаніи семиструнной лиры, которую Аполлонъ держитъ въ рукахъ. Преданіе приписываетъ изобрѣтеніе семиструнной кивары взамѣнъ прежнѣй четырехструнной Терпандру, музыканту и поэту изъ Актиссы на Лесбосѣ, который въ 676 году одержалъ побѣду въ первомъ музыкальномъ состязаніи на праздникѣ Карнейскаго Аполлона въ Спартѣ. Слѣдовательно, ваза можетъ быть отнесена только ко времени послѣ 26 ол.—Вообще сосуды Мелоса относятъ къ VII ст.

IV.

Коринѣскія вазы.

Приблизительно къ тому же времени слѣдуетъ отнести разрядъ сосудовъ, которые извѣстны подъ названіемъ коринѣскихъ. Декорація ихъ носитъ чисто азіатскій характеръ; въ полосахъ, обвивающихъ поверхность вазы, представлены ряды шествующихъ животныхъ, дѣйствительныхъ и фантастическихъ, а также человѣческія фигуры. Отъ родосскаго этотъ стиль отличается тѣмъ, что геометрическіе мотивы здѣсь почти не встрѣчаются, и вся орнаментация несравненно сложнѣе и гуще покрываетъ фонъ вазы, нежели на родосскихъ сосудахъ. Большая часть этихъ вазъ происходитъ изъ гробницъ въ окрестностяхъ Коринѣа. Однако ихъ находили въ различныхъ мѣстахъ греческаго міра, преимущественно населенныхъ доричанами¹⁾. Много ихъ найдено въ Беотіи, въ Фивахъ, Феспіяхъ, Пла-

¹⁾ Отсюда Дюмонъ полагаетъ, что названіе дорическаго стиля было бы болѣе подходящимъ для этихъ сосудовъ, еслибы подъ такимъ названіемъ не скрывалось намѣреніе приписать извѣстный стиль одному греческому племени, что имѣло бы характеръ слишкомъ смѣлой гипотезы, между тѣмъ какъ выраженіе коринѣскій стиль не предполагаетъ никакой теоріи и служить только для означенія качества сосудовъ.

теѣ и особенно въ Танагрѣ. Нѣсколько штукъ было открыто въ коринеской колоніи Корцирѣ (нынѣшній Корфу) и на островѣ Родосѣ. Также гробницы Сициліи издавна служатъ мѣстомъ находокъ этихъ вазъ, особенно въ Селинунтѣ, Гелѣ и Акрѣ. Наконецъ, коринескіе сосуды встрѣчаются даже въ некрополяхъ древней Этруріи, въ Цѣре, Вульчи, Вейяхъ и Тарквиніяхъ.

Слава коринескихъ сосудовъ была велика еще въ древности. Когда въ 46 г. до Р. Х. Юлій Цезарь задумалъ возстановить Коринѣ, разрушеннй Мумміемъ, въ качествѣ латинской колоніи, то посланные имъ ветераны и вольноотпущенники, вмѣсто того, чтобы заниматься обработкой полей, которые имъ здѣсь были надѣлены, сочли болѣе легкимъ и прибыльнымъ разрывать древнія гробницы и расхищать вещи, тамъ находившіяся. „Раскапывая могилы, говоритъ Страбонъ, они находили здѣсь множество глиняныхъ сосудовъ и предметовъ изъ металла. Пораженные красотой этихъ вещей, они не оставили ни одной могилы неразрытою, успѣли собрать довольно значительную часть вещей, продавали ихъ по дорогой цѣнѣ и наполнили Римъ песгосогинѳіа, ибо такъ назывались открытые ими предметы, въ особенности глиняные сосуды. Сначала эти издѣлія изъ глины цѣнились столь-же дорого, какъ и бронза, наконецъ ихъ мода прошла, находки сдѣлались болѣе рѣдкими и открываемые экземпляры менѣ замѣчательными¹⁾).

Однако, вопреки Страбону, мода продолжалась еще во времена Тиберія, который жаловался сенату, на непомѣрныя цѣны, какихъ достигли коринескія вазы (*Corinthiorum vasorum pretia in immensum exarsisse*)²⁾).

„Колонисты Цезаря успѣшно дѣлали свое дѣло: въ ближайшихъ окрестностяхъ города нѣтъ болѣе ничего; но значительное число могилъ, расположенныхъ немного дальше, избѣгло ихъ розысковъ, и хотя находившіяся здѣсь вазы, безъ сомнѣнія, были менѣ красивы, чѣмъ тѣ, которыя нѣкогда заключались въ богатыхъ гробницахъ, группировавшихся возлѣ портовъ, однако онѣ вполне оправдываютъ славу коринеской керамики. По прочности и правильности формъ

¹⁾ Strabo. VIII, 11. 23.

²⁾ Sueton. Тиберій, XXXIV. — Впрочемъ, неизвестно, разумѣлъ-ли здѣсь Тиберій глиняныя вазы или металлическія.

онѣ не имѣють соперниковъ между греческими вазами, несмотря на небольшую толщину своихъ стѣнокъ, а по красотѣ до начала пятого вѣка онѣ заслуживаютъ похвалы* (Раде, стр. 61).

По своимъ формамъ эти сосуды, кромѣ амфоръ и гидрій, преимущественно бываютъ: энохое, киликсы, алабастры, арибаллы, пиксисы, скифосы и бомбиллы. Цвѣтъ глины коринескихъ сосудовъ свѣтло-желтый, часто съ зеленоватымъ оттѣнкомъ. На свѣтломъ фонѣ украшенія воспроизведены черной, красной и фіолетовой краской; нѣкоторыя подробности рисунка, какъ мускулы, складки одежды и т. п., сдѣланы при помощи острія. Фабрикаціей коринескихъ сосудовъ занимались очень долгое время, — до возникновенія чернофигурной живописи. Однако раздѣлять ихъ производство на послѣдовательныя эпохи, какъ дѣлаетъ Дюмонъ, едва ли возможно. Мы можемъ только распредѣлить сообразно украшеніямъ всѣ коринескіе сосуды на два разряда.

Первый разрядъ составляютъ сосуды, поверхность которыхъ украшаютъ шествія животныхъ, дѣйствительныхъ и фантастическихъ. Украшеніями преимущественно служатъ изображенія львовъ, тигровъ, оленей, кабановъ, барановъ, лебедей, пѣтуховъ, сфинксовъ и грифовъ. Часто встрѣчаются фантастическія существа двойной природы, птицы съ человѣческой головой, покрытой „полосомъ“, крылатыя фигуры азіатскихъ божествъ, сирены, такъ называемая Артемида персидская, или человѣческія фигуры, оканчивающіяся рыбьимъ хвостомъ.

Всѣ эти изображенія размѣщены безъ всякой связи; они идутъ одни за другими и обвиваютъ полосами туловище вазы. Пустыя мѣста обильно заполняются розетками ассирійскихъ памятниковъ, иногда пальметами и цвѣтами лотоса. Очень рѣдко среди этихъ изображеній попадаются человѣческія фигуры. Таблица 5-я у Раде воспроизводитъ красивые образцы двухъ вазъ этого рода, которые часто встрѣчаются въ гробницахъ Коринѳа. Одна изъ нихъ — энохое съ низкимъ и широкимъ туловищемъ; въ двухъ полосахъ, идущихъ вокругъ вазы, помѣщены разныя дикія животныя, сирена и всадникъ. Другая ваза, скифосъ, украшена рядами дикихъ звѣрей. Одинъ изъ коринескихъ сосудовъ луврскаго музея, изображенныхъ у Longrégier (Табл. XV), въ одной изъ полосъ имѣетъ женскій хороводъ; фигуры очень грубой работы.

Время, къ которому относятся эти сосуды, не может подлежать сомнѣнію. Акра и Селинунтъ, гдѣ было найдено много вазъ этого рода, были основаны въ VII в. Некрополь Селинунта считается даже современнымъ основанію города. Это доказываетъ, что этотъ коринескій стиль господствовалъ въ греческихъ странахъ въ теченіи VII и VI ст.

Второй разрядъ коринескихъ сосудовъ отличается отъ перваго тѣмъ, что въ украшеніи вазъ къ прежней системѣ орнаментаціи присоединяются человѣческія фигуры, соединенныя между собою какимъ нибудь общимъ дѣйствіемъ и снабженныя надписями. Одна изъ прекраснѣйшихъ вазъ этого рода—писецъ мюнхенскаго музея, найденный въ Коринѣ ученымъ англійскимъ путешественникомъ Додвеллемъ. Туловище вазы окружаютъ два пояса, въ которыхъ изображены различныя животныя, принадлежащія отчасти дѣйствительному, отчасти фантастическому міру. Верхняя часть крышки представляетъ сплошной круговой поясъ, состоящій изъ группъ и фигуръ; фигуры обозначены надписями. Съ одной стороны изображена охота на вепря. Два воина, изъ которыхъ одинъ (*Ἀγρῶτας*) вооруженъ круглымъ щитомъ и копьемъ, а другой (*Πάχων*)—лукомъ, преслѣдуютъ звѣря, который одного изъ охотниковъ (*Φίλων*) уже повергъ на землю. Противъ животнаго выступаетъ четвертый охотникъ (*Θέρσανδρος*), который старается поразить его кинжаломъ.—Эта сцена напоминаетъ то мѣсто Иліады, гдѣ Фениксъ рассказываетъ объ опустошеніяхъ, произведенныхъ калидонскимъ кабаномъ, посланнымъ на этояныя разгнѣванной Артемидой, и о погонѣ за нимъ Мелеагра. Въ гнѣвѣ своемъ богиня—

Вепря подвигла на нихъ, бѣлоклыкаго, лютаго звѣря.

Страшный онъ вредъ наносилъ, на Инея сады набѣгая,

Купы высокихъ деревъ опрокинулъ одно на другое,

Вмѣстѣ съ корнями, вмѣстѣ съ блистательнымъ яблоковъ цвѣтомъ.

Звѣря убилъ наконецъ Инеидъ Мелеагръ нестрашимый,

Вызвавъ кругомъ изъ градовъ звѣроловцевъ, съ сердитыми псами
Многихъ: его одолѣть не успѣли бы съ малою силой:

Этаковъ былъ! на костеръ печальный многихъ послалъ онъ.

(Иліад. IX, 539—546).

Этотъ предметъ мы часто встрѣчаемъ на многихъ памятникахъ, въ особенности на вазахъ; однако въ этомъ случаѣ, какъ доказы-

ють надписи, живописець представивъ не мифическій сюжетъ, но сцену изъ обыкновенной жизни или мѣстный вариантъ этолійской легенды.

Лебедь между двумя сфинксами отдѣляетъ эту сцену отъ второй, гдѣ представлено прощаніе юноши (*Δορίμαχος*), собирающагося въ путь. Отець (*Ἀγαμέμνων*) съ меркуріевымъ жезломъ въ рукахъ и мать (*Ἄλκη*) напутствуютъ его; позади стоитъ служанка (*Σάχης*).

На другихъ сосудахъ этого типа мы видимъ вакхическія сцены, охоту, танцы, воиновъ на конѣ или на колесницѣ и сюжеты мифологическіе, гдѣ чаще всего дѣйствіе относится къ циклу мифовъ о троянской войнѣ и Гераклѣ. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ, описанные Дюмономъ и Райе.

Глубокая чаша изъ собранія M-me Kogonilas въ Афинахъ, найденная въ Коринѣ. Въ полосѣ, обвивающей туловище вазы, представлена боевая сцена; сражаются Эней и Аяксъ; позади Аякса всадникъ, называемый также Аяксомъ, держитъ въ поводу лошадь; позади Энея всадникъ, называемый Гиппоклесомъ. Щитъ Энея украшаетъ изображеніе змѣи.

Оборотная сторона вазы: Гекторъ сражается съ Ахилломъ. Возлѣ нихъ конныя фигуры Сарпедона и Феникса, а въ сторонѣ колѣбнопреклоненный Долонъ. На щитѣ Ахилла летящая птица.

Обѣ картины мало согласуются съ гомеровскимъ сказаніемъ. Фениксъ на вазѣ представленъ молодымъ оруженосцемъ, тогда какъ поэтъ называетъ его *γέρων, παλαίγενής*. Сарпедонъ присутствуетъ при битвѣ Гектора и Ахилла, между тѣмъ какъ въ *Иліадѣ* онъ въ ту пору не былъ уже въ живыхъ, и т. п.

Пиксисъ съ крышкой, изъ собранія де Витта, неизвѣстнаго происхожденія. Въ полосѣ, идущей вокругъ туловища вазы, помѣщены всадники и двѣ пѣшія фигуры. Надписи называютъ ихъ имена: Паламедъ, Несторъ, Протезилай, Патроклъ и Ахиллъ приближаются къ Гектору и Мемнону, которые, напротивъ, удаляются отъ нихъ. Паламеда сопровождаетъ оруженосецъ. Имена лошадей также обозначены надписями: Подаргосъ, Баліосъ, Ксантосъ, Оріонъ и Автонъ. Здѣсь мы впервые встрѣчаемъ подпись самого художника: *Χάρης μ'ἔγραφε*.

Другую подпись: *Τιμονίδαε μ'ἔγραφε*, мы находимъ на вазѣ, открытой въ Клеонахъ (въ *Арголидѣ*), нынѣ въ музеѣ археологичес-

каго общества въ Аѳинахъ; на ней представленъ Ахиллъ подстерегающій Троила.

Арибаллъ британскаго музея, открытый въ Коринѣ въ 1852 г. На ручкѣ сосуда—женская фигура въ профиль, съ длинными волосами, и надпись: Αἰνέτα ἐμί , которая или называетъ владѣльца вазы, или имѣетъ значеніе похвалы, относящейся къ женской фигурѣ: „я прекрасна, достойна одобренія“ (αἰνέτα ἐμι). Что до другихъ надписей этой вазы, то ихъ смыслъ намъ неизвѣстенъ.

Благодаря надписямъ, коринскіе сосуды имѣютъ значеніе палеографическихъ памятниковъ. Они доставляютъ почти единственные образцы древняго коринскаго алфавита. Надписи на коринскихъ вазахъ имѣютъ два способа писанія. Однѣ изъ нихъ употребляютъ змѣеобразный бустрофедонъ (βουστροφῆδον); другія идутъ попеременно то въ направленіи отъ правой руки къ лѣвой, свойственномъ финикійскому алфавиту, родоначальнику греческаго, то въ направленіи, которое было употребительнымъ въ греческомъ языкѣ классической эпохи, т. е. отъ лѣвой руки къ правой. Особенность алфавита этихъ надписей состоитъ въ томъ, что онъ имѣетъ архаическія формы буквъ, которыя не встрѣчаются въ другихъ алфавитахъ, напр. въ алфавитѣ іоническаго діалекта; формы эти—мы назовемъ только главнѣйшія — слѣдующія: сигма— M , эпсилонъ— B , іота— Σ , бѣта— Z , коппа— Q , дигамма— F .

Основываясь на палеографическихъ данныхъ, мы можемъ приблизительно опредѣлить время, въ которое процвѣтала коринская керамика. Алфавитъ нашихъ вазъ долженъ предшествовать алфавиту монетъ изъ Сиракузъ, коринской колоніи, которая въ VI ст. употребляетъ для сигмы знакъ, мало отличающійся отъ аттической формы. Во время сиракузскаго тирана Гелона (485—478 г.) сигму пишутъ даже въ видѣ обыкновенной σ , а древнюю коппу (Q) замѣняютъ звукомъ K .—Съ другой стороны, мы владѣемъ нѣсколькими надгробными надписями, происходящими изъ Корциры; это—надпись памятника Менекрата, надпись Арніада и нѣкоторые другіе тексты. Палеографія этихъ памятниковъ совершенно такая-же, какъ и палеографія на вазахъ. Памятники письменности, открытые на Корцирѣ, не восходятъ по своей древности выше 734 года, т. е. времени основанія коринской колоніи. Кирхгофъ относитъ надпись Менекрата къ началу VII в. (45 ол.). Слѣдовательно, седьмое

столѣтіе должно быть принято, какъ время производства коринескихъ сосудовъ.

Такому опредѣленію времени не противорѣчитъ также одинъ замѣчательный памятникъ греческой пластики, который близко связанъ съ коринеской керамикой. Это—знаменитый ларець коринянина Кипсела, извѣстный намъ по описанію, оставленному Павзаніемъ (V, 17—19). Этотъ ларець былъ продолговатый ящикъ изъ кедроваго дерева, *λάραξ κέδρου, κίρωτός*; каждую изъ его сторонъ украшали пять полосъ рельефныхъ изображеній, частью вырѣзанныхъ по дереву, частью накладныхъ изъ золота и слоновой кости. Содержаніе этихъ рельефовъ взято изъ цикла троянскихъ мифовъ и изъ билингъ о Гераклѣ, Тезеѣ и другихъ герояхъ. Нѣкоторые чисто азіатскіе мотивы не были поняты Павзаніемъ; таково, напримѣръ, изображение Артемиды персидской, крылатой женской фигуры, держащей въ одной рукѣ пантеру, а въ другой льва. Такое изображение мы часто встрѣчаемъ на коринескихъ сосудахъ и на восточныхъ геммахъ; въ Камирѣ (на островѣ Родосѣ) было найдено ожерелье изъ золотыхъ бляхъ, представляющее подобное же изображение и относящееся къ финикійскому искусству¹⁾. Изображенія на ларцѣ сопровождаются надписями, которыя, по словамъ Павзанія, были написаны способомъ, называемымъ *βουτροφιδόν*.

Преданіе передаетъ, что по предсказанію оракула коринескій тираннъ Кипселъ (657—625 г.) долженъ былъ сдѣлаться опаснымъ своей фамилии и поэтому отъ преслѣдованія Бакхиадовъ своею матерью Лабдою былъ скрывается въ ящикѣ (*κοφέλη*), отъ котораго и получилъ свое имя. Павзаній прибавляетъ, что ящикъ былъ приобретенъ дѣдомъ Кипсела²⁾. Потомки тиранна посвятили ларець Герѣ въ Олимпіи, и въ храмѣ этой богини (*Ἥραϊον*) онъ сохранился еще во время Павзанія (II в. по Р. Х.). Династія Кипселидовъ прекращается въ лицѣ Псамметиха въ 582 году. Слѣдовательно, посвященіе ларца должно предшествовать этому году, а самый ларець дол-

¹⁾ Между древностями, открытыми въ 1851 году въ «Луговой могилѣ» (въ Екатеринбургѣ, близъ селенія Александрополь) также найдены двѣ фигуры крылатыхъ женщинъ, держащихъ двухъ рогатыхъ животныхъ. Фигуры—изъ желѣзной бляхи, обложенной золотомъ. Виолле-ле-Дюкъ, Русское искусство (перев. Султанова), Москва, 1879, стр. 50.

²⁾ Paus, V, 18: 'Ο τοῦ Κοφέλου πρόγονος Κορίνθιος τε ὦν καὶ τὴν λάρακα αὐτῷ ποιόμενος κτῆμα.

женъ быть отнесенъ къ началу VII ст. Однако Павзаній заявляетъ, хотя и не увѣренно, что надписи (*ἐπιγράμματα*) напоминаютъ ему литературную манеру Эвмела, эпического поэта изъ Коринѳа, который, по Евсевію, жилъ во время 9-ой олимпіады, т. е. около 750 г. до Р. Х. Отсюда Дюмонъ заключаетъ, что обыкновеніе дѣлать подобные дарцы могло существовать въ теченіи второй половины VIII и въ VII в. Эта дата прямо совпадаетъ съ временемъ производства коринѳскихъ сосудовъ. Все описаніе, которое Павзаній посвятилъ этому знаменитому произведенію греческой теревтики, стиль фигуръ, которыми оно было покрыто, композиція сюжетовъ, надписи, — легко объясняются при помощи коринѳскихъ вазъ. Несомнѣнно, что въ VII ст. въ греческихъ странахъ господствовали одни и тѣже художественные приемы; это была эпоха, когда греческій гений былъ въ значительной степени пропитанъ азіатскими вліяніями и рядомъ съ національными сюжетами допускалъ мотивы иностранной декораціи, заимствованные съ Востока.

Благодаря тому, что между Греціей и Италіей въ эту эпоху установились уже весьма частыя торговыя сношенія, коринѳскіе сосуды въ изобиліи были находимы во многихъ пунктахъ Апеннинскаго полуострова. Особенно значительныя находки были сдѣланы въ Этруріи, и именно въ Цере. Роль Коринѳа въ этомъ отношеніи была предметомъ многочисленныхъ споровъ: одни умалали ее, другіе, напротивъ, придавали ей большое значеніе. Главнымъ аргументомъ въ пользу коринѳскаго происхожденія этихъ сосудовъ служатъ надписи на нихъ, несомнѣнно коринѳскія; этимъ отвергается участіе грековъ южной Италіи, которые могли бы доставлять въ Этрурію произведенія гончарнаго ремесла, такъ какъ греческое населеніе южной Италіи употребляло халкидскій и ахейскій алфавиты, которые значительно отличаются отъ коринѳскаго.

О торговлѣ коринѳявъ въ VII ст. можно достаточно судить по Фукидиду, который выставляетъ коринѳскій флотъ однимъ изъ самыхъ значительныхъ во всей Греціи. Вотъ подлинныя слова Фукидида ¹⁾. —

„Когда Эллада сдѣлалась могущественнѣе и приобрѣла больше средствъ, чѣмъ прежде, по городамъ установилась тираннія вмѣстѣ съ увеличеніемъ доходовъ. Прежде-же были царства наслѣдственные

1) Thucyd 1, 13.

съ выговоренными правами. Эллада соорудила флотъ и стала болѣе предаваться мореплаванію. Говорятъ, что коринѣяне первые приняли форму построения кораблей, весьма близкую къ теперешней, и что греческія триремы прежде всего были построены въ Коринѣѣ. Кажется также, что коринескій кораблестроитель Аминоклесъ соорудилъ четыре корабля для самосцевъ; съ того времени, какъ онъ явился къ самосцамъ, до окончанія настоящей (т. е. Пелопоннеской) войны прошло около трехсотъ лѣтъ. Древнѣйшее морское сраженіе, о которомъ мы знаемъ, произошло между коринѣянами и корцирянами за 260 лѣтъ до той-же эпохи. Коринѣяне, обитая на перешейкѣ, съ давнихъ поръ имѣли здѣсь торговую гавань; ибо Элліны, живущіе въ Пелопоннесѣ и внѣ его, въ древнее время сообщались между собою болѣе сухимъ путемъ, черезъ ихъ страну, нежели моремъ. Коринѣяне были обильны богатствами, какъ показано у древнихъ поэтовъ, которые называютъ ихъ городъ богатымъ¹⁾. Когда элліны стали болѣе заниматься мореплаваніемъ, коринѣяне, владѣвшіе флотомъ, могли уничтожать пиратовъ и, предлагая съ двухъ сторонъ рынокъ для торговли, владѣли городомъ могущественнымъ благодаря приливу богатствъ. Позднѣе, значительный флотъ появляется у іонянъ въ царствованіе перваго персидскаго царя Кира и его сына Камбиза. Во время войны съ Киромъ, они нѣкоторое время господствовали на морѣ, омывающемъ ихъ берега. Равнымъ образомъ, Поликрать, тираннъ самосскій, во время Камбиза располагалъ сильнымъ флотомъ; онъ подчинилъ себѣ разныя острова и взявши, между прочимъ, Ренею посвятилъ ее Аполлону Делосскому. Наконецъ, Фокейцы, во время основанія Марсели, побѣдили на морѣ кареагенянъ.—Таковы были самыя могущественныя флоты Греціи“.

Коринескіе торговцы привозили съ собой въ Италію среди другихъ товаровъ часто и произведенія искусства. Вазы, безъ сомнѣнія, занимали не послѣднее мѣсто въ торговлѣ Коринѣа. Въ берлинскомъ музеѣ хранится фрагментъ одной коринеской посвятительной плиты, которая даетъ наглядное представленіе о промышленной жизни коринѣянъ въ VII ст.; она касается торговли глиняныхъ сосудовъ. На ех-*voto*, посвященномъ Посейдону, нарисованъ корабль съ мачтою, парусомъ и снастями; на фонѣ плиты надъ кораблемъ изображенъ

1) Коринѣа названъ богатымъ, ἀφελίσον, въ Илиадѣ Гомера (II, 570).

дѣльный рядъ сосудовъ, извѣстныхъ подъ названіемъ *эохог*, которые обозначаютъ собою грузъ корабля. ¹⁾)

Какимъ путемъ коринескіе сосуды достигли Этруріи, это—вопросъ, рѣшеніе котораго нельзя считать оконченнымъ. Мы знаемъ, что торговое движеніе изъ Коринѳа, а еще болѣе изъ коринескихъ поселеній на Корцирѣ направлялось въ глубь Адриатическаго моря, къ устьямъ рѣки По. Складочнымъ мѣстомъ коринескихъ товаровъ на италійскомъ берегу были два города въ устьяхъ По: Спина и Гатрія ²⁾). Отсюда Бекъ полагаетъ, что коринескія вазы достигали верхней Италіи изъ Корциры, и именно черезъ Гатрію въ По, такъ какъ отъ имени этого города, а не отъ Атріи въ Пиценѣ, получили свое названіе знаменитые „гатріанскіе сосуды“, о которыхъ говоритъ Плиній (Н. Н. XXXV, 46) и которые у Гезихія называются *Κερχουραῖοι ἀμφορεῖς* ³⁾).

Какъ бы то ни было, но вліяніе коринеской промышленности на нѣкоторыя мѣстности Италіи достаточно понятно. Тѣмъ болѣе намъ кажется страннымъ, что Дюмонъ, Райе и другіе ученые прибѣгаютъ къ извѣстному сказанію о переселеніи въ Этрурію коринѳянина Демарата, чтобы доказать присутствіе въ Италіи коринескихъ художниковъ. Преданіе, которое сохранили намъ римскіе писатели, передаетъ, что въ половинѣ VII ст. Демаратъ, глава фамиліи Бакхиадовъ, въ послѣдствіи отецъ римскаго царя Тарквинія Приска, былъ изгнанъ изъ Коринѳа тиранномъ Кипселомъ и эмигрировалъ въ этрусскій городъ Тарквиніи (нынѣшній Корнето), въ сопровожденіи художниковъ Эвхейра (искусной руки), Эвграмма (красиво рисующаго) и Діона (просверливающаго скважины) ⁴⁾). Достоверность этого свидѣтельства весьма сомнительна, чтобы можно было на основаніи его дѣлать какіе либо выводы. Между тѣмъ тѣ выводы, которые дѣлаютъ ученые, весьма важны: они допускаютъ приготовленіе сосу-

¹⁾ Рис. см. у Райе, стр. XV.

²⁾ Монисенъ, Римская исторія (Перев. Ахшарумова. Москва. 1877), стр. 127.

³⁾ A. Voeckh, Encyclopädie u. Methodologie d. philolog. Wissenschaften. Leipz. 1877, p. 482.

⁴⁾ Plin. N. N. XXXV, 152: Sunt qui in Samo primos omnium plasticen invenisse Rhoeccum et Theodorum tradant multo ante Bacchiadas Corintho pulsos, Damaratum vero ex eadem urbe profugum, qui in Etruria Tarquinium regem populi Romani genuit, comitatos fictores Euchira, Diopum, Eugrammum, ab iis Italiae traditam plasticen.—Cf. Cic. De rep. II, 34. Dion. III, 46.

довъ, найденныхъ въ Цѣре, въ самой Этруріи, что едвали справедливо.

Лучшая коллекція этихъ вазъ, составлявшая нѣкогда часть собранія маркиза Кампана въ Римѣ, сдѣлалась достояніемъ Франціи и находится въ Луврѣ. Другіе сосуды изъ Цѣре вошли въ составъ Грегорианскаго музея въ Ватиканѣ.

Наиболѣе употребительная форма коринескихъ сосудовъ, найденныхъ въ Этруріи, это—*келебе* (κελέρη) или кратеръ, имѣющій круглое туловище и широкое, ровное горло. Луврскій музей владѣетъ двумя великолѣпными образцами этого типа.

Первый сосудъ ¹⁾ раздѣленъ на двѣ полосы; главная изъ нихъ на одной сторонѣ изображаетъ Геракла на пиршествѣ у царя Эвритіа, а на противоположной—битву гомеровскихъ героевъ (два Аякса отбиваютъ у Гектора тѣло Патрокла). Имена участниковъ на царскомъ пирѣ обозначены надписями; это—Гераклъ (ΗΕΡΑΚΛΕΣ), Евритій (ΕΥΡΥΤΙΟΣ), его четыре сына, Ифитъ (ΙΦΙΤΟΣ), Дидеонъ (ΔΙΔΑΙΦΟΝ), Клитій (ΚΛΥΤΙΟΣ), Токсось (ΤΟΞΟΣ) и дочь Іола (ΓΙΟΛΑ). Они размѣщены въ порядкѣ, который даетъ слѣдующій фрагментъ Гезіода:

Εὔροτον ἐν μεγάροισιν ἐγείνατο φίλτατον υἷον.
 Τοῦ δ' υἱεῖς ἐγένοντο δήϊων τε Κλυτίος τε
 Τοξεύς τ' ἀντίθεος, ἦ δ' Ἰφίτας, ὄζος Ἄρης.

Мушцины возлежатъ на небольшихъ ложахъ; передъ каждымъ стоитъ столъ, уставленный яствами; подъ столами привязаны собаки, сотоварищи гомеровскихъ пировъ, *τραπέζῃες κύνες*, которыя должны подбирать остатки пищи, бросаемыя на полъ. Іола, по обычаю, не участвуетъ въ самомъ пиршествѣ; она стоитъ между Геракломъ и Ифитомъ, которые обращаются къ ней съ рѣчью.

Ниже ручекъ сосуда, съ одной стороны изображены слуги, разрѣзывающіе мясо, а съ другой—Діомедъ и Одиссей, присутствующіе при самоубійствѣ Аякса.

Другая полоса представляетъ скачку всадниковъ, мчащихся во весь галопъ; одного изъ нихъ сопровождаетъ летящая птица. Этотъ

¹⁾ Онъ прекрасно воспроизведенъ у Longpérier, Pl. XXII, XXXIV, XXXVI, и у Raabe, Fig 36 и Pl. 6.

послѣдній мотивъ особенно былъ любимъ коринѣскими художниками, которые заимствовали его изъ изображеній на финикійскихъ чашахъ¹⁾; мы встрѣчаемъ этотъ мотивъ на многихъ сосудахъ изъ Цере. Летящая птица служитъ остроумнымъ олицетвореніемъ быстроты конскаго бѣга. — Наконецъ, сосудъ украшаютъ животныя, дѣйствительныя и символическія.

На второй вазѣ нижній поясъ также украшенъ животными, а въ верхнемъ представленъ отъѣздъ Гектора. Герой, готовясь взойти на колесницу, которою управляетъ Кебріонъ и въ которую запряжены двѣ лошади (Κόραξ и Κίανίς), прощается со своей семьей. Вокругъ него столпились старикъ Пріамъ и Гекуба, сестры Поликсена и Кассандра; воины приготовились его сопровождать. Вся сцена удачно скомпанована, фигуры нарисованы тщательно и съ большимъ искусствомъ.

Произведенія коринѣской керамики, очевидно, цѣнились въ Италіи, и мѣстные художники или прямо старались имъ подражать, или же вдохновлялись ими. Отсюда значительное число сосудовъ, найденныхъ въ Этруріи, которые еще удерживаютъ формы и элементы украшеній, свойственные коринѣскимъ вазамъ, но въ исполненіи значительно уступаютъ греческимъ сосудамъ. Эти вазы, какъ и вообще произведенія этрусскаго искусства, нетрудно отличить отъ греческой работы по ихъ сухому, грубому стилю, неуклюжему и неправильному рисунку, по отсутствію въ нихъ естественности и гармоніи. Сцены изъ греческой мифологіи, которыя служатъ украшеніемъ этихъ сосудовъ, воспроизведены часто безъ всякаго пониманія и нерѣдко смѣшиваются однѣ съ другими. Надписи, скопированныя лицами, незнакомыми съ греческимъ языкомъ, по большей части неразборчивы.

Такова гидрія луврскаго музея, описаніе которой даетъ Райе. Въ единственной полосѣ, окружающей туловище сосуда, представленъ трупъ Ахилла, лежащій на парадномъ ложѣ, между ножками котораго нарисована огромная голова Горгоны съ высунутымъ языкомъ; ложе окружаютъ Нереиды съ распущенными волосами и съ знаками печали. Сцена хорошо задумана; видно, что художникъ имѣлъ передъ собою хорошую модель; но при этомъ очень замѣтны слѣды своеобразнаго, чисто этрусскаго пониманія формъ и пропорцій;

¹⁾ См. рисунокъ одной изъ такихъ чашъ у Longpérier. Pl. X.

весь рисунокъ отличается сухостью и жесткостью и лишень того художественнаго вкуса, который всегда сопровождаетъ подобныя работы грековъ.

Тѣже черты носить другая ваза (келебе) въ Луврѣ. На ней представленъ Аполлонъ, который ведетъ передъ собою Гермеса съ связанными руками и похищенныхъ у него быковъ. Форма сосуда и украшающій его сюжетъ—чисто эллинскіе; но исполненіе облачаетъ кисть туземнаго художника.

Сюда принадлежить также цѣлый рядъ *энохое*, найденныхъ большею частью въ этрусскихъ гробницахъ близъ Вульчи и собранныхъ въ Кабинетѣ медалей (Cabinet des Médailles) въ Парижѣ, въ британскомъ и мюнхенскомъ музеяхъ. Всѣ эти сосуды представляютъ болѣе или менѣе удачное подражаніе греческимъ образцамъ и обозначаютъ собой упадокъ коринеской керамики, занесенной въ мѣстныя мастерскія Италіи.

V.

Восточное вліяніе въ остальной Греціи. Вазы халкидскія, беотійскія и эгинскія. Ваза François. Росписные сосуды Кирены и Навратиса.

Въ VII и особенно въ VI вѣкѣ мы встрѣчаемъ въ греческихъ странахъ вазы другихъ фабрикъ, которыя по стилю близко подходятъ къ коринескимъ. Это прежде всего сосуды, найденные въ Нолѣ, Кьюзи и особенно въ Вульчи. Бирхгофъ, основываясь на палеографическихъ данныхъ, доказалъ, что сосуды эти халкидскаго происхожденія: алфавитъ надписей на нихъ есть дорическій алфавитъ, употреблявшійся въ халкидскихъ колоніяхъ Сициліи и южной Италіи. Однако, приготовлялись ли они въ самой Халкидѣ или въ одной изъ италійскихъ колоній халкидянъ, это пока рѣшить невозможно. Халкидскія вазы найдены въ небольшомъ количествѣ; глина ихъ имѣетъ болѣе красноватый оттѣнокъ, нежели глина коринескихъ сосудовъ. Мотивы восточной декорации также въ значительной степени входятъ въ составъ украшеній этихъ вазъ. По формамъ это преимущественно *амфоры*.

Вотъ наиболѣе интересные изъ этихъ сосудовъ:

Амфора изъ Вульчи въ Кабинетѣ медалей въ Парижѣ. Туловище сосуда окружаютъ двѣ полосы, расположенныя одна надъ другой. Верхняя полоса представляетъ скачку всадниковъ, мчащихся во весь галопъ. Во второй полосѣ Гераклъ (Ἡρακλῆς) стрѣляетъ изъ лука въ Геріона (Γαίρῶνης), который изображенъ въ видѣ греческаго гоплита, съ крыльями и тремя сросшимися туловищами; у ногъ его лежитъ мертвая собака, Ортрось, а сзади тѣло сраженнаго Эвритія (Ἐβριτίων). Позади Геракла стоитъ Аѳина (Ἀθηναίη) съ копьемъ въ рукѣ, окруженная змѣями, выходящими изъ ея эгиды, а за ней стадо быковъ.—Оборотная сторона: колесница, запряженная четырьмя лошадьми и управляемая возницей, представлена въ ракурсѣ (прямо на зрителя).—На шейкѣ сосуда: пальметы и цвѣты лотоса ¹⁾.

Амфора изъ Вульчи. Аяксъ въ присутствіи Аѳины защищаетъ тѣло Ахилла отъ нападающихъ Троянцевъ. Слѣва Стенелось перевязываетъ раненную руку Діомеду ²⁾.

Кратеръ изъ собранія Кампана. Прощаніе Гектора (Ἕκτωρ) и Париса (Πάρις) съ Андромахой (Ἀνδρομάχη) и Еленой (Ἑλένη). Справа на двухъ лошадяхъ подѣзжаетъ Кебріонъ (Κεβρίωνης), сопровождаемый летящей птицей ³⁾.—Оборотная сторона: два всадника и летящая птица.

Скифосъ изъ Нофы, копенгагенскаго музея. Главный сюжетъ на этой вазѣ ⁴⁾ многократно подвергался обсужденіямъ со стороны ученыхъ. Aebken (Ann. Inst. 1839, 255 и д.) первый пытался дать объясненіе сюжета. Онъ вылъ за основаніе сцену, описанную у Стаций ⁵⁾, которая относится къ знаменитому оиванскому циклу сказаній. Поэтъ рассказываетъ, какъ Тидей и Полиникъ явились въ бурную ночь къ дворцу Адраста и здѣсь въ передней начали борьбу за ночлегъ; царь прибѣжалъ на шумъ и, согласно предсказанію оракула, отдалъ героямъ въ супружество своихъ дочерей Деипилу и Аргею, обѣщая ихъ обоимъ отвезти на родину. На вазѣ представлены Тидей (Τυδεΐς) и Полиникъ (надписи нѣтъ), сидящіе на землѣ подлѣ колонны, которая обозначаетъ внутренность зданія;

1) Эта ваза изображена у Baumeister'a въ Denkmäler d. klassisch. Altert. p. 1966.

2) Изображеніе см. у Baumeister'a, Taf. I, рис. 10.

3) Рисунокъ воспроизведенъ тамъ-же, p. 725.

4) Онъ воспроизведенъ у Baumeister'a, p. 17 и 18.

5) Thebaidos, lib. I, 375--539.

возлѣ нихъ стоятъ дочери Адраста и ихъ кормилица, Адеста. Самъ царь ("Αδρηστος) возлежитъ на богатомъ ложѣ, за которымъ изображена сова.

Такъ объясняютъ этотъ сюжетъ и Дюмонъ. Но послѣ того, какъ Heydemann указалъ на то, что сидящія фигуры вовсе не мужскія, а женскія, доказательствомъ чего служатъ длинные волнистые волосы и богатая одежда, имѣющая сходство съ одеждой самого царя, — объясненіе сюжету необходимо дать иное. Тидей есть фигура, стоящая возлѣ колонны; онъ обращается съ рѣчью къ кормилицѣ, которая движеніемъ руки указываетъ ему на сидящихъ дочерей царя; Адрасть и, вѣроятно, его супруга слушаютъ происходящій между ними разговоръ. Что до Полиника, то его здѣсь нѣтъ вовсе. — Обратная сторона: между двумя сфинксами бѣгущая Горгона съ высунутымъ языкомъ; на полѣ — розетки.

Всѣ описанные нами сосуды происходятъ изъ одной фабрики, что доказывается сходствомъ деталей въ рисункахъ. Такъ напр. изображеніе Аѳины на первыхъ двухъ вазахъ почти одно и то же; оно носитъ на себѣ ясныя слѣды подражанія каменнымъ или деревяннымъ идоламъ. Нѣкоторыя подробности, какъ женская одежда безъ складокъ и украшеній, плотно облегающая туловище, круглые щиты съ изображеніемъ на нихъ летящаго орла, племени съ высокими султанами, круглые колчаны, постановка и движеніе борцовъ, — совершенно тождественны на нашихъ вазахъ. Кромѣ черной и красной краски, мѣстами употреблена бѣлая (именно для нагихъ частей женскихъ фигуръ), какъ и на нѣкоторыхъ коринѣскихъ сосудахъ.

Нѣсколько глиняныхъ сосудовъ древняго стиля съ надписями было найдено въ Беотіи. Одинъ изъ нихъ — *эмгое* очень рѣдкой формы — принадлежитъ луврскому музею. Онъ былъ открытъ при раскопкахъ, произведенныхъ въ 1870 г. жителями беотійскихъ деревень Братцы и Скимитари въ древнихъ гробницахъ города Танагры. Сосудъ имѣетъ низкое и широкое туловище, сверху оканчивающееся высокой и прямой шеей; къ шеѣ и туловищу придѣлана длинная ручка¹⁾. Рисунки нанесены черной краской на свѣтло-желтомъ фонѣ. Шею сосуда украшаетъ сплетеніе изъ цвѣтовъ, — орнаментъ восточнаго характера, а вокругъ туловища идетъ полоса, въ которой изоб-

1) Изображеніе вазы см. у Дюмона, стр. 27, фиг. 582, и у Райс, стр. 81, фиг. 42.

раженъ пастухъ (можетъ быть Гермесъ, — національное божество беотійцевъ), съ палкой на плечѣ, къ которой прикрѣплена котомка; онъ идетъ позади своего стада, состоящаго изъ барановъ, козъ и быка. Орнаментъ, напоминающій черепицы, и розетки дополняютъ украшеніе вазы. Въ отверстіи шейки и на туловищѣ начертана надпись большими буро-красными буквами:—

ΓΑΜΕΔΕΣ ΕΠΟΕΣΕ.

Γαμήδης ἐπο[ί]ησε. Для слова Γαμήδης Дюмонъ принимаетъ объясненіе Раде, который производитъ его отъ γῆ, μήδομαι: „тотъ, который занимается глиной“, и находитъ естественнымъ для имени горшечника. Въ этой надписи обращаетъ на себя вниманіе латинская форма *дельты* и пропускъ *iota*. Алфавитъ надписи несомнѣнно беотійскій.

Такая же надпись: Γαμήδης ἐπο[ί]ησε, выцарапана на другомъ сосудѣ, британскаго музея, найденномъ въ Теспіяхъ. Это небольшой *алабастръ*, украшенный очень простымъ орнаментомъ, воспроизведеннымъ черной и красно-фіолетовой краской. Ореографія надписи такая-же, какъ и на первой вазѣ.

Выдающимся центромъ фабрикаціи глиняныхъ сосудовъ долженъ былъ сдѣлаться въ VI ст. островъ Эгина, вслѣдствіе своего торговаго значенія и положенія между двумя значительными пунктами керамической дѣятельности, Коринѳомъ и Афинами. Однако, до сихъ поръ найдено очень немногo вазъ, несомнѣнно происходящихъ изъ Эгинны. Самый замѣчательный памятникъ эгинской керамики, сохранившійся, впрочемъ, въ фрагментахъ, это—*chytra* съ широкимъ туловищемъ и двумя большими ручками, принадлежащая берлинскому музею. Въ декораціи этой вазы замѣтно вліяніе сосѣднихъ керамическихъ фабрикъ. Сосудъ украшаютъ два изображенія; на одномъ представленъ Персей, въ присутствіи Афины бросающійся въ воздушное пространство, а на другомъ—Гарпія, улетающія отъ его преслѣдованія. Полосы животныхъ и мотивы восточной и геометрической орнаментаціи дополняютъ украшеніе вазы. Мѣандрами, шевронами и звѣздами, разбѣянными на поляхъ, эта ваза напоминаетъ сосуды геометрическаго стиля; витые шнурки, украшающіе ея ручки, указываютъ на вліяніе керамики острововъ, а сплетеніе нижняго пояса заимствовано изъ коринѳской орнаментаціи.

Къ эгинскимъ сосудамъ Райе причисляетъ также небольшой *арібаллискъ*, найденный, какъ кажется, въ Коринѣ и принадлежащій тому-же музею. Главный рисунокъ на немъ изображаетъ борьбу Геракла съ Кентаврами. Широкая и плоская ручка сосуда украшена витыми шнурами; на верхней части туловища расположены сплетенія. „Ни одинъ изъ сосудовъ, достовѣрно найденныхъ въ Коринѣ, говоритъ Райе, не даетъ намъ ничего подобнаго, тогда какъ сходство съ декорацией предъидущей вазы поразительное“ (стр. 88).

Между всѣми дошедшими до насъ памятниками греческой керамики этого времени, первое мѣсто по важности и великолѣпію своихъ украшеній занимаетъ ваза *Франсоа*, составляющая одну изъ драгоценностей флорентинскаго музея. Она была найдена въ 1844 году въ *Fonte Rotella*, вблизи Кьюзи, однимъ неутомимымъ изслѣдователемъ классической старины, Александромъ Франсоа (*Alessandro François*). Къ сожалѣнію, эта ваза дошла до насъ только въ фрагментахъ, такъ какъ гробница, въ которой она заключалась, была ограблена еще въ древности. По техниѣ ваза *Франсоа* приближается къ коринскимъ сосудамъ, однако алфавитъ ея надписей—аттический, и самые сюжеты, которые въ изобиліи ее покрываютъ, заимствованы изъ національныхъ легендъ Аттики. Отсюда заключаютъ, что ваза происходитъ изъ аѳинской мастерской. По своей формѣ ваза *Франсоа* есть первый примѣръ *кратера* съ выпуклымъ туловищемъ и двумя ручками, прикрѣпленными къ устью и туловищу. Въ поясахъ, обвивающихъ вазу, изображены различныя сцены; воэгъ дѣйствующихъ лицъ поставлены ихъ имена. Въ одной изъ полосъ на шеѣ сосуда представлена сцена возвращенія Тезея съ острова Крита. Герой стоитъ въ лодкѣ вмѣстѣ съ юношами и дѣвками, которыхъ онъ привозитъ невредимыми обратно въ Аѳины; судно пристаетъ заднимъ ходомъ къ песчаному берегу фалеронской бухты. Тезей слѣдитъ за постепеннымъ уменьшеніемъ глубины и движеніемъ лодки; рулевой даетъ знакъ гребцамъ уменьшить ходъ. Пассажиры судна, утомленные медленностью приближенія, выражаютъ нетерпѣніе; одинъ изъ нихъ уже бросился въ воду и старается вплавь достигнуть земли.—Справа художникъ изобразилъ сцену, которая, по преданію, сопровождала возвращеніе Тезея: юноши и дѣвцы празднуютъ свое освобожденіе и счастливое возвращеніе на родину танцами.

Съ другой стороны вазы въ той-же полосѣ представлена охота на калидонскаго кабана. Огромный вепрь повергъ уже на землю одного изъ охотниковъ, Антея, и распоролъ брюхо собакъ, Ормепу. Другіе охотники, поставленные рядами по два, стараются поразить вепря; прямо противъ него выступаютъ Пелей и Мелеагръ, затѣмъ Меланій и Аталантъ; съ другой стороны — Касторъ и Поллуксъ, Акастъ и Асметъ. Наконецъ, стрѣлки въ скиескихъ костюмахъ, Эвтимахъ, Киммерій и Токсамъ, съ обѣихъ сторонъ заканчиваютъ композицію.

Другая полоса, окружающая шею вазы, представляетъ на одной сторонѣ бѣгъ колесницъ на похоронахъ Патрокла, а на другой — битву между Кентаврами и Лапитами на свадьбѣ Перивоя, царя Лапитовъ. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ на этой послѣдней картинѣ также является аттический герой Тезей. Къ сожалѣнію, здѣсь недостаетъ нѣсколькихъ кусковъ.

Туловище вазы раздѣлено на три пояса, изъ которыхъ верхній есть самый главный; въ немъ представленъ бракъ Пелея съ Ѳетидой. Ѳетида, закрытая покрываломъ, по обычаю, сидитъ во дворцѣ дорическаго стиля; передъ входомъ въ это зданіе находится алтарь, подлѣ котораго стоитъ Пелей; онъ держитъ за руку кентавра Хирона. Къ жилищу супруговъ приближается длинная процессія боговъ и богинь, частью воссѣдающихъ на колесницахъ, частью шествующихъ пѣшкомъ. Впереди всѣхъ идутъ Гестія и Деметра съ Харикло, сестрою Ѳетиды и женой Хирона, потомъ Діонисъ съ большою амфорой на плечѣ, а за нимъ *Ἔρα*, или времена года. Затѣмъ слѣдуетъ рядъ колесницъ; въ первой стоитъ Зевсъ, управляющій лошадыми и держащій въ рукѣ молніи, и рядомъ съ нимъ Гера, въ другой Посейдонъ и Амфитрида, въ третьей Арей и Афродита. По сторонамъ идутъ музы, Уранія и Калліона, Мельпомена, Кліо, Эвтерпа, Талія, Полиμνία, Эрато и Стезихора. Дальнѣйшая часть изображенія утеряна; недостающій фрагментъ содержалъ, вѣроятно, квадриги Аполлона, и Артемиды, Аѣины и Геракла. Затѣмъ слѣдуетъ колесница Гермеса и его матери Май; ее сопровождаютъ *Μοῖραι* (римскія Парки). Процессію заканчиваютъ Океанъ съ туловищемъ морскаго чудовища и Гефестъ, сидящій на мулѣ.

Во второмъ поясѣ два сюжета. Съ одной стороны Ахиллъ, въ присутствіи Аѣины, Гермеса и Ѳетиды, бросается въ погоню за

Троиломъ и Поликсеной, которые явились къ фонтану за водой. Троилъ спасается бѣгствомъ на лошади, Поликсена роняетъ на землю свою гидрiю. На эту сцену взираетъ Пріамъ, стоящій воелъ троянскихъ стѣнъ, а Гекторъ и Полихъ, вооруженные, выходятъ изъ воротъ города, чтобы оказать имъ помощь.—Съ другой стороны Гефестъ, сидящій на мулѣ, возвращается на Олимпъ. Онъ приближается къ тронамъ, на которыхъ возсѣдаютъ Зевсъ и Гера, окруженные богами. Гефеста сопровождаетъ Діонисъ съ силенами и нимфами.—Третій поясъ занятъ изображеніемъ животныхъ и сфинксовъ.

На ножкѣ сосуда также представлена миеологическая сцена: Пигмеи, частью сидящіе на баранахъ, частью пѣшіе, сражаются съ журавлями. На ручкахъ мы видимъ изображение Артемиды персидской и Ахилла, несущаго трупъ Аякса (оба сюжета повторены) ¹⁾.

На вазѣ François мы находимъ двойную подпись горшечника, который приготовилъ вазу, и живописца, который ее расписалъ:—

ΕΡΓΟΤΙΜΟΣ ΕΠΟΙΗΣΕΝ (sic) ΚΛΙΤΙΑΣ ΜΕΓΡΑΦΣΕΝ.

Ἐργότιμος ἐποίησεν, Κλιτίας μ'ἔγραφε. Первая надпись идетъ въ направленіи отъ правой руки къ лѣвой, вторая представляетъ примѣръ новѣйшаго письма, т. е. начертана отъ лѣвой руки къ правой. Намъ неизвѣстны другія произведенія Клитiа; но что до Ерготима, то имя его начертано на одной вазѣ изъ собранія Фонтана въ Триестѣ (Ἐργότιμος ἐποίησεν); кромѣ того мы хорошо знаемъ его сына, Эвхейра, подпись котораго—

ΕΥΧΕΙΡΟΣ ΕΠΟΙΗΣΕΝ ΝΟΡΓΟΤΙΜΟ ΝΗΝΥΣ

встрѣчается на трехъ чашахъ, найденныхъ въ Италіи и принадлежащихъ въ настоящее время британскому и берлинскому музеямъ и частному собранію Сартеано воелъ Кьюзи. Въ своемъ искусствѣ Эвхейръ далеко уступалъ своему отцу, такъ какъ на двухъ чашахъ его работы мы видимъ только по одной фигурѣ (третья чаша сохранилась въ фрагментахъ).

Намъ остается упомянуть еще объ одной серіи глиняныхъ сосудовъ смѣшаннаго стiля (т. е. эллинскаго и восточнаго), происходящихъ изъ гробницъ Италіи. Это—вазы съ черными фигурами на

¹⁾ Рисунки этой вазы см. у Рабе, фиг. 44—49.

бѣломъ фонѣ, предшествующія аттическимъ лекитамъ V вѣка. Лучшіе образчики этихъ вазъ собраны въ Луврѣ и Кабинетѣ медалей, въ Парижѣ. Вопросъ о ихъ происхожденіи былъ предметомъ многочисленныхъ толкованій со стороны ученыхъ. Puchstein первый указалъ на Кирену, какъ на мѣсто приготовленія этихъ сосудовъ, и хотя вопросъ не можетъ считаться окончательно рѣшеннымъ, однако это мнѣніе было принято большинствомъ археологовъ.

Любимымъ типомъ киренской фабрики была глубокая чаша, *χίλιξ*, на высокой ножкѣ; кромѣ чашъ встрѣчаются въ небольшомъ количествѣ гидрии и кратеры. Киренскія вазы отличаются свѣтло-желтымъ цвѣтомъ глины; въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ сосудъ украшаютъ рисунки, фонъ покрытъ тонкимъ слоемъ бѣлой краски. Орнаментація состоитъ изъ мѣандровъ, валиковъ, зигзаговыхъ линій, пальметъ и т. п. Фигуры и орнаменты писаны вообще черной краской, а нѣкоторыя мѣста — красной и рѣже бѣлой.

Между киренскими вазами первое мѣсто, по достоинству, занимаетъ чаша Аркезилая, въ Кабинетѣ медалей, найденная въ Vulci. Снаружи сосудъ украшаютъ орнаменты, состоящіе изъ ряда валиковъ, пальметъ, цвѣтовъ лотоса, круговъ и т. п. Внутри украшеніемъ служатъ человѣческія фигуры; представленный здѣсь сюжетъ раздѣленъ горизонтальной чертой, обозначающей землю, на двѣ неравныя части. Въ верхней, съ лѣвой стороны, на складномъ стулѣ (*ὄχλαδίας*) сидитъ бородатый мужчина въ туникѣ и богатомъ плащѣ; длинные волосы его тщательно заплетены въ косы, голову покрываетъ круглая, остроконечная шляпа, въ рукѣ скипетръ съ цвѣткомъ лотоса на концѣ; между ножками стула привязанъ барсъ, а позади видна большая ящерица. Несомнѣнно, что это царь, и начертанная подлѣ него надпись называетъ его имя: Аркезилай. Надъ нимъ натянута полотно палатки. Передъ палаткой къ концу дерева привязаны большіе вѣсы, вокругъ которыхъ хлопочутъ люди; они заняты взвѣшиваніемъ какого-то бѣлаго, очень легкаго товара, который сложенъ на землѣ. Одинъ изъ нихъ обращается съ рѣчью къ царю; подлѣ него надпись: *ἰσόφορος*¹⁾. Другіе складываютъ товаръ въ корзины или наблюдаютъ за правильностью вѣсовъ. Сцену дополняютъ

¹⁾ Эта надпись непонятна, какъ и многія другія на этой чашѣ. Раппе предлагаетъ поправку: *ἰσόφορος*, что означаетъ: «равный грузъ» (*charge égale*).

птицы и обезьяна, сидящая на деревѣ. Внизу изображены два человека, бѣгушіе съ корзинами въ рукахъ: они складываютъ взвѣшенный товаръ въ особое мѣсто; позади ихъ стоитъ сторожъ (*φύλακος*).

Многіе ученые, основываясь на томъ, что исполненіе рисунка носитъ наивный характеръ, желали видѣть въ этой сценѣ пародію или карикатуру; но карикатура, какъ справедливо замѣчаетъ Потье (стр. 306)¹⁾, не была присуща живописи на вазахъ той древней эпохи: она пробуждается гораздо позже, подъ влияніемъ греческой комедіи V в., и появляется только на вазахъ красно-фигурныхъ. Сюжетъ нашей чаши представляетъ эпизодъ, относящійся къ жизни царей Кирены.

Греческая колонія Кирена была основана въ Ливіи въ половинѣ VII в. эллинами изъ Теры (лакедемонянами и беотійцами), подъ предводительствомъ Батта, и вскорѣ сдѣлалась очень могущественнымъ и цвѣтущимъ поселеніемъ. Баттъ правилъ здѣсь сорокъ лѣтъ, пользуясь любовью и уваженіемъ своихъ подданныхъ. Слѣдующіе цари были изъ его рода. Въ ряду властителей Кирены чередовались два имени: Баттъ и Аркезилай. Аркезилай I, сынъ основателя династіи, царствовалъ въ началѣ VI в. Правленіе Аркезилая II, царя жестокаго и алчнаго, относится къ половинѣ этого столѣтія; Аркезилай III царствовалъ между 530 и 514 г. Наконецъ четвертаго царя этого имени, побѣдителя на дельфійскихъ играхъ въ 466 году, прославляетъ Пиндаръ въ 4 и 5 пнѣйской эпиникии.

Аркезилай нашей чаши есть одинъ изъ первыхъ трехъ царей, такъ какъ древній стиль памятника не позволяетъ отнести его ко времени четвертаго. Райе, вслѣдъ за Пухштейномъ, останавливается на второмъ Аркезилаѣ. Чаша представляетъ этого царя, взимающимъ съ своихъ подданныхъ одинъ изъ тѣхъ налоговъ, которые тяжелымъ бременемъ ложились на народъ, давшій тиранну прозвище „*χαλεπός*“. Налогъ состоитъ изъ какаго-то продукта страны, который киреняне раздѣляютъ поровну между собою и царемъ. Райе полагаетъ, что это шерсть барановъ, которыми особенно были богаты ливійскіе кочевники.

¹⁾ Глава, излагающая о киренскихъ вазахъ не вошла въ рукопись Дюмона и цѣлкомъ написана Потье. Тоже нужно сказать и о сосудахъ Навкратиса, которые еще не были открыты при жизни Дюмона.

„Идея изобразить эту сцену мѣстныхъ нравовъ, говоритъ Райе могла придти на умъ только гончару самой страны. Слѣды египетскаго вліянія, которые замѣтны въ наружной декораціи чаши, дѣлаютъ еще болѣе вѣроятнымъ ея киренское происхожденіе. Исслѣдованіе ея надписей превращаетъ эту вѣроятность въ увѣренность“ (стр. 84). Въ этихъ надписяхъ *сима* имѣетъ форму, которая встрѣчается только въ лаконскомъ алфавитѣ, а мы знаемъ, что въ числѣ переселенцевъ, основавшихъ Кирепу, были лакедемоняне.

Другія киренскія вазы по стилю, украшеніямъ, композиціи и употребленію цвѣтовъ имѣютъ самое тѣсное сродство съ чашей Аркезилая. Райе на стр. 79 (фиг. 41) предлагаетъ рисунокъ одной чаши луврскаго музея; здѣсь представленъ сидящій на стулѣ мущина съ бородою и длинными волосами, заплетенными въ косы; ноги его опираются на табуретъ; онъ одѣтъ въ узкую тунику, которая вся украшена геометрическими узорами. Передъ нимъ летящій орелъ. Думаютъ, что это—изображеніе Зевса, или человѣка, гадающаго по полету птицъ.

Другая ваза (*deinos*) луврскаго музея представляетъ битву Геракла съ Кентаврами. Грегорианскій музей Ватикана владѣетъ чашей, на которой изображены Прометей, прикованный къ вершинѣ Кавказа, и Атласъ, поддерживающій небо. Наконецъ, назовемъ еще *киликсъ* Петербургскаго Эрмитажа (№ 183 по каталогу музея), гдѣ нарисованъ воинъ на лошади; рядомъ съ нимъ орелъ, змѣя, цапля или лебедь, и небольшая летящая человѣческая фигура съ крыльями (можетъ быть, Нике или богиня побѣды, вѣнчающая побѣдителя).

Кирена не была единственнымъ мѣстомъ приготовленія сосудовъ съ бѣлымъ фономъ. Подобныя вазы были также найдены при раскопкахъ, произведенныхъ въ 1885 г. англійскимъ изслѣдователемъ Petrie въ Навкратисѣ, въ Египтѣ. Навкратисъ былъ основанъ при Балбитскомъ рукавѣ Нила милетянами приблизительно около 570 года, въ царствованіе египетскаго царя Амазиса¹⁾. Амазисъ оказывалъ грекамъ особое покровительство и не только позволялъ имъ

¹⁾ Вопреки мнѣнію англійскихъ археологовъ, которые относятъ основаніе города къ первой половинѣ VII ст., нѣмецкіе (Hirschfeld) и французскіе ученые, на основаніи эпиграфическихъ данныхъ, принимаютъ, что городъ началъ свою жизнь только съ царствованія Амазиса и что древности Навкратиса никоимъ образомъ не могутъ предшествовать 570 году.

селиться въ Навкратисѣ и вести торговлю, но допустилъ свободное отправление ихъ культа и указалъ мѣста, гдѣ они могли строить храмы своимъ божествамъ. Вскорѣ къ милетянамъ присоединились девять другихъ греческихъ городовъ: Хиосъ, Теосъ, Фокея, Клазомены (іонійскіе), Родосъ, Книдъ, Галикарнассъ, Фазелисъ (дорійскіе) и Митилена (эолійскій), и воздвигли здѣсь общее святилище, греческій Панѳеонъ, который назывался *Hellenion*. Кромѣ того эгинеты построили для себя храмъ Зевсу, самосцы—Герфъ, и милетяне—Аполлону. На мѣстѣ этого послѣдняго храма и второстепеннаго святилища Афродиты были произведены раскопки. Здѣсь найдено значительное количество черепковъ глиняной посуды самыхъ различныхъ эпохъ и фабрикъ. Здѣсь по времени идутъ вазы всѣхъ стилей, начиная съ архаическаго и до римской эпохи; сосуды древняго родосскаго, мелосскаго и коринѳскаго типа, вазы чернофигурныя и краснофигурныя найдены здѣсь въ изобиліи, такъ что по открытымъ въ Навкратисѣ глинянымъ сосудамъ можно составить цѣлую исторію развитія греческаго керамическаго искусства ¹⁾. Среди этихъ черепковъ найдены фрагменты вазъ, которыя также, какъ и киренскія, покрыты бѣлой поливой. Двѣ почитательныя надписи, сохранившіяся на этихъ вазахъ, лишають насъ права предполагать, чтобы онѣ были привезены сюда изъ Кирены. Напротивъ, мы должны допустить, что въ самомъ Навкратисѣ существовала мѣстная фабрика, которая и производила эти сосуды. На одномъ фрагментѣ вазы сохранилась только часть надписи: ...ΦΡΟΔΙ..., на другомъ полное посвященіе: τῆι Ἀφροδίτῃ τῆι ἐν Ναυκράτει. Оба сосуда, слѣдовательно, были посвящены храму богини Афродиты въ Навкратисѣ и приготовлены въ самомъ городѣ.—Сходство вазъ Навкратиса съ киренскими такъ велико, что Потье склоненъ считать даже киренскія вазы происходящими изъ Навкратиса. Это сходство распространяется на технику, мотивы декораціи и надписи (форма *симы* на чашѣ Аркезилая и на сосудахъ Навкратиса одна и таже) ²⁾. Однако такое рѣшеніе мы считали бы нѣсколько преждевременнымъ, такъ какъ

¹⁾ Замѣчательно, что здѣсь не найдено ни одного фрагмента сосудовъ геометрическаго стиля (островныхъ и диплоискіихъ). Это обстоятельство Smith считаетъ весьма важнымъ для опредѣленія даты вазъ геометрическаго стиля.

²⁾ На чашѣ Аркезилая надписи воспроизведены кистью, тогда какъ на сосудахъ Навкратиса онѣ выцарапаны на глинѣ.

не только въ Киренѣ не были еще произведены раскопки, но даже самое мѣсто этого города пока еще не достаточно извѣстно. Взаимная торговая связь между Киреной и Навкратисомъ, вѣроятно, въ древности была значительная, и не можетъ быть ничего удивительнаго въ томъ, что въ обоихъ городахъ приготавливались сосуды одинаковаго стиля и техники.

VI.

Керамическія издѣлія Аѣинъ во второй половинѣ VI вѣка.

Въ VI ст. Коринѣ, вліявшій на гончарную промышленность греческихъ странъ, постепенно теряетъ свою роль значительнаго торговаго и фабричнаго центра. Эта роль переходитъ къ столицѣ Атики, Аѣинамъ. Благодаря дѣйствию мудрыхъ законовъ Солона и дѣятельной политикѣ Пизистрата, Аѣины, до того времени маленькій и бѣдный городокъ, въ половинѣ VI в. достигли высокой степени благосостоянія и быстро заняли блестящее положеніе въ ряду греческихъ государствъ. Чѣмъ больше развивались Аѣины, тѣмъ больше становилось здѣсь источниковъ для заработка и тѣмъ многочисленнѣе стекался сюда народъ со всѣхъ концовъ. „Деревни превратились въ предмѣстья города, и эти предмѣстья составляли противоположность съ старыми Аѣинами, въ которыхъ одинъ кварталъ вслѣдствіе пребыванія въ немъ аристократическихъ родовъ получилъ названіе „Кидеенеона“ или почетныхъ Аѣинъ. Главнѣйшею предмѣстною деревнею былъ Керамикъ, получившій свое имя отъ жившихъ въ немъ горшечниковъ. Онъ простирался отъ оливковаго лѣса до сѣверо-западной стороны крѣпости. Въ этой мѣстности преимущественно развились въ народной жизни тѣ направленія, которыя оспаривали у Эвпатридовъ право видѣть въ однихъ себѣ аѣинскихъ гражданъ; здѣсь жили люди, обязанные своимъ благосостояніемъ трудолюбію; здѣсь былъ исходный пунктъ народныхъ движеній и, стало быть, и мѣсто возникновенія тиранніи.—Эта часть города, несмотря на ограниченныя мѣры тиранновъ, осталась самою оживленною и постоянно разрастающеюся частью Аѣинъ, тогда какъ южная сторона все болѣе и болѣе получала характеръ окраины, такъ какъ выселенія,

ссылки и кромѣ того полное измѣненіе всѣхъ общественныхъ условій постепенно заставили опустѣть эту часть города и отвлекли все оживленіе на сѣверную сторону. Вѣроятно, что въ дни Пизистрата рынокъ древняго предмѣстья, Керамика, сдѣланъ былъ городскимъ рынкомъ¹⁾. Эта переимѣна ясно указываетъ, что главную часть населенія города составляли ремесленники. Въ Аѣинахъ не было недостатка въ фабрикахъ мебели, оружія, матерій, глиняныхъ сосудовъ. Аѣины сдѣлались по преимуществу мануфактурнымъ городомъ. Между родами промышленности, которые въ немъ процвѣтали, одно изъ главныхъ мѣстъ занимало гончарное ремесло. Приготовление глиняныхъ росписныхъ вазъ, какъ мы знаемъ, издревле имѣло мѣсто въ Аѣинахъ. Ваза François показываетъ, что аѣинская керамика достигла въ первой половинѣ VI ст. большого развитія. Но въ ту пору она находилась въ зависимости отъ коринѣской фабрики. Съ половины VI в. начинаетъ проявляться самостоятельность аѣинскихъ горшечниковъ и ихъ стремленіе усовершенствовать, придать художественное завершеніе тому, что было выработано въ предшествующее время. Такимъ образомъ, мы видимъ, что форма вазъ и самый ихъ цвѣтъ постепенно измѣняются. Овладевъ строгими и важными дорическими формами, свойственными коринѣской керамикѣ, аѣиняне смягчаютъ массивность и тяжеловатость ихъ очертаній и къ ихъ величавости придаютъ граціозность и гармоническую соразмѣрность всѣхъ составныхъ частей. Не уменьшаясь въ размѣрахъ, вазы приобрѣтаютъ изящество и красоту въ контурахъ. Ихъ глина имѣетъ болѣе красный, слѣдовательно болѣе живой и болѣе привлекательный для глаза цвѣтъ, нежели то замѣчалось въ коринѣскихъ сосудахъ.

Изображенія на аттическихъ вазахъ расположены не полосами, но группами, занимающими каждая свой особый планъ. Если при этомъ вверху и внизу сосуда помѣщали въ узкихъ лентахъ другія изображенія, то они играли второстепенную роль въ декорации вазы, служили лишь добавочнымъ украшеніемъ, представляя обыкновенно рядъ ѣдущихъ колесницъ или простые орнаменты, какъ напр. вѣтви съ листьями, пальметы и т. п. Иногда всю поверхность вазы покрывали чернымъ лакомъ и оставляли на каждой сторонѣ только

¹⁾ Курциусъ, Исторія Греціи, стр. 290.

два четырехугольных пространства, занятых картинами. Эти картины обрамлялись гирляндами изъ листьевъ плюща, пальметами, и водяными цвѣтами. Отдѣлка фигуръ, которыя сдѣланы менѣе многочисленны и оттого увеличены въ размѣрахъ, тщательна и отчетлива. Поверхность вазъ покрываетъ блестящая глазурь. Черная краска служитъ преобладающимъ цвѣтомъ; этой краской покрывали фигуры, а сверху для ретушевыхъ употребляли красную, темнобурую и бѣлую краску.

Эти успѣхи керамики должны были совершиться очень быстро. Британскій музей владѣеть одной великолѣпной амфорой, которая носитъ уже всѣ характерные признаки, обозначающіе новую эпоху, и которая несомнѣнно принадлежитъ половинѣ VI в. Она была найдена въ Вульчи. Туловище вазы окружаетъ широкая полоса, раздѣленная на двѣ части орнаментами изъ сплетеній, помѣшенными ниже ручекъ. Вверху и внизу ее ограничиваютъ двѣ очень узкія ленты: верхняя занята пальметами, а въ нижней изображенъ рядъ животныхъ и птицъ азіатскаго характера.

Въ главной полосѣ на одной сторонѣ вазы сюжетомъ композиціи служитъ рожденіе Аѳины. Извѣстно, что Фидій избралъ этотъ важный для Аѳинъ моментъ изъ жизни богини для украшенія восточнаго фронтона Парѳенонскаго храма. Какъ полагаютъ, великій художникъ изобразилъ богиню тотчасъ по рожденіи являющуюся во всемъ своемъ величій среди удивленныхъ боговъ. Въ этомъ онъ слѣдовалъ гомеровскому гимну:—

..... σέβας δ' ἔχε πάντας ὀρώνας
 ἀθανάτους· ἢ δὲ πρόσθεν Διὸς αἰγιόχοιο
 ἔσσυμένως ὄρουσεν ἀπ' ἀθανάτοιο καρήνου,
 δεισας' ὄξυν ἄκοντα· μέγας δ' ἐλελίξειτ' Ὀλυμπος
 δεινὸν ὑπὸ βρίμης γλαυκώπιδος· ἀμφὶ δὲ γαῖα
 σμερδαλέον ἰάχησεν· ἐκινήθη δ' ἄρα πόντος,
 κύμασι πορφυρέοισι κυκώμενος· ἔχχυτο δ' ἄλμη
 ἔξαπίνης· στήσεν δ' Ὑπερίονος ἀγλαὸς υἱὸς
 ἵππους ὠκύποδας δηρὸν χρόνον, εἰσόχε κούρη
 εἶλετ' ἀπ' ἀθανάτων ὤμων θεοείκελα τεύχη
 Παλλὰς Ἀθηναίη· γήθησε δὲ μητίετα Ζεὺς.

(Hymn. hom. 28 v. 6—16) ¹⁾.

¹⁾ Schneider, Die Geburt der Athena. Ein Beitrag zur Wiederherstellung der oestlichen Giebelgruppe des Parthenon. Wien, 1880, p. 2.

Отъ восточнаго фронтона Пареевонскаго храма сохранились только незначительные фрагменты, и о композиціи его скульптуръ мы можемъ судить по одному мадридскому мраморному рельефу, воспроизводящему тотъ-же моментъ соотвѣтственно описанію гимна ¹⁾.

Совершенно иначе, болѣе наивнымъ образомъ, представленъ этотъ сюжетъ на нашей вазѣ. По срединѣ на богатомъ стулѣ воссѣдаетъ Зевсъ (Ζεύς) съ эгидой въ рукѣ, изображенный въ профиль. Изъ его головы какъ кукла выскакиваетъ небольшая фигурка Аѳины (ΑΘΕΝΑΙΑ), потрясающей копьемъ. Справа и слѣва ихъ окружаютъ олимпійскіе боги; прямо противъ Зевса стоитъ Илітія (ΗΙΛΕΙΟΥΣΑ), а за ней Гераклъ и Арей; позади Зевса—Аполлонъ (ΑΠΟΛΩΝ), играющій на лирѣ, Гера (ΗΕΡΑ) и Посейдонъ (ΠΟΣΕΙΔΩΝ); еще дальше Гефестъ (ΗΕΦΑΙΣΤΟΣ) убѣгаетъ, испуганный дѣйствіемъ своего удара.

Группа на оборотной сторонѣ вазы представляетъ сцену прощанія воина, отправляющагося на сраженіе. Воинъ, по имени Каллій (ΚΑΛΙΑΣ), стоитъ на квадригѣ рядомъ съ возницей; возлѣ него летящая птица съ человѣческой головой, „лицетвореніе его желанія, его воли, φάτις, или его души, ψυχή; она стремится впередъ, страстно желая достигнуть поля сраженія“ (Раѣе, стр. 103). Передъ квадригой сидитъ на складномъ стулѣ (ὀκλαδίας) старикъ въ богатой одеждѣ, съ обнаженной головой, очевидно, отецъ провожающій сына. Позади лошадей видны еще два воина и мужская фигура безъ оружія, обращающаяся съ рѣчью къ Каллію.

Эта сцена очень обыкновенна на росписныхъ вазахъ и извѣстна подъ названіемъ „Отъѣздъ воина“. Но здѣсь обращаетъ на себя вниманіе имя Каллія. Оно принадлежало одному изъ богатѣйшихъ родовъ въ Аѳинахъ, въ которомъ имена Каллій и Гишпоніи чередовались почти въ теченіи двухъ вѣковъ. Этотъ родъ получаетъ свою извѣстность со времени Солона. Гишпоніи, самый древній представитель этой фамиліи, разбогатѣлъ, злоупотребивъ сообщеніемъ, сдѣланнымъ ему Солономъ относительно освобожденія отъ долговъ (Plut. Sol. 15). Его внукъ, Каллій, былъ современникомъ Пизистрата и однимъ изъ наиболѣе уважаемыхъ людей въ Аѳинахъ. Онъ извѣстенъ своею склонностью къ разведенію лошадей, благодаря которымъ онъ одержалъ

¹⁾ См. рисунокъ рельефа у Baumeister's Denkmäler d. klassisch. Altert., p. 219.

побѣды на олимпійскихъ и пиеійскихъ играхъ. Его богатство и извѣстность позволили ему играть значительную политическую роль и быть смѣлымъ противникомъ Пизистрата. Когда Пизистратъ подвергся изгнанію, Каллій одинъ взялъ на себя смѣлость скупить имѣнія изгнаннаго тирана.

По мнѣнію Райе, на нашей вазѣ Каллій представленъ отъѣзжающимъ на войну или на Панаѳенейскія празднества, единственныя игры, гдѣ допускались состязанія на боевыхъ колесницахъ. Послѣднее весьма вѣроятно, такъ какъ амфора британскаго музея принадлежитъ къ числу агонистическихъ, т. е. присуждаемыхъ въ награду при состязаніяхъ. Великій Панаѳенейскій праздникъ (*τὰ μέγала Παναθηναία*) установленъ въ Аѳинахъ за нѣсколько лѣтъ до воцаренія Пизистрата (556 г. до Р. Х.)¹⁾. Слѣдовательно, вазу нужно отнести или къ этому времени или къ одной изъ первыхъ двухъ ссылокъ тирана, до 537 года, когда Пизистратъ въ третій разъ возвратился въ Аѳины и когда Каллій уже не былъ въ живыхъ²⁾. Характеръ живописи на вазѣ показываетъ, что она относится къ половинѣ VI в.

Другая аттическая амфора, найденная въ Вулчи, принадлежитъ берлинскому музею. Вся ваза покрыта чернымъ лакомъ и украшена двумя картинами. Изящное воспроизведеніе одной изъ нихъ даетъ Райе (Pl. 7). Гергардъ (*Etruskische und kampanische Vasenbilder des K. Museums zu Berlin pl. 2 и 3*) видитъ въ ней сцену, относящуюся къ Панаѳенейскимъ празднествамъ. На вазѣ представлено жертвоприношеніе Аѳинѣ. Богиня стоитъ въ спокойномъ положеніи; ея голову покрываетъ высокій шлемъ; въ лѣвой рукѣ она держитъ большой круглый щитъ, а въ правой, поднятой вверхъ, копье. Передъ ней находится жертвенникъ, къ которому приблизилась процессія: впереди жрица съ миртовыми вѣтвями въ рукахъ; она обращается къ богинѣ съ моленіемъ; за ней слѣдуетъ бородастый мушкетеръ съ почитательно наклоненной головой, движеніемъ руки показывающій свое участіе въ просьбахъ, которыя жрица приноситъ богинѣ.

1) Панаѳенейскій праздникъ существовалъ и раньше, но до этого времени онъ не имѣлъ такого блеска, какъ впоследствии, не былъ отдѣленъ отъ малыхъ Панаѳенеевъ и совершался ежегодно.

2) По Курціусу, первая тиранія Пизистрата продолжалась около 1 $\frac{1}{2}$ года, первая ссылка 5 лѣтъ, вторая тиранія 1 $\frac{1}{2}$ года, вторая ссылка—11 л.; третья тиранія—14 лѣтъ. (Исторія Греціи. Перев. А. Веселовскаго. М. 1876. Прилѣч. 144, на стр. 556).

Наконецъ, двое юношей подводятъ молодую корову, предназначенную въ жертву.

На другой картинѣ изображены четыре музыканта въ богатыхъ костюмахъ, идущіе направо, также, можетъ быть, сцена, заимствованная изъ Панаѳенейскихъ празднествъ. Два первыхъ музыканта играютъ на флейтахъ, два другіе—на киварахъ. Возлѣ каждого поставлена надпись обозначающая его имя.

Мужскія фигуры на этихъ картинахъ воспроизведены черной краской, а нагія части женскихъ фигуръ окрашены въ бѣлый цвѣтъ. Части одеждъ—бурокрасныя. Эти фигуры чрезмѣрною развитостью своихъ формъ напоминаютъ произведенія греческой скульптуры второй половины VI ст., напр. Аполлона Тенейскаго.

Аѳины, подобно Коринѳу, производили своими сосудами весьма обширную торговлю. Этимъ объясняется то, что вазы, аттическое происхожденіе которыхъ несомнѣнно доказываютъ надписи и сюжеты, гораздо чаще были находими въ Италіи, нежели въ самыхъ Аѳинахъ. Впрочемъ, и во многихъ другихъ городахъ собственной Греціи и колоній существовали фабрики вазъ, которыя въ своихъ издѣліяхъ старались подражать аѳинскимъ горшечникамъ. Такимъ образомъ, въ большинствѣ случаевъ бываетъ трудно опредѣлить, происходитъ ли та или иная ваза изъ Аѳинъ, или изъ какого нибудь другого города. Такія фабрики въ VI в. существовали въ Тарентѣ, Метапонтѣ, Сибарисѣ, Кротонѣ, Локрахъ, Сиракузахъ, Селинунтѣ, Агригентѣ и Кумахъ. Нѣкоторыя вазы, происходящія изъ этихъ городовъ, носятъ даже дорическія надписи.

Отъ этихъ произведеній керамики VI ст. необходимо отличать вазы архаистическаго стиля, т. е. такія, которыя принадлежатъ болѣе поздней эпохѣ и только созданы въ стилѣ, подражающемъ древнему. Несмотря на стараніе художника удержать особенности древней живописи, вліяніе усовершенствованнаго искусства довольно явственно обнаруживается на этихъ вазахъ. Къ этому разряду сосудовъ принадлежитъ между прочимъ энохое берлинскаго музея, найденная въ Вульчи. На вазѣ находится подпись:—

† O L † O Σ Μ Ε Π Ο Ι Ε Σ Ε Ν

Κόλυρος μ'έποιήσεν. Сюжетъ, украшающій вазу, представляетъ битву Геракла и Ароя надъ трупомъ Клына. Гераклу помогаетъ Аѳина, а

на сторонѣ Ареса стоитъ Зевсъ, выражающій желаніе примирить враждующія стороны. Отъ мѣста битвы удаляются двѣ колесницы, — на геракловой находится Юлай, на колесницѣ Ареса — Фобъ. На второмъ планѣ, Посейдонъ и Аполлонъ спѣшаютъ приблизиться къ мѣсту борьбы. Наконецъ, Діонисъ и Нерей съ обѣихъ сторонъ заканчиваютъ композицію. — Ниже этой сцены идетъ узкая лента, въ которой изображены животныя. „Рисунокъ доводитъ здѣсь свою точность до чрезвычайной сухости и въ нѣкоторыхъ частяхъ, какъ напр. въ изображеніи колесницъ, обнаруживаетъ гибкость руки, которая не можетъ скрыть систематическаго исканія (архаической) неподвижности; искусство сочетанія линій составляетъ контрастъ съ умышленной наивностью жестовъ нѣкоторыхъ лицъ. Эта ваза не можетъ быть древнѣе половины V в.“ (Раде, стр. 108).

Къ вазамъ архаистическаго стиля Раде причисляетъ сосуды принадлежащіе фабрикѣ Никостена. Надпись —

ΝΙΚΟΣΘΕΝΕΣ ΕΠΟΙΕΣΕΝ

сохранилась на 73 вазахъ, изъ которыхъ 50 составляютъ небольшія амфоры. Эти вазы происходятъ изъ различныхъ мѣстъ древняго міра, — изъ Вульчи, Цэре, Агригента, Аттики и Навкратиса. Больше всего ихъ (въ числѣ сорока) найдено въ Цэре. Отсюда Раде полагаетъ, что фабрика Никостена существовала во второй половинѣ V в, въ самомъ Цэре или въ его окрестностяхъ. Дюмонъ, напротивъ, считаетъ его аонянниномъ и думаетъ, что онъ жилъ въ первой половинѣ V ст. Обиліе сохранившихся произведеній Никостена доказываетъ, что издѣлія его фабрики пользовались большою извѣстностью.

Оригинальный характеръ произведеній Никостена особенно замѣтенъ въ его небольшихъ амфорахъ. Свободно и смѣло придавъ онъ имъ форму, указывающую на подражаніе металлическимъ образцамъ. Туловище вазы какъ бы составлено изъ отдѣльныхъ полосъ, которыя спаяны тонкими, пластически воспроизведенными, кольцами. Оно держится на массивной ножкѣ, которой для болѣе прочнаго устоя дано широкое основаніе. Расширяясь кверху, туловище переходитъ въ шею съ широкимъ устьемъ. Плоскія и широкія ручки, словно вырѣзанныя изъ жести, прикрѣплены къ шеѣ и верхней части туловища. Оригинальный орнаментъ изъ пальметъ украшаетъ шею амфоры. Туловище обвиваютъ полосами украшенія изъ двой-

ных пальметъ, смѣшанныхъ съ водяными цвѣтами. Часто среди этихъ полосъ на вазѣ помѣщены сфинксы, сирены и разные дикіе звѣри; иногда мы видимъ небольшіе и простые сюжеты, каковы: Геракль, поражающій немейскаго льва, состязаніе въ бѣгѣ атлетовъ, вакхическія и боевыя сцены.¹⁾ Впрочемъ, Никостенъ заботился о томъ, чтобы заинтересовать своихъ покупателей и давалъ волю своей смѣлой фантазіи, изобрѣтая новые мотивы. На одной чашѣ берлинскаго музея представлена сцена хлѣбопашества. Изображенныя здѣсь животныя, ящерицы, черепахи и саранча, вѣроятно, заимствованы изъ коринѣскихъ образцовъ²⁾.

На другой чашѣ, луврскаго музея, въ центральномъ медальонѣ, который образованъ орнаментомъ на подобіе черепицъ, изображена бѣгущая Горгона; вокругъ идетъ полоса, представляющая виноградникъ, среди котораго воссѣдаетъ Діонисъ, окруженный сатирами и пляшущими менадами. Эта чаша по старательности рисунка, приятному тону черной краски и красивому бурому цвѣту фона можетъ считаться однимъ изъ лучшихъ произведеній Никостена.

Наружную сторону чашъ Никостена украшаютъ сюжеты, состоящіе изъ одной или двухъ фигуръ; онѣ помѣщаются обыкновенно между двумя большими глазами, изображенными возлѣ ручекъ.

Подпись Никостена встрѣчается на двухъ вазахъ съ красными фигурами на черномъ фонѣ и на двухъ чашахъ, въ которыхъ живопись чернофигурная и краснофигурная соединены вмѣстѣ,—первая служить для украшенія внутренней стороны чаши, а вторая—наружной. На одной изъ этихъ чашъ имя Никостена соединено съ именемъ Эпиктета. Изъ этого обстоятельства мы можемъ извлечь важное для насъ указаніе на мѣсто дѣятельности Никостена. Вазы Эпиктета намъ хорошо извѣстны. Ихъ находили въ Вулчи, Цере, Капуѣ и даже въ Пантикапее. Глиняные сосуды, происходящіе изъ греческихъ колоній на сѣверномъ берегу Чернаго моря, какъ извѣстно, раздѣляются на двѣ категоріи: одни принадлежатъ мѣстнымъ фабрикамъ, другіе происходятъ изъ собственной Греціи, и именно изъ Аттики. Очевидно, что сношенія путемъ торговли могли

¹⁾ Изображеніе амфоры Никостена см. у Райе, фиг. 53, у *Baumeister's Denkmäler d. klassisch. Altert.* p. 1983.

²⁾ См. рисунокъ у *Baumeister, Denkmäler d. klassisch. Altert. Taf. I.*

существовать съ одной стороны между Греціей и Италіей, съ другой—между Греціей и Пантикапеей; но трудно предположить эти сношенія между такими отдаленными пунктами, какъ Цере и Пантикапея. Поэтому мы находимъ единственно возможнымъ считать Эпиктета аттическимъ художникомъ. Тогда совершенно понятно, почему вазы съ его именемъ были находимы въ Итали и въ Пантикапее. Сотрудничество-же Эпиктета съ Никостеномъ указываетъ на одно, общее мѣсто ихъ дѣятельности,—Аеины.

Что до времени, въ которое жилъ Никостенъ, то незначительное количество краснофигурныхъ вазъ, принадлежащихъ его фабрикѣ, заставляетъ относить его къ той эпохѣ, когда техника краснофигурной живописи уже стала входить въ употребленіе. Благодаря археологическимъ находкамъ, время появленія краснофигурной живописи опредѣляется теперь совершенно иначе, нежели то дѣлалось прежде. Любопытныя данныя касательно этого вопроса сообщаетъ Потье ¹⁾. На аеинскомъ акрополѣ найдено нѣсколько мраморныхъ базъ, на которыхъ начертаны имена художниковъ, Эвфронія, Андокида, Невиада и Скиоа (Σκίοα). Эти имена указываютъ, что базы служили основаніемъ для большихъ глиняныхъ сосудовъ, поставленныхъ на акрополѣ, какъ посвященный даръ. Судя по формѣ нѣкоторыхъ буквъ, эти надписи слѣдуетъ отнести ко времени до-персидскихъ войнъ. Кромѣ того, въ словъ земли подлѣ мѣста древняго Паренона, сожженного персами, открыто множество черепковъ глиняной посуды, принадлежащихъ времени Кимона, въ томъ числѣ фрагменты краснофигурныхъ вазъ съ подписью художника Пирона. Эти драгоценныя археологическія свидѣтельства прямо удостовѣряютъ, что изобрѣтеніе техники краснофигурной живописи относится къ эпохѣ, предшествовавшей персидскимъ войнамъ, можетъ быть, даже къ концу VI в. Этимъ опредѣляется, такимъ образомъ, и время дѣятельности Эпиктета и всѣхъ художниковъ, которые на своихъ произведеніяхъ соединяли вмѣстѣ два способа изображеній, чернофигурную и краснофигурную живопись. Это время лежитъ близко къ эпохѣ Клизеена, т. е. къ 510 г. до Р. X.

¹⁾ Примѣчаніе 6-е къ стр. 356.

VII.

Чернофигурныя вазы.

Съ конца VI ст. изготовленіе глиняныхъ сосудовъ въ Атикѣ получаетъ отпечатокъ высшаго художественнаго совершенства. Эти сосу́ды могутъ быть обозначены, какъ произведенія стрѣгаго стиля. Начало этого стиля выражаетъ собой одна гидрія британскаго музея. Переднюю сторону вазы украшаетъ рисунокъ, окаймленный гирляндами изъ плюща и пальметами. Представленный на вазѣ сюжетъ переноситъ насъ въ Аѳины, къ знаменитому источнику Калликрое (καλλικροή). Этотъ источникъ, находящійся на правомъ берегу Иллісса, вблизи стараго одеона, по словамъ греческихъ историковъ, былъ обдѣланъ и украшенъ Пизистратомъ; вода его называлась девятью кранами въ ложѣ Иллісса. Съ этого времени его стали называть *ἐννεάκροονος*, т. е. девятикраннымъ. Существовалъ обычай брать отсюда воду для свадебныхъ обрядовъ.—На вазѣ фонтанъ представленъ въ видѣ дорическаго портика; вода вытекаетъ изъ львиной головы, которая придѣлана къ стѣнѣ. Къ фонтану подходятъ шесть женщинъ; одна изъ нихъ наполняетъ свою гидрію водой; другія, частью уже съ наполненными сосудами на головахъ, частью еще съ пустыми, заняты бесѣдой ¹⁾ Имена женщинъ написаны воокъ каждой фигуры аттическими буквами. Вверху картины на полѣ начертана надпись: **ΠΠΟΚΡΑΤΕΣ ΚΑΛΟΣ**. Подобнаго рода надписи мы часто встрѣчаемъ на вазахъ, начиная съ VI в. до того времени, когда вообще прекратилось изготовленіе глиняныхъ росписанныхъ сосудовъ. Рабе старается объяснить общій смыслъ этихъ надписей. Онъ говоритъ, (стр. 117) что живописцы вазъ подражали въ этомъ случаѣ тѣмъ надписямъ, которыя чертились углемъ на оградахъ и стѣнахъ общественныхъ зданій и храмовъ. Чаще всего это были имена красивыхъ эфебовъ Академіи или Ликее; но также иногда надписи касались лицъ, извѣстныхъ народу своимъ знатнымъ происхожденіемъ,

¹⁾ Рис. см. у Рабе, фиг. 54.

побѣдами на священныхъ состязаніяхъ, или выдающихся политическихъ дѣятелей. Время нашей вазы опредѣляется легко; обдѣлка фонтана, современная Пивистрату, и древнее наименование его: **КАΛΙΝΗ ΚΡΕΝΗ** указываютъ на промежутокъ между 520 и 500 г. Этому опредѣленію соответствуетъ и начертанное на вазѣ имя Гиппократа. Это имя принадлежало одному изъ Алкееидовъ, брату Клеона; политическая роль Гиппократа хорошо извѣстна въ дѣлѣ изгнанія Гиппіа и восстановления демократіи.

Строгий стиль, которому даютъ названіе чернофигурнаго, господствовалъ въ Афинахъ въ теченіи первой трети V ст. Чернофигурныя вазы какъ въ техническомъ, такъ и въ стилистическомъ отношеніи обнаруживаютъ существенный успѣхъ сравнительно съ древнѣйшими аттическими сосудами. Въ украшеніи вазъ нѣтъ слѣдовъ восточнаго вліянія. Орнаментація сводится на ограниченное употребленіе мѣандровъ, листьевъ плюща, пальметъ и водяныхъ цвѣтовъ. Употребленіе красной и бѣлой краски для ретушевки также значительно уменьшено. Фигуры писаны вообще черной краской на красномъ фонѣ глины и выдѣляются какъ силуэты; художникъ воспроизводитъ ихъ, окрашивая краской все пространство, означенное контуромъ; нѣкоторыя подробности рисунка, какъ мускулы, складки одежды, черты лица, исполнялись такъ, что художникъ остриемъ сцарапывалъ на этихъ мѣстахъ черный цвѣтъ краски и обнажалъ цвѣтъ глины. Въ исполненіи замѣтно большое мастерство; обдѣлка тщательна и отчетлива; положенія фигуръ схвачены вѣрно и живо; формы опредѣлены съ анатомическимъ знаніемъ, бойко и смѣло. Это былъ періодъ зрѣлаго архаизма въ исторіи греческой керамики; самые великолѣпные образцы сосудовъ этого рода одновременны произведеніямъ пластинки, которая предшествовала эпохѣ полнаго процвѣтанія греческаго искусства.

Разнообразные мотивы, служившіе украшеніемъ чернофигурныхъ вазъ, частью заимствованы изъ сказаній о Гераклѣ и Тезеѣ, частью взяты изъ мифовъ о герояхъ и переданы въ томъ духѣ и характерѣ, который завѣщанъ древнимъ эпосомъ. На вазахъ небольшого размѣра мы видимъ сцены изъ повседневной жизни, гимнастическія упражненія, воинскія и охотничьи занятія, религіозные обряды и т. п.

Намъ извѣстно больше двадцати мастеровъ, почти исключительно афинянъ, которые занимались приготовленіемъ чернофигурныхъ

вазъ. Ихъ имена дошли до насъ начертанными на сосудахъ съ прибавленіемъ слова ἐποίησεν, а иногда ἔγραφε. Мы назовемъ изъ нихъ только тѣхъ, которые пользовались наибольшею извѣстностью. Въ числѣ ихъ первое мѣсто занимаетъ Эзекій (Ἐζηκίας). Изъ девяти вазъ носящихъ имя этого художника, одна была найдена въ Аѳинахъ, остальные—въ Вульчи и Цере (Черветри). Берлинскому музею принадлежитъ амфора, происходящая изъ Вульчи, на которой начертана надпись аттическими буквами:—

Ε—ΣΕΚΙΑΣΕΛΡΑΦΣΕΚΑΠΟΕΣΕΕΜΕ

Ἐζηκίας μ'ἔγραψε καὶ ἐποίησεν. Эта ваза носитъ такой же переходной характеръ, какъ и описанная нами гидрія британскаго музея. На вазѣ представлена борьба Геракла съ немейскимъ львомъ, въ присутствіи Аѳины и Юлая. На оборотной сторонѣ: Два аттическихъ героя, Демофонтъ и Акамантъ, сыновья Тезея, вооруженные возлѣ своихъ лошадей.

Въ этихъ рисункахъ черный цвѣтъ является преобладающимъ, однако нѣкоторыя части исполнены все еще красной и бѣлой краской. Въ меньшей мѣрѣ эти цвѣта употреблены на другой амфорѣ изъ Вульчи, принадлежащей луврскому музею. На одной сторонѣ вазы художникъ представилъ битву Геракла съ Геріономъ¹⁾. Герой, одѣтый въ лъвиную шкуру, съ короткимъ мечемъ въ рукѣ, нападаетъ на Геріона, который изображенъ въ видѣ трехъ гоплитовъ, стоящихъ рядомъ и прикрывающихся круглыми щитами. Между фигурами бойцовъ на землѣ лежитъ раненный пастухъ, Эвритій. Съ лѣвой стороны на полѣ находится подпись художника: Ἐζηκίας ἐποίησεν, а съ правой—надпись: Στῆκίας καλός. Обратная сторона: Воинъ, по имени Архиппъ, на четырехконной колесницѣ. Имена лошадей также обозначены надписями.

Употребленіе цвѣтотъ для ретушевки еще болѣе ограничено на одной изъ самыхъ красивыхъ вазъ Эзекія, амфорѣ Грегоріанскаго музея въ Ватиканѣ. Фонъ вазы черный; шею, туловище и ручки сосуда украшаютъ пальметы и гирлянды изъ плюща. Главный рисунокъ на туловищѣ вазы представляетъ Діоскуровъ; на лѣво, Поли-

¹⁾ См. у Райе, фиг. 55.

девкѣ играетъ съ собакой; на право, Касторъ, съ копьемъ на плечѣ, держащій въ поводу лошадь, готовится къ отъѣзду; при этомъ присутствуютъ его мать, Леда, и Тиндаръ, ласкающій коня; возлѣ Тиндара мальчикъ, несущій на головѣ скамейку.

На другой сторонѣ вазы: Ахиллъ и Аяксъ, сидящіе другъ противъ друга и играющіе въ какую-то игру.

Эта послѣдняя картина, изображеніе которой даетъ Райе, (фиг. 58), замѣчательна необыкновеннымъ мастерствомъ и тщательностью исполненія. Только въ головахъ замѣтна еще полная архаическая неподвижность и отсутствіе жизни; на всѣхъ лицахъ одно и то-же мертвое выраженіе.

Имя второго художника, который занимался приготовленіемъ чернофигурныхъ вазъ, Амазисъ. Это имя—не греческое. Оно принадлежало египетскому Фараону XXVI династіи, который извѣстенъ своимъ расположеніемъ къ эллинамъ: онъ позволилъ имъ селиться въ Египтѣ и строить храмы и самъ былъ женатъ на гречанкѣ изъ Кирены. Это сходство именъ приводитъ къ предположенію, что Амазисъ былъ вольноотпущенникомъ египетскаго происхожденія, или же грекомъ изъ Навратиса или Кирены, получившимъ свое имя въ память царя, который былъ уважаемъ эллинами. Судя по аттическимъ надписямъ на вазахъ Амазиса, полагають, что мѣстомъ его дѣятельности были Аѣины.

Намъ извѣстны три амфоры и пять ольгъ носящихъ его имя. Самый красивый изъ этихъ сосудовъ, амфора, найденная въ Вульчи, принадлежитъ Кабинету медалей въ Парижѣ.

На одной сторонѣ вазы изображены двѣ фигуры, Аѣины и Посейдона, стоящихъ другъ противъ друга. Посейдонъ съ трезубцемъ въ рукахъ, Аѣина въ шлемѣ и съ копьемъ; движеніе ея руки показываетъ, что она обращается съ рѣчью къ богу морей. Между фигурами подпись художника: Ἀμασις μ'εποίησεν. Несмотря на тщательность исполненія, отличающагося совершенствомъ технической отдѣлки, въ этихъ фигурахъ замѣтны всѣ характерныя черты, вся грубость древнѣйшаго, несвободнаго стиля. Все вниманіе художника было обращено на исполненіе тканей, и здѣсь онъ достигъ удивительной виртуозности и мастерства.

Картина на другой сторонѣ вазы написана менѣе тщательно

и потому значительно выигрываетъ въ исполненіи. Она представляетъ вакхическую сцену: Діонисъ съ китарой въ рукахъ и танцующія вакханки.

Рядомъ съ этой школой керамистовъ, старанія которыхъ были направлены главнымъ образомъ къ усовершенствованію техники, стояла другая школа, истинно художественная, произведенія которой отличаются удивительною вѣжностью контуровъ, благородствомъ и свободой композиціи и легкостью работы.

Одно изъ такихъ произведеній, великолепная агонистическая амфора луврскаго музея, замѣчательная по своей величинѣ, найдена въ Афинахъ, на дорогѣ, ведущей изъ Дипилона въ Академію. На ней изображенъ эпососъ Геракла. Афина и Гераклъ вступаютъ на квадригу, въ присутствіи Аполлона, Діониса, Гермеса и двухъ богинь. Этотъ сюжетъ повторенъ также на другой амфорѣ, принадлежащей берлинскому музею и найденной въ Вульчи. Иллюстраціонное воспроизведеніе его даетъ Раге (Pl. 8). Приятный бѣлый цвѣтъ съ чуть замѣтнымъ желтоватымъ оттѣнкомъ (blanc crème), которымъ покрыты лица и руки земскихъ фигуръ, прекрасно гармонируетъ съ черными и красными тонами, которыми исполнены остальные части рисунка.

Это произведеніе полно поэтическаго вдохновенія и гармоніи между стилемъ и исполненіемъ. Въ немъ чувствуется вѣяніе близкой эпохи великаго Фидія.

Невозможно сказать, въ какое время прекратилось изготовленіе чернофигурныхъ вазъ. Не только въ концѣ V и въ IV в. часто употребляли этотъ способъ декораціи для глиняной утвари, но даже и въ III ст. онъ служилъ, какъ освященный преданіемъ, для украшенія сосудовъ религіознаго назначенія. Къ числу такихъ сосудовъ принадлежатъ панаэнейскія амфоры, которыя давались какъ награды на состязаніяхъ во время Великаго Панаэнейскаго праздника. Эти амфоры имѣютъ болѣе удлинненныя формы, нежели обыкновенныя, и сверху закрываются крышкой. Картина, украшающая переднюю сторону туловища вазы, представляетъ всегда Аэину; богиня, потрясая вѣщемъ, стоитъ между двумя колоннами, на которыхъ помѣщены пѣтухи или совы.

На поляхъ, вдоль колоннъ, начертаны двѣ надписи; одна опредѣляетъ назначеніе вазы:—

ΤΟΝ ΑΘΗΝΕΩΣ ΑΘΛΟΝ

τῶν Ἀθηνῆδ' ἄλλων, „награды афинскихъ игръ“. Другая называетъ имя архонта-эпонима.—На другой сторонѣ вазы картина представляетъ родъ состязанія, за которое побѣдитель былъ увѣнчанъ. Панаэнейскія амфоры сохранились въ большемъ количествѣ; онѣ происходятъ изъ различныхъ мѣстъ греческаго міра, изъ Италіи и Киренаики; въ Афинахъ до сихъ поръ найденъ только одинъ экземпляръ; это большая призовая амфора Бургона, принадлежащая британскому музею; ее относятъ къ половинѣ VI в. Чернофигурная живопись, украшающая панаэнейскія амфоры, не можетъ служить доказательствомъ ихъ древности, такъ какъ имена нѣкоторыхъ архонтовъ, начертанныя на вазахъ, принадлежатъ IV ст. до Р. Х., когда искусство было уже далеко отъ наивнаго архаизма, удержаннаго здѣсь лишь по традиціи.

Мы довели исторію греческой керамики до середины пятого вѣка. Съ этого времени входитъ въ употребленіе новый родъ сосудовъ съ красными фигурами на черномъ полѣ. Этотъ новый типъ прошелъ по всѣмъ степенямъ развитія греческаго искусства до той эпохи, когда около перваго столѣтія до Р. Х. совершенно прекратилось изготовленіе глиняныхъ росписныхъ сосудовъ¹⁾. Позволимъ себѣ закончить свое изложеніе словами Карьера объ этихъ вазахъ. „Если мы обратимъ вниманіе на живопись вазъ этой поры, то за первую ея половину найдемъ и здѣсь великое эпическое богатство, сцены богатырскихъ былинъ или боевыхъ упражненій, красныя фигуры на черномъ фонѣ, отличающіяся вначалѣ терпкой строгостью, потомъ все болѣе и болѣе свободныя и изящныя, такія, какими мы воображаемъ себѣ Полигнотовы, говоряція много при всей ограниченности своихъ средствъ, схватывающія самую суть дѣла и ясно ее высказывающія. Далѣе мы находимъ здѣсь грацію, спокойную сопо-

¹⁾ По общему мнѣнію, фабрикація вазъ прекращается послѣ знаменитаго *Senatus consultum de Vaseis* 186 года до Р. Х., который преслѣдуя послѣдователей Вакоховыхъ мистерій, налагалъ запрещеніе и на изготовленіе сосудовъ, необходимыхъ для этихъ мистерій.

становку нѣсколькихъ фигуръ, съ тѣмъ чтобы выразить извѣстное внутреннее чувство въ пріятномъ или трогательномъ положеніи, — нѣчто близкое къ лирическому направленію пластики и живописи, наставшему вслѣдъ за Пелопоннесскою войною "...¹⁾).

Григорій Павлуцкій.

---

¹⁾ Каррьеръ, Искусство въ связи съ общими развитіемъ культуры, стр. 280.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

Конкурсъ на соисканіе Кирилло-Меѳодіевской преміи въ 1,500 и 500 р.

Совѣтъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества симъ объявляетъ, что въ торжественномъ собраніи гг. членовъ, состоявшемся 13 мая 1885 г., по случаю исполнившагося тысячелѣтія блаженной кончины св. Меѳодія, архіепископа моравскаго, учрежденъ въ память славянскихъ первоучителей конкурсъ, съ двумя преміями, одной—въ 1,500 р. и другой—въ 500 р., за лучшія сочиненія, написанныя на слѣдующую тему:

Представить историческіе очерки образованія общихъ литературныхъ языковъ у древнихъ грековъ, италиковъ, у новыхъ народовъ романскихъ (итальянскаго, французскаго, испанскаго) и германскихъ (англійскаго и нѣмецкаго). Изложить судьбы церковно-славянскаго языка у различныхъ народовъ славянскихъ до новѣйшаго времени. Прослѣдить распространеніе чешскаго языка: у словаковъ, у поляковъ,—польскаго въ Западной Руси: у малоруссовъ и бѣлоруссовъ,—сербскаго у хорватовъ. Прослѣдить, по возможности, со временъ Петра Великаго или Ломоносова до нашихъ дней успѣхи русскаго языка у болгаръ, сербовъ, хорватовъ, словенцевъ, словаковъ, чеховъ, сербовъ-лужичанъ, поляковъ. Изложить въ хронологическомъ порядкѣ и въ известной системѣ разнообразныя появившіяся, начиная съ Крѣжамича до послѣдняго времени, среди славянскихъ писателей, мнѣнія по вопросу о взаимномъ литературномъ общеніи, объ общемъ дипломатическомъ органѣ и о литературномъ славянскомъ единствѣ. Въ заключеніе, опираясь на результаты предъидущихъ изслѣдованій и на историческія аналогіи древнихъ и новыхъ образованныхъ странъ и народовъ, авторъ долженъ самъ доставить и рассмотреть вопросы: возможно-ли и необходимо-ли литературное единство народностей славянскихъ? При этомъ авторъ не долженъ упускать изъ виду существованія въ Италіи, Испаніи, Франціи, Англии, Германіи литературной мѣстной обработки отдѣльныхъ народій и поднарчій, даже говоровъ, исчезающей и депрервавшейся съ утвержденіемъ въ этихъ странахъ общихъ литературныхъ языковъ.

II

Прежній срокъ представленія сочиненій на вышеназложенную тему нынѣ предложенъ до 11 мая 1890 года, причемъ сочиненія должны быть доставлены въ Совѣтъ Славянскаго Общества (въ С.-Петербургѣ, на площади Александринскаго театра, № 7) безъ означенія имени автора, только съ номеромъ или девизомъ.

Обозначеніе имени автора должно быть приложено въ особомъ, наглухо запечатанномъ конвертѣ, на которомъ должны быть прописаны номеръ или девизъ рукописи.

По присужденіи, по докладу Совѣта общему собранію, за лучшія сочиненія премій, таковыя будутъ выданы соискателямъ, по вскрытіи конвертовъ съ ихъ именами въ одномъ изъ торжественныхъ общихъ собраній.

За лучшее сочиненіе будетъ выдано 1,500 р., за второе же, по достоинству, 500 р.

Сочиненія могутъ быть написаны по-русски, или на любомъ изъ славянскихъ нарѣчій, или даже на одномъ изъ извѣстнѣйшихъ западно-европейскихъ языковъ.

Если С.-Петербургское Славянское Благотворительное Общество признаетъ нужнымъ, по соглашенію съ авторомъ, издать въ свѣтъ (буде сочиненіе рукопись, а не печатная книга) премированное сочиненіе,—то оно его печатаетъ только на русскомъ языкѣ, хотя бы оригиналъ былъ и нерусскій.

При присужденіи премій имѣются главнѣйше въ виду слѣдующія качества: точность, полнота и обработка сообщенныхъ фактовъ, ясность доводовъ и достоинство изложенія.

Конкурсъ на соисканіе преміи имени А. Ѳ. Гильфердинга въ 1,000 руб.

Совѣтъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества симъ объявляетъ, что на соисканіе преміи имени покойнаго А. Ѳ. Гильфердинга предлагается слѣдующая тема: представить географическій и этнографическій очеркъ современной Македоніи, причемъ, въ особенности, остановиться на характеристикѣ говоровъ ея славянскаго населенія; изложить, на основаніи источниковъ, историческія судьбы Македоніи съ VI—VII вѣка по XV вѣкъ; приложить указатель урочищъ и краткое описаніе сохранившихся въ нынѣшней Македоніи памятниковъ византійской и славянской старины за указанное время.

III

Сочиненія на эту тему должны быть доставлены въ Совѣтъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества (въ С.-Петербургѣ, на площади Александринскаго театра, № 7), не позже 11 мая 1890 г. безъ означенія имени автора, но съ девизомъ или эпиграфомъ.

Означеніе имени автора должно быть приложено въ особомъ наглухо запечатанномъ, конвертѣ, на которомъ долженъ быть прописанъ девизъ или эпиграфъ рукописи.

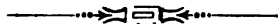
За сочиненіе, удовлетворяющее всѣмъ вышеизложеннымъ требованіямъ, автору будетъ выдана полная премія—въ тысячу (1,000) рублей.

Эта премія можетъ быть раздѣлена на двѣ—въ 700 р. и 300 р.

Авторы сочиненій, неудовлетворяющихъ всѣмъ условіямъ предлагаемаго конкурса, награждаются премією въ уменьшенномъ размѣрѣ—въ 700 или въ 300 р.,—смотря по достоинствамъ сочиненія.

Сочиненія должны быть написаны на русскомъ языкѣ.

С.-Петербургское Славянское Благотворительное Общество оставляетъ за собою право перваго изданія премированнаго сочиненія, съ предоставленіемъ въ распоряженіе автора отъ 300 до 400 экземпляровъ.

ОБЪ ИЗДАНИИ УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ въ 1889 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлью, въ Университетскихъ Извѣстіяхъ печатаются:

1. Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.
2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету.
3. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и постороннихъ слушателей.
4. Обзорѣнія преподаванія по полугодіямъ.
5. Программы, конспекты, и библиографическіе указатели для учащихся.
6. Библиографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую бібліотеку и въ студентскій ея отдѣлъ.
7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной части Университета.
8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.
9. Годичные отчеты по Университету.
10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.
11. Разборы диссертаций, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, *pro venia legendi* и т. п., а также и самыя диссертаци.
12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.
13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полные курсы преподавателей.
14. Ученые труды преподавателей и учащихся.
15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распредѣляются въ слѣдующемъ порядкѣ: Часть I—о ф ф и ц і а л ь н а я (протоколы, отчеты и т. п.); Часть II—н е о ф ф и ц і а л ь н а я: отдѣлъ I—*историко-филологическій*; отдѣлъ II—*юридическій*; отдѣлъ III—*физико-математическій*; отдѣлъ IV—*медицинскій*; отдѣлъ V—*критико-библиографическій*—посвящается критическому обзорѣнію выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной); отдѣлъ VI—*научная хроника* заключаетъ въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ и т. п. свѣдѣнія. Въ *прибавленіяхъ* печатаются матеріалы и переводы сочиненій; а также указатели бібліотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

Университетскія Извѣстія въ 1889 году будутъ выходить въ концѣ каждаго мѣсяца, книжками, содержащими въ себѣ до 15 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ **Извѣстій** безъ пересылки *шесть руб. пятьдесятъ копѣекъ*, а съ пересылкою *семь рублей*. Въ случаѣ выхода *приложеній* (большихъ сочиненій), о нихъ будетъ объявлено особо. Подписчики **Извѣстій**, при выпискѣ приложеній, пользуются уступкою 20%.

Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе **Университетскихъ Извѣстій** 3 руб. сер., а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ комиссіонеру Университета *Н. Я. Оглоблину* въ С.-Петербургъ, на Малую Садовую, № 4-й, и въ Кіевъ, на Крещатикъ, въ книжный магазинъ его же, или непосредственно въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

Редакторъ В. Уконниковъ.